

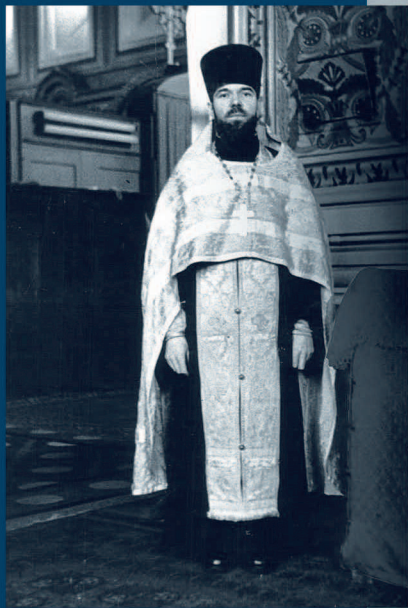
ОБРАЗ ВЕРНЫМ

ПАМЯТИ ПРОТОИЕРЕЯ
НИКОЛАЯ ВИНУКUROBA

ОБРАЗ ВЕРНЫМ

ПАМЯТИ ПРОТОИЕРЕЯ

НИКОЛАЯ
ВИНУКУРОВА





ОБРАЗ ВЕРНЫМ

ПАМЯТИ ПРОТОИЕРЕЯ
НИКОЛАЯ
ВИНОКУРОВА

Иваново
2017

БК 84-5
О23
ИС Р17-713-0536

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской
Православной Церкви

Образ верным. Памяти протоиерея Николая Винокурова. Ред.-сост.: В.В. Иванов, А.А. Федотов –
Иваново, 2017. – 320 с., ISBN 978-5-9500966-5-5.

В книгу, посвященную памяти протоиерея Николая Винокурова, вошли воспоминания о нем тех людей, кому дорог почивший пастырь, художественные произведения, на которые он вдохновил их авторов, фотоматериалы.

Для широкого круга читателей.

© Иванов В.В., Федотов А.А., 2017

© Благотворительный Фонд

Святителя Николая Чудотворца, 2017

Редакторы-составители:

Иванов Валерий Викторович – депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, первый заместитель председателя Комитета по Регламенту и организации работы Государственной Думы;

Федотов Алексей Александрович – доктор исторических наук, профессор Ивановского филиала Института управления, член Союза писателей России.

ОТ РЕДАКТОРОВ-СОСТАВИТЕЛЕЙ

Дабы успех твой
для всех был очевиден
(1 Тим. 4: 15)

7 апреля 2017 года, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы исполнилось 50 лет со дня, когда в 1967 году протоиерей Николай Винокуров был рукоположен в сан священника. Уже больше 16 лет, как завершился земной путь этого удивительного человека, которого отличали какая-то неземная доброта и любовь к людям, но его по-прежнему помнят и чтут православные ивановцы. А пастырское служение составляло саму суть его жизни, казалось, что он родился для этого. Поэтому юбилей его священнической хиротонии не должен был пройти незамеченным. В этой связи мы с доктором исторических наук А.А.Федотовым, который был ответственным редактором посвященной памяти отца Николая книги «Человек Божий», вышедшей в 2001 году, вскоре после трагической кончины доброго пастыря, приняли решение о подготовке и издании новой книги, посвященной памяти протоиерея Николая Винокурова.

В России все священники стали носить наперсные кресты только с конца девятнадцатого века. Императорским указом от 14 мая 1896 года был введен в церковное употребление крест, являющийся знаком отличия всякого священника и иеромонаха. На обратной стороне креста была надпись: «“Образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою” (1 Тим. 4: 12). Лета 1896, мая 14 дня». Вот эти слова Послания апостола Павла к Тимофею в полной мере лучше всего отражают сущность служения отца Николая, который достойно нес свой пастырский крест, невзирая ни на какие жизненные сложности. Поэтому новую книгу мы решили назвать «Образ верным».

Структура этого издания несколько отличается от вышедшего в 2001 году. В него вошли три проповеди отца Николая, позволяющие составить представление о его гомилетическом наследии; также помимо воспоминаний, опубликованных в первой книге, включены многие дополнительные. Это и воспоминания людей, поздно поданные в 2001 году, вследствие чего не могли быть тогда опубликованы, но сейчас, спустя 16 лет, оказавшиеся востребованными. Это и воспоминания тех, кто, узнав о том, что такая книга готовится к изданию, захотел ими поделиться, потому что память протоиерея Николая Винокурова по-прежнему для них дорога и важна. Отец Николай вдохновил некоторых людей на создание художественных произведений, которые также вошли

в эту книгу. Многие свидетельствуют о чудесах, которые по молитвам этого удивительного священника произошли в их жизни.

И я был не единожды свидетелем того, как по молитвам отца Николая происходило чудо. Однажды мне позвонила знакомая женщина и попросила привезти к ней, практически умирающей, протоиерея Николая Винокурова. Встретивший нас главный врач больницы сказал, что медицина, к сожалению, уже не в силах ей помочь, надо готовиться к худшему. Отец Николай исповедал женщину, причастил Святых Христовых Тайн, соборовал. И о чудо! Женщина постепенно начала выздоравливать и через некоторое время вышла на работу, где успешно трудилась.

Это показывает, как близко чудо к нашей повседневности, как важно уметь его видеть; видеть чудо Божие в каждом человеке, с которым сводит нас жизнь, как умел это видеть отец Николай – ведь именно потому так и любили его люди, так и тянулись к нему, что это он первый сумел их увидеть; прежде чем он стал важен для них, они стали для него важны. Отмечу еще, что даже официальный епархиальный некролог о нем был самым неформальным и теплым из документов подобного рода, которые я видел.

Для меня лично память протоиерея Николая Винокурова особо дорога; могу засвидетельствовать, что радость и мир приходили в сердце после общения с ним, что все дела,

на которые было его благословение, всегда получались.

Апостол Павел писал в Послании к Тимофею: «Занимайся чтением, наставлением, учением. Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства. О сем заботься, в сем пребывай, дабы успех твой для всех был очевиден» (1 Тим. 4: 13-15). Казалось бы, с чисто внешней точки зрения, успех отца Николая был не очевиден: он жил с сестрой в крохотном приделке частного дома, имел очень скромный достаток, тяжело болел, вопреки имевшимся предпосылкам не сделал церковной «карьеры», трагически погиб... Но с той точки зрения, которую дает Новый Завет и которая была определяющей для самого отца Николая, — этот успех очевиден: он в жизни, прожитой в любви к Богу и людям, в жизни, отданной тому служению, которое наполняло ее смыслом; в жизни, прожитой так, что вместе с апостолом Павлом он мог бы сказать в ее конце: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его» (2 Тим. 4: 7-8).

*Депутат Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации,
первый заместитель председателя Комитета
по Регламенту и организации работы
Государственной Думы В.В. Иванов*

В ПАМЯТЬ ВЕЧНУЮ БУДЕТ ПРАВЕДНИК

Дар веры нельзя внушить, его можно
лишь обрести. Божественная благодать
действует всячески на умы, но добровольно
и свободно. Если у человека не будет пережита
личная встреча с духовным миром и он
не почувствует высшую помощь, защиту,
успокоение в трудный час – он никогда
не уверует по-настоящему.

Протоиерей
Николай Винокуров

...Удивительно скромный, с равной любовью обращавшийся к каждому человеку протоиерей Николай Винокуров привлекал к себе множество людей, жаждущих духовного исцеления, ищущих в его молитвах помощи от штормов житейского моря. Он говорил очень просто. Как сейчас помню, как он всегда обращался к людям еще не верующим, но желающим прийти к вере: «Я мог бы много всего вам говорить. Но если Господь не коснется Сам вашего сердца, если вы не переживете этой встречи с Богом, то все мои слова о вере будут напрасны».

Сам отец Николай верил глубоко и искренне, и эту радость общения с Богом стремился разделить с другими людьми. Очень скромный, он никогда не стремился сделать какую-то

карьеру. Однако Господь поставил его на достаточно ответственные церковные послушания секретаря епархиального управления и настоятеля кафедрального собора. Отец Николай как-то рассказывал мне, что один раз рассматривался вопрос о возможности рукоположения его в сан епископа для служения в одной из епархий России. Батюшка страшился высокой ответственности архиерейского служения и горячо молился, чтобы чаша сия его миновала. И Господь услышал эти молитвы: вопрос был снят. Хотя протоиерей Николай Винокуров и тяготился административными послушаниями, но он вполне с ними справлялся. Как вспоминал назначенный в 1988 году уполномоченным Совета по делам религий по Ивановской области Е.А. Богородский, «я мог убедиться в том, как точно, тактично, и вместе с тем настойчиво и твердо вел отец Николай сложные переговоры с чиновниками, преодолевая заскорузлость старых представлений об отношениях Церкви и государства. Более 25 новых приходов было зарегистрировано за сравнительно небольшой срок на территории области».

Отец Николай говорил всегда очень просто, но его слова шли из глубины верующего сердца и покоряли души людей. Он, даже тяжело больной, никому не мог отказать в словах наидания и утешения, хотя общение с людьми отнимало последние его силы. После тяжелых перенесенных болезней, опираясь на палку,

батюшка все равно служил литургию, после которой множество народа устремлялось к нему, и каждый хотел услышать ответ на свой наболевший вопрос. У батюшки не было физических сил поговорить с каждым, но он не мог никому отказать, поэтому сослужившему с ним отцу Родиону порой приходилось почти насильно вводить его в алтарь, иначе от перенапряжения отец Николай мог упасть прямо в храме...

Николай Макарович Винокуров родился 4 октября 1939 года в деревне Гумнищи Чкаловского района Горьковской области. Детские годы во многом предопределили его будущую судьбу. Как вспоминала его сестра, «Николай в детстве был скромным ребенком. Шумных компаний сверстников он не любил, но друзья у него были. Он был очень религиозным, за что в советской атеистической школе ему попадало».

Окончил 7 классов, после чего в 1957 году поступил в Киевскую Духовную семинарию. По окончании первого класса семинарии, в 1958 году, был призван на военную службу, которую проходил до 4 декабря 1961 года. Там ему пришлось очень тяжело: верующих считали людьми второго сорта, и он попал в стройбат, где было много людей опустившихся, не имевших никаких нравственных ценностей. Особенно возненавидел Николая один солдат. Николай чувствовал это, но всегда был с ним приветлив, молился за него. И когда пришло

время им демобилизоваться, то этот солдат, никогда не отвечавший ранее даже на его приветствия, подошел и сказал: «Ты знаешь, Николай, ведь я хотел тебя убить, но что-то не дало мне этого сделать. Прости меня!» И об этом человеке отец Николай потом всегда молился. Замполит части угрозами заставлял подписать напечатанное на листе бумаги отречение от Бога, но будущий священник не боялся ничего.

После военной службы – год работы псаломщиком в сельском храме, поступление в Московскую Духовную семинарию, а после ее окончания – в Московскую Духовную академию. Как вспоминал впоследствии его сокурсник, протоиерей Владимир Кучерявый, «Коля был тих и скромен, всегда с любовью ко всем относящийся. В присутствии Коли нам, молодым тогда студентам, всегда было совестно неуместное что-то сказать, тем более сделать. Он был совестью нашего курса». В 1965 году Николай был рукоположен в сан диакона, в celibате. На третьем курсе МДА, 7 апреля 1967 года, был рукоположен в сан священника. 17 июня 1969 года окончил Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия за работу по кафедре гомилетики, посвященную проповедническому наследию святителя Филарета (Гумилевского). После окончания её был направлен Учебным комитетом Московской Патриархии в Ивановскую епархию.

Все годы своего пастырского служения священник Николай Винокуров проходил в Преображенском кафедральном соборе города Иванова. С 6 сентября 1969 года по 31 октября 1977 года исполнял обязанности благочинного сначала 4-го, а затем 2-го округа. Его портрет того времени хорошо отображает характеристика, данная пастырю в 1975 году архиепископом Ивановским и Кинешемским Иовом: «Священник Николай Винокуров – клирик Преображенского кафедрального собора города Иванова и благочинный 4-го округа принадлежит к числу лучших священнослужителей епархии. Выходец из благочестивой крестьянской семьи. Священник Николай Винокуров сумел получить высшее богословское образование и, сочетав с этим глубокое религиозное убеждение, явил собою пример хорошего священника. Будучи чутким и внимательным к каждому, он благожелательно относится ко всем запросам своих духовных чад. Настроен он ко всем всегда мирно и доброжелательно. Отличается большим смирением, послушанием и дисциплинированностью».

Отца Николая хорошо знал и высоко ценил ныне покойный Святейший Патриарх Алексий II. Когда архиепископ Амвросий рассказывал ему об инсульте, который случился с протоиереем, то Патриарх сказал: «Вы меня опечалили».

...Когда протоиерей Николай Винокуров умер, то проститься с ним пришло множество

народа. Его духовный отец и друг архиепископ Амвросий сказал об усопшем: «Народ его всегда очень любил. Да и невозможно его было не любить, потому что он был удивительно честный и добрый, любвеобильный человек. У него было какое-то внутреннее духовное зрение, он понимал внутренний мир каждого человека. Но случилось просто непоправимое. Пришлось нам потерять дорогого отца Николая. Дай Бог, чтобы такие священнослужители повторялись в нашей Святой Церкви, потому что на таких людях, истинных рабах Божиих, держится все наше Православие».

Люди свидетельствуют, что на могилке батюшки, после молитвенного его поминовения, получают облегчение и помощь в своих житейских нуждах. Скорый на помощь ближнему в дни земной своей жизни отец Николай остается таким же и переступив порог смерти. Жизнь его была исповеданием Христа в безбожном мире, когда же появилась возможность свободной проповеди, то у него появилось другое к ней препятствие – тяжелые болезни. Но он всегда проповедовал – и не только словами, но и всей своей жизнью. Многим помогли найти свой путь к вере статьи на духовные темы, опубликованные отцом Николаем в светских печатных изданиях. Еще при жизни батюшки вышли две его книги, в одну из которых вошли его проповеди, а во вторую – его работа на соискание степени кандидата богословия.

В год его кончины вышла книга «Человек Божий», целью которой было собрать воедино еще свежие воспоминания людей, близко знавших протоиерея Николая Винокурова. В сборник вошли опубликованные ранее его труды, фотоматериалы из личных архивов. Сейчас, спустя 16 лет, выходит новая книга, посвященная памяти отца Николая, в которую включены как воспоминания из книги 2001 года, так и новые материалы: память о добром пастыре по-прежнему живет в сердцах людей.

*А.А. Федотов,
доктор исторических наук,
член Союза писателей России*

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ ВИНОКУРОВ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ НЕКРОЛОГ

8 марта 2001 года после продолжительной болезни скончался добрый пастырь, верный служитель алтаря Господня, заштатный клирик Ивановской епархии митрофорный протоиерей Николай Винокуров.

Николай Макарович Винокуров родился 4 октября 1939 года в деревне Гумнищи Чкаловского района Горьковской области. Детские годы во многом предопределили его будущую судьбу. «...Мама у меня была очень верующей, и отец, и дядя – архимандрит Никодим, который 3 года назад умер. Я у него воспитывался. Учился в 5 классе и жил у бабушки. И потом он отвез меня в Киев в семинарию. А до поступления в неё я прислуживал у отца Никодима в алтаре. С ранней юности у меня было стремление к священству. Очень хотел поступить в семинарию, чтобы иметь необходимые знания для прохождения пастырского служения», – вспоминал в 1998 году протоиерей Николай. По окончании 1 класса семинарии, в 1958 году, был призван на военную службу, которую проходил до 4 декабря 1961 года. После окончания срока военной службы, с 1961 года по 1962 год исполнял обязанности псаломщика в Троицком храме села Воронцово Ивановской области. В 1962 году, несмотря на противодействие атеистических властей, поступил во

2 класс Московской Духовной семинарии и окончил её в 1965 году. В этом же году поступил на 1 курс Московской Духовной академии.

Отец Николай скупно говорил о тяжестях и невзгодах его юности, которые для него, человека впечатлительного и ранимого, были особенно неудобноносимы. «От гонений советского времени мы были как бы ограждены высокими стенами Лавры. Правда, из семинарии тогда забирали в армию. В армии было посложнее. А вот уже после армии я притеснений не ощущал. В стенах Лавры мы были как в оазисе среди духовной пустыни», – вспоминал он.

Большое участие в судьбе Николая Винокурова принял архиепископ Ивановский и Кинешемский Амвросий, в то время простой иеромонах. Благодарность ему отец Николай сохранил до самой смерти, тем более, что волею судеб Божиих им пришлось вместе служить Церкви Христовой не одно десятилетие.

«...Владыка внес большую лепту в мою судьбу. Когда я вернулся из армии... мне пришла телеграмма – вызов в семинарию во второй класс. И вдруг – вызывают в военкомат, отбирают военный билет... приходится ждать. Я спрашиваю военкома: «Я же только из армии пришел, пять месяцев назад?» – «А вас на переподготовку». – «Какая переподготовка после службы в стройбате?» Ну, я понял тогда в чем дело. Стал проходить комиссию и на две недели задержали меня... На две недели опоздал и думаю: что теперь делать? Мой дядя, отец Никодим, был тогда еще жив, он мне и говорит:

«Съезди к отцу Амвросию». Я приехал к нему в Толпыгино и говорю: «Отец Амвросий, вот мне пришел вызов в семинарию, а я поехать не могу, у меня военный билет забрали. Может быть, Вы сможете мне как-то помочь?» Он говорит: «Ну, хорошо, съезжу с тобой в Троице-Сергиеву Лавру, у меня там еще знакомые остались, преподаватели, у которых я учился, ректор отец Константин Ружицкий, инспектор отец Питирим». Вот приехали мы с ним в Лавру. Пошли к отцу Питириму, он тогда еще был архимандрит. Он сказал отцу Амвросию: «Хорошо, что Вы позаботились об этом молодом человеке». Ну, мы с отцом ректором поговорили, и стал я учиться во втором классе», – рассказывал протоиерей Николай.

В 1965 году Николай Винокуров был рукоположен в сан диакона в celibате. На третьем курсе Московской Духовной академии, 7 апреля 1967 года, был рукоположен в сан священника. Учеба давалась ему непросто. «...Помню, я в семинарии очень устал учиться, все-таки четыре года проучился, а здоровье было слабое. И захотелось мне из семинарии пойти прямо на приходское служение. А отец Амвросий мне говорит: "Коля, поучись годочек, а там видно будет". Ну, я проучился первый курс, вроде ничего, втянулся. Он говорит: "Ну, еще годочек поучись". А потом: "Ну, еще годочек". А там чего остается? – один четвертый курс. Ну, я думаю: закончу, может пригодится. И действительно, учеба в академии очень пригодилась мне в жизни», – вспоминал отец Николай.

14 июня 1969 года священник Николай Винокуров окончил Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия за работу по кафедре гомилетики, посвященную проповедническому наследию святителя Филарета (Гумилевского). После окончания ее был направлен Учебным комитетом Московской Патриархии для прохождения пастырского служения в Ивановскую епархию. Его наставник, архимандрит Амвросий (Щуров), был в то время настоятелем Преображенского кафедрального собора города Иванова. В этом храме и прошли все годы священнического служения отца Николая Винокурова. Свое служение протоиерей Николай неизменно проходил с большой любовью к Богу, Церкви и православному народу. После епископской хиротонии и назначения в 1977 году управляющим Ивановской епархией архимандрита Амвросия, новым настоятелем кафедрального собора города Иванова новопоставленный епископ назначил протоиерея Николая. 9 июля 1980 года отец Николай одновременно был назначен секретарем Ивановского епархиального управления. Оба эти послушания протоиерей Николай нес вплоть до момента, когда постигшие его болезни заставили оставить их: – 5 марта 1992 года – должность настоятеля кафедрального собора, а 15 июля 1993 года – должность секретаря епархиального управления.

Протоиерей Николай Винокуров всегда строго выполнял волю своего епископа и духовного отца владыки Амвросия, находясь в полном

его послушании. Добрый и мягкий пастырь, он привлек к себе множество людей истинно христианским отношением, глубокой внутренней культурой, высокой требовательностью к себе, сочетающейся с мягкостью к окружающим. Не имеющий природной расположенности к административным и канцелярским послушаниям, пастырь-духовник со смирением и большой любовью исполнял и послушания секретаря епархии и настоятеля кафедрального собора, хотя душе его это было тягостно. О своем пастырском служении он говорил так: «В своем священническом пути я всегда старался, подобно архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому), исполнять свой долг – защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому».

Это служение проповеди и не только словом, но и самой жизнью, было пронесено отцом Николаем через все дни его земного бытия. Даже на одре болезни, после инсульта, для каждого приходящего он всегда находил доброе слово и непременно каждому преподавал пастырское благословение. Как только появилась возможность, в областных газетах «Ивановская газета» и «Рабочий край» протоиереем Николаем было опубликовано большое количество проповедей, духовно-просветительских статей. А в 1996 году сборник его статей был издан отдельной книгой. В 1997 году была издана и его кандидатская работа. За усердные труды на благо Церкви протоиерей Николай Винокуров

был награжден митрой и правом служения литургии с открытыми Царскими вратами до Херувимской песни. В 1999 году губернатор Ивановской области наградил его Почетной грамотой администрации Ивановской области.

Отец Николай любил всех, и его любили все: не только собратья-священнослужители, но и партийные, советские и исполкомовские работники, с которыми сводила его жизнь. В дни болезни, передвигаясь с палочкой, отец Николай всегда старался отслужить литургию, хотя даже ходил он с большим трудом. После службы батюшку приходилось буквально вытаскивать из храма – его окружали десятки верующих и каждому он был готов преподать благословение, утешение, назидание... но сил на всех не было, а от перенапряжения мог произойти новый инсульт. И поэтому каждый раз после службы отца Николая до машины провожали иподиаконы. В это же время протоиерей Николай, всю жизнь проживший в девстве и чистоте, был пострижен в рясофор.

Пребывая на одре болезни, протоиерей Николай непрестанно молился, вспоминал грехи своей жизни и часто каялся в них на исповеди своему духовному отцу – архиепископу Амвросию. В реанимации отец Николай прожил несколько дней, мужественно перенося нестерпимую боль, которую не могли полностью заглушить лекарства. Был приглашен священник со Святыми Дарами; от волнения он забыл даже молитву перед причащением. И тогда еле живой отец Николай прочитал ее наизусть от начала

до конца, ни разу не сбившись. За день до смерти отца Николая одной из его духовных чад приснился удивительный сон: к отцу Николаю спустился с неба в блестящих ризах его дядя, воспитывавший его, архимандрит Никодим, который также был очень благочестивым пастырем и погиб трагически – сгорел в доме во время пожара. И вот отец Никодим взял отца Николая за руку и сказал: «Пойдем на небо». И они с ним стали удаляться от земли... В этот же день протоиерей Николай перенес клиническую смерть, а на другой день он отошел ко Господу.

Свою предстоящую кончину пастырь-молитвенник предчувствовал заранее. Пришедшему навестить его на сырной неделе духовнику Ивановской епархии протоиерею Виктору Гаврилову он сказал: «Я чувствую, что не доживу до Пасхи».

...Меня известие о кончине отца Николая застало в Ивановском Духовном училище. Я читал лекцию по Ветхому Завету и вдруг звонок из епархии: отец Николай умер полчасика назад. Я сразу же прервал занятия и вместе с другими преподавателями и студентами пошел в училищный храм, где была отслужена лития за новопреставленного протоиерея Николая. После литии я сказал краткое слово, где поделился своими воспоминаниями об этом исключительном пастыре-молитвеннике, который и в моей жизни оставил большое неизгладимое светлое впечатление.

Отпевание протоиерея Николая было совершено в Преображенском кафедральном собо-

ре г. Иванова, где он прошел свой пастырский путь. Божественную литургию и отпевание по священническому чину совершил архиепископ Ивановский и Кинешемский Амвросий в сослужении большого собора духовенства. Верующих, пришедших проститься с отцом Николаем, было много, как на Пасху, – всех не вмещал даже кафедральный собор. Крестным ходом был обнесен гроб с почившим пастырем вокруг соборного храма. И вот уже совершается последняя лития, архиепископ Амвросий читает разрешительную молитву... Владыка не смог ее дочитать – слезы перебили слова этого обычно столь выдержанного архипастыря. Он не выдержал и заплакал, провожая в последний путь своего духовного сына и лучшего друга, долгие годы бывшего ему верным помощником. Окончание молитвы Владыка дочитал почти шепотом. Похоронен протоиерей Николай Винокуров на кладбище в м. Бадино г. Иванова, рядом с могилой его матери. Некоторые из любивших его при жизни духовных чад уже начинают обращаться к нему за молитвенным предстательством и, по их свидетельству, получают скорую помощь.

Да упокоит Господь душу новопреставленного раба Своего протоиерея Николая в селениях праведных. Вечная ему память!

*Секретарь Ивановского епархиального
управления, ректор Ивановского Духовного
училища архимандрит Зосима (Шевчук).*

*Ивановский епархиальный вестник,
2001, апрель, № 4 (35)*

«НАРОД ЕГО ВСЕГДА ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ»

СЛОВО АРХИПАСТЫРЯ

АРХИЕПИСКОП
АМВРОСИЙ (ЩУРОВ)

«Дай, Господи, чтобы такие
священнослужители повторялись
в нашей Святой Церкви»

Со смертью отца Николая Винокурова наша епархия понесла очень большую потерю. Этот человек был особенным; просто богоносец, исполненный молитвенного настроения. И, конечно, многие обращались к нему за духовными советами. До последних дней своей жизни множество духовных чад исповедовал он, хотя был уже глубоко немощным человеком.

Выходец из семьи глубоко религиозной. Его родители – Макарий Иванович и Анастасия Александровна – происходили из Нижегородской области, а его дядя архимандрит Никодим (Васинский), служил в селе Воронцово Ивановской области. Николай часто бывал у своего дяди. Видя его благочестивую жизнь,

стал ей подражать, и этот добрый навык впитал в себя.

Николай был в армии, как и многие были в армии. В то время было сложно, потому что атеистический нажим был и там. Возможно, в армии он был особенно сильным, но, несмотря на все трудные моменты, Николай остался православным человеком. После благополучного окончания военной службы поступил учиться. Ведь он еще до армии учился в Киевской Духовной семинарии, а, демобилизовавшись, поступил в Московскую Духовную семинарию, даже мной был туда устроен. А затем, по моему совету, продолжил образование в Московской Духовной академии. Во время учебы в академии в Святой Лавре был рукоположен и в сан диакона, и в сан священника.

Отец Николай приехал в Ивановскую епархию уже священником. Несмотря на молодость свою, он поистине был православным человеком. Священник Николай Винокуров служил в Преображенском кафедральном соборе города Иванова сначала просто рядовым священником, затем настоятелем этого собора, позднее и секретарем епархиального управления. Человек очень мягкий и богобоязненный; и ему, конечно, очень сложно было занимать эти начальствующие должности. Его тяготило быть настоятелем собора, иметь большой клир, где у каждого свой характер. Но когда он был настоятелем, мирная обстановка в соборе была удивительно прочной.

Отец Николай умел подойти к каждому священнослужителю, просто по-братски помочь, утешить, успокоить человека. Всякая неприятность была для него тяжела. Будучи потом секретарем епархиального управления, он был моим добрым помощником на этом посту, но сложное положение епархиального секретаря – приемы духовенства, также разные характеры, каждому хотелось угодить – и его нежная нервная система не могла выносить этой нагрузки, и в итоге он отказался от секретарства.

А затем заболел: у него произошло кровоизлияние в затылочную часть головы. Очень долго пролежал в больнице. Доктора говорили, что нужно три года постоянного покоя, чтобы как-то зарубцевался процесс парализации в его голове. Тяжело было смотреть на него: я помнил быстрого молодого человека, который легко ходил, а теперь он же передвигался только с палочкой и выглядел совсем немощным. Но отец Николай и на одре болезни оставался истинным пастырем Церкви Христовой и человеком Божиим. Когда он стал поправляться, то сразу начал служить, правда, с помощью. Даже проповедовал с амвона. Народ его всегда очень любил. Да и невозможно было его не любить, потому что он был удивительно добрый и честный, любвеобильный человек. У него было какое-то внутреннее духовное зрение, и он понимал внутренний мир каждого человека. И радовались все, что он

в какой-то мере стал поправляться. Но потом случилось просто непоправимое. Пришлось нам потерять дорогого отца Николая. Дай Бог, чтобы такие священнослужители повторялись в нашей Святой Церкви, потому что на таких людях – истинных рабах Божиих – держится все наше Православие.

2001

МИТРОПОЛИТ АСТРАХАНСКИЙ И КАМЫЗЯКСКИЙ НИКОН

«Отец Николай
был удивительным пастырем»

Наша встреча с отцом Николаем Винокуровым состоялась в 1985 году, прекрасно помню как это было. Я приехал в Иваново по благословению своего духовника, который тогда сказал мне, что в этом городе служит некий отец Николай, и по любым срочным вопросам велел обращаться к нему. И первым, кого мне довелось встретить на Ивановской земле, был тот самый отец Николай Винокуров. В то время он занимал должность секретаря епархиального управления, которое располагалось в маленьком деревянном домике, в нем мы впервые и встретились.

Он сыграл в моей жизни большую роль, под его руководством начался мой путь служения Богу. Тогда еще совсем молодым человеком, только что отслужившим в армии, я был рукоположен в диаконы и начал служить в Преображенском кафедральном соборе, где отец Николай был настоятелем.

В то время это был единственный храм в городе и, конечно, он всегда был переполнен людьми. И вот что удивительно: отец Николай

вел себя так, как будто все, служившие рядом с ним, настоятели, а он им слуга.

Обо всех шероховатостях, случавшихся во время моего служения, казалось бы, должен переживать я, но близко к сердцу все это принимал отец Николай. В молодости я был очень горячим, мог вспылить, и мне было бы непросто, если бы не забота, поддержка батюшки и его умение сглаживать конфликтные ситуации.

Он был настолько деликатен, что даже выбирал время, в которое уместно дать тебе совет, чтобы он был тобой принят и понят. Иной раз видишь, что он переживает за тебя, но из упрямства не подходишь первым. А он, по великому своему смирению, находил подходящий момент, подбирал нужные слова и мог сделать это даже не единожды, лишь бы человек понял свою ошибку и успокоился.

Он всегда просил прощения первым, даже тогда, когда виноват был другой.

И поначалу я даже не понимал, почему же настоятель ведет себя таким образом, моя юношеская горячность не оставляла места исключениям. Я много читал о том, как положено, и был очень прямолинеен, поэтому не мог понять, как руководитель может быть таким мягким человеком? Но оказалось, что отец Николай был в высшей степени смиренным, и нет ничего важнее этого.

Батюшка обладал исключительным терпением. Заканчивалась служба, а отец Николай каждому, кто просил его совета, должен был

уделить время. Весь клир после службы уже разъезжался, а он не мог выйти из храма, пока не поговорит с последним прихожанином. Уже начиналась трапеза, а он все не выходил из храма. К каждой бабушке, с каким бы вопросом она к нему ни обратилась, отец Николай проявлял внимание, и никто никогда не отходил от него с нерешенным вопросом.

Когда он служил, храм всегда был переполнен людьми. Было видно, что он стоит перед Богом. И каждый его возглас был прочувствован, одухотворен и обращен к Творцу.

Отдельно нужно сказать о его проповедях. Каждая из них была наполнена такой любовью, такой мудростью! Он всегда очень внимательно готовился к ним. А когда пошло перестроечное «потепление», его стали приглашать на различные лекции, к которым он тоже готовился крайне серьезно. Каждое его слово было взвешено и выверено. Он обладал очень серьезными знаниями, но никогда не кичился этим.

Отец Николай заканчивал Духовную академию, а мы не имели образования, в то время это было крайне сложно. Он мог бы ставить себя выше нас и вести себя соответствующе, дав понять, что у него надо спрашивать совета, относиться к нему как к духовному руководителю, но батюшка никогда так себя не вел, однако с какой любовью и как точно он мог дать совет! Он делал это без вычурности, без малейшего намека на свой статус.

Батюшка всегда умел искренне благодарить, даже за незначительную услугу для него.

Однажды он привез в Иваново своих родителей. Мне запомнилась его мама, она была строгой женщиной, но между ней и отцом Николаем всегда были теплые отношения, он ухаживал за ней. А для его папы я своими руками сделал гроб. Монаху непросто жить вне монастыря. И чтобы как-то коротать время, я устроил себе небольшую столярную мастерскую, где и мастерил. Легкий гроб из сосны тогда очень понравился отцу Николаю, он был за него сердечно благодарен.

Служение отца Николая выпало на непростое время, был 1985-й год. Силловые структуры тогда были так называемым «всевидящим оком», но отец Николай умел сглаживать любые проблемы. Батюшка жил в половине частного дома, вторая часть которого принадлежала человеку, имевшему отношение к органам, державшим все «на карандаше». Но отец Николай с ним уживался, и никогда не давал повода для возникновения конфликтов. Это еще раз характеризует его как смиренного и кроткого пастыря.

Своей мягкостью и любовью отец Николай умел растапливать сердца чиновников. Он точно исполнял заповедь Христову: «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5: 39) и этим располагал к себе.

Своей кротостью он обезоруживал всех, кто с ним встречался. Некоторым людям отец Николай даже казался юродивым.

Отец Николай оставался милостивым и чутким пастырем даже на административной должности. Владыка Амвросий тоже был крайне деликатным и сдержанным человеком, но в то время народ был настолько разным и непростым, что даже он иногда мог вспылить. Но все конфликты всегда сглаживал отец Николай. Я не помню ни одного случая, чтобы он хотя бы раз вышел из себя.

Отец Николай многому научил меня своим примером. Я находился под его непосредственным окормлением пять лет. И впоследствии, когда меня направили в Николо-Шартомский монастырь, я не терял с ним связи, находил время, приезжал в епархиальное управление, чтобы найти отдушину в беседе с ним, и всегда получал от него такую любовь! Чувствовал его участие в моей жизни!

С течением времени я стал наместником монастыря и встречаться с отцом Николаем получалось все реже. А он, возможно от переживаний, стал часто болеть, у него случилось 5 или 6 инсультов. Когда он лежал в больнице, я навещал его и видел на лице батюшки отпечаток болезни, но он находил в себе силы шутить, подсмеивался над собой. У него вообще был удивительно тонкий и очень добрый юмор. Врачи его очень любили, они делали невозможное и вытаскивали его после каждого инсульта.

Помню одну из наших последних встреч с отцом Николаем, было это весной. Когда мы

начали строить подворья монастыря, сначала храм в честь преподобного Сергия Радонежского на Старокурьяновской улице, потом храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», заложили Троицкий храм, я ездил по этим храмам, курировал их строительство. И однажды я, по обыкновению, поехал на одно из подворий монастыря в честь Сергия Радонежского, и в этом же районе жил и отец Николай. Проезжая мимо автобусной остановки, я увидел, что там сидел отец Николай. На обратном пути я остановился, мы тепло встретились, и батюшка сказал мне: «Нам с тобой обязательно нужно прочитать "Богородица Дево, радуйся". А там даже не было площадки, на которой можно было бы остановить машину, поэтому я остановился прямо на трассе и включил «аварийку». Мы трижды обошли машину с молитвой, после чего отец Николай благословил меня на дорогу: «Ну вот, теперь потихоньку езжай, с Богом, и все будет хорошо». А через некоторое время именно на этом месте он погиб. Батюшка стоял около остановки. И в этот момент за кем-то гналась полиция, преследуемая машина стала неуправляемой и на огромной скорости устремилась прямо на отца Николая. Все разбежались, а батюшка остался на своем месте, так как из-за болезни его движения были скованы. Он смотрел в глаза своей смерти, но не смог ей противостоять. У него случился разрыв сердца.

Врачи делали все, что только было возможно, но спасти его не смогли.

Я пришел соборовать отца Николая. И когда спросил его: «Отец Николай, слышите ли Вы меня? Если да, дайте знать». Из его глаз полились слезы. Преставился он 8 марта.

С его уходом Ивановская епархия потеряла удивительно доброго и любящего пастыря. Отец Николай являлся наиавторитетнейшим пастырем. Он был даже не отцом, а матерью. Душа всегда чувствует, от кого она получит тепло, и поэтому к отцу Николаю стремились многочисленные прихожане, ждали его совета и наставления.

Отец Николай был удивительным пастырем, обаятельным и располагающим к себе человеком. Он умел искренне сострадать, и был внимателен к каждому, кто к нему обращался. Батюшка всегда очень чутко слушал и вникал в подробности тех обстоятельств, о которых ему рассказывали. Он обладал исключительно редкими человеческими качествами, особенно для нашего времени. А сейчас таких людей, пожалуй, уже и не встретишь. Общение с таким пастырем как отец Николай Винокуров для каждого, кто был с ним знаком, было Промыслом Божиим. В моей памяти навсегда остался шелест его тихого успокаивающего любящего голоса, я его никогда не забуду.

2017

АРХИЕПИСКОП ЭЛИСТИНСКИЙ И КАЛМЫЦКИЙ ЮСТИНИАН

«Он открывал свое сердце,
к нему всегда можно было подойти
как для исповеди, так и для беседы»

Думаю, у каждого человека на каком-то этапе жизни приходит ощущение, что были на его жизненном пути люди, которые в дни его юности оказывали помощь, поддержку, что определило его судьбу. Но на тот момент, в силу отсутствия жизненного опыта, все это воспринималось как само собой разумеющееся. Осознание того, что люди могли бы не быть столь внимательны, добры, — приходит позже. И вот по отношению к отцу Николаю Винокурову, вспоминая его, я испытываю чувство сожаления, раскаяния, что при его жизни не был достаточно внимателен к нему с того времени, как выехал за пределы Ивановской земли. А ведь его пример жизни пастыря, его прямая поддержка, оказываемая мне, были очень важны, оказали прямое влияние на выбранный мною жизненный путь.

С протоиереем Николаем мы познакомились, когда настоятелем Преображенского кафедрального собора города Иванова был еще владыка архиепископ Амвросий, в то время архимандрит. А отец Николай был штатным

священником в этом соборе. Он вызывал доверие, я стал у него исповедоваться. Это пастырь истинный, скромный, пастырь от Бога. Он не стремился духовно «поработить» тех, кто приходил к нему на исповедь, сделать из них тех, кто беспрекословно выполняет «повеления духовного отца». К сожалению, приходилось видеть немало священников, которые Таинство Исповеди пытались превратить в инструмент психологического воздействия на тех, кто к ним приходит, благодаря чему они самоутверждались. Отец Николай видел в исповеди именно Таинство Покаяния, и соответственно относился и к ней и к кающемуся. Он открывал свое сердце, к нему всегда можно было подойти как для исповеди, так и для беседы, но при этом не был навязчив, никогда не давал советов в приказном тоне, старался, чтобы человек сам пришел к нужному решению. Думаю, что так должен поступать и всякий разумный духовник.

После архиерейской хиротонии архимандрита Амвросия протоиерей Николай Винокуров был назначен им настоятелем Преображенского кафедрального собора, а через некоторое время и секретарем епархии. Наше общение сохранилось прежним, но чувствовалось, что груз административных дел для отца Николая – это ноша, которую он взял на себя не потому что ему так хотелось, а по послушанию своему правящему архиерею. При этом, став фактически вторым человеком в епархии,

батюшка не изменил ни образа жизни, ни манеры общения с людьми, был по-прежнему скромным, добрым, открытым. Очень любил молиться, всегда был внутренне сосредоточен, при этом не затягивал службы, чтобы этот его молитвенный настрой передался и тем, кто на них пришел, чего было бы сложнее достигнуть при слишком продолжительном по времени богослужении.

Когда я окончил среднюю школу, то в моих намерениях было поступление в семинарию. Студентом светского вуза я себя не видел. Дома у меня в связи с этим начинались проблемы, поэтому, чтобы успокоить родителей, я сказал им, что буду поступать на исторический факультет именно в Иванове, хотя ближе к дому был Владимирский педагогический институт. Мне было легко готовиться к поступлению, потому что в душе было желание, чтобы меня призвали в армию, а после нее я смог бы поступить в семинарию. Но я со вниманием относился к советам родителей, особенно в важных вопросах. А в данном случае их совет был облечен в очень мудрую, взвешенную форму. Они сказали: «Вот видишь, ты живешь в советском обществе. Испытай свою веру. Если и после окончания вуза останешься верующим, захочешь связать свою судьбу с Церковью, мы не будем против». Я изложил отцу Николаю свои мысли — и то, что советуют родители, и мои мысли про армию и семинарию, сказал о том, что нахожусь на перепутье. На это он

ответил вопросом: «А сколько у вас в вузе человек на место?» – «Пять с половиной». – «Ну вот, видишь, когда тянут жребий, молятся, просят у Бога, чтобы Он явил Свою волю, то бывает пятьдесят на пятьдесят. А тут у тебя пять к одному. Как ты думаешь, если ты поступишь, разве в этом не будет воли Божией? Благословляю подавать документы, дерзай, пробуй!»

Подав документы в институт, я продолжал приходить на богослужения в собор: алтарничал, помогал на клиросе. В перерывах между службами (мной это так тогда воспринималось) ходил на консультации и экзамены. И когда нашел свою фамилию в списке поступивших, для меня это означало, что нужно начинать жить в новых условиях. Рассказал об этом Владыке, отцу Николаю. Они сказали, что на этом завершается мое открытое участие в богослужениях в соборе, потому что к студенту внимание намного более пристальное, и меня необходимо сберечь. Обоснованность такого проявления заботы была мне понятна. По благословению отца Николая я ездил в разные приходы Ивановской епархии, чтобы там отвести душу – почитать на клиросе, поалтарничать. Поэтому география приходов Ивановской области хорошо мне знакома. Часто выезжал в Лежнево, а кроме этого были Филисово, Старое Воскресение, Вичуга, Бородино, Семеновское... Когда Владыка выезжал на приходы для совершения богослужения,

часто ездил вместе с ним. При этом нередко добирался своим ходом, а не на машине вместе с иподиаконами. Это было тоже своего рода маскировкой.

В Лежнево приход был очень сложный, каждый год там менялись настоятели. Церковный совет вел себя по отношению к ним очень требовательно, можно сказать нагло, священники трудно приживались на этом приходе. Поэтому многого, необходимого для богослужения, не хватало. Конкретно для меня, чтобы выходить со свечой на вход, красиво читать на клиросе, нужен был стихарь. Я подошел к отцу Николаю, попросил у него благословение взять из ризницы собора у ризничей матушки Ларисы стихарь. Он задумался, сказал: «Бог благословит». А через пару минут подошел ко мне и сказал: «Ты знаешь, Бог благословит, но если что – я тебя не благословляю». Тогда я остался в недоумении, но и тогда понимал, что значит так надо, значит для этого есть какие-то причины. Времена были сложные, каждый, связывающий свою судьбу с Церковью, должен был принимать внешние обстоятельства такими, какие они есть.

Владыка и отец Николай всегда относились ко мне по-доброму. Но я учился на историческом факультете. Все знали, что этот факультет считался идеологическим; юноши, которые там учились, нередко по окончании шли работать в органы госбезопасности, на административные посты. Поэтому сам факт моего обучения

именно на этом факультете не мог не вызывать у моих церковных наставников некоторой настороженности: не «засланный ли казачок» перед ними? Однажды случился очень неприятный момент. Отец Николай подошел ко мне и стал в сердцах выговаривать: «Виктор, говорят, что Вы смеетесь над архиерейским облачением. Почему Вы это себе позволяете?» Услышать такие слова от любимого и уважаемого мною отца Николая было для меня шокком. Это было очень больно, потому что я душу свою был готов за Церковь положить, все церковное было для меня мило, дорого, и тут такое обвинение... Тогда у моего друга, диакона отца Николая Радцевича, супруга была в отъезде. Видя мое состояние, он пригласил меня к себе домой. Мы с ним поговорили, выпили водки, но успокаиваться я начал только на следующий день после услышанного. Созрело решение поговорить с Владыкой. Он меня принял, мы беседовали часа полтора; говоря с ним, я рассчитывал, что и отец Николай будет в курсе нашего разговора, потому что их общение с владыкой Амвросием было очень доверительно. Вспомнил, что могло стать поводом для обвинений меня в неблагоговейном отношении к облачению. Однажды в кругу друзей, как мне казалось — искренних, мы рассматривали фотографии с архиерейских богослужений. Один из них, человек с тонким вкусом, сказал, что если парча на архиерейских облачениях цветастая, то желательно, чтобы галун, отдел-

ка, была однотонная, иначе будет слишком пестро. И я тогда просто поддакнул, что действительно пестрота может выглядеть бутафорски, нет должной монументальности архиерейского богослужения. Владыка выслушал меня, все понял, убедился в моей открытости в отношениях к Церкви, и к нему, и к отцу Николаю, как моему духовнику. Инцидент был благополучно исчерпан, снова воцарилось доверие. Для меня это было важно, потому что это произошло во время моего обучения на четвертом курсе; не исключая, что имела место сознательная провокация, чтобы рассорить меня с духовенством, чтобы я не захотел связываться с Церковью свою судьбу.

Но по милости Божией, все было преодолено. В июле мною был получен диплом об окончании университета, а уже в августе я стал иподиаконом, алтарником в Преображенском соборе. Официально был оформлен рабочим (в силу каких-то причин), но это меня не страшило. Мне хотелось быть в Церкви, а как это называется для официальных контактов с государственной властью — мне было все равно. Пришлось переживать, потому что уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Ивановской области проявил гнев, что выпускник истфака идет в Церковь. Отец Николай меня подбадривал, пересказывал мне этапы переговоров архиерея с уполномоченным, учил как мне выстраивать беседу с советским чиновником. Был представлен аргумент,

что в Иваново по дороге на Палех заезжают туристические группы из-за рубежа, поэтому для епархии нужен образованный человек. На год я стал штатным работником Преображенского кафедрального собора, – радости моей не было предела.

Из этого времени запомнилось, как один из моих друзей, священник из села Стебачево, вошел в конфликт с церковным старостой, широко известным в епархии под прозвищем «Кощей бессмертный». Этот очень пожилой человек когда-то, в дни юности был послушником Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале. Потом переметнулся на сторону атеистов, был активным пособником закрытия храмов. Работал милиционером. Вокруг церкви села Стебачево, как рассказывали, он в свое время скакал вокруг с факелом в руках, созывая митинг и требуя ее закрытия. А прошли годы – оказался в ней церковным старостой... Храм был небольшой, с большой посещаемостью. Деньги у прихода были, но никаких реставрационных работ очень долго не проводилось. Всевластье старосты в хозяйственных вопросах дополнялось тем, что он регентовал на клиросе. И после запричастного стиха, когда кто-то из чтецов читал молитвы ко Святому Причащению, этот регент вместе с несколькими такими же старичками-певцами заходили в алтарь. Это время причащения священника, время особо сосредоточенной его молитвы. А эти непрошенные гости, считавшие себя хо-

зьявами, рассаживались в пономарке небольшого алтаря, ели просфоры, запивая их кагором, при этом громко разговаривали, мешая священнику в этот ответственный момент. Молодой настоятель тогда поставил вопрос, что нужно этого старосту снять, на что получил ответ от секретаря райисполкома, курировавшего религиозные объединения, что этого никогда не будет. В ответ священник, достаточно эмоционально и необдуманно, но, учитывая его молодость, по-человечески понятно, заявил, что тогда не будет совершать богослужений. Уехал с прихода, какое-то время жил у нас на квартире в Иванове. Получился скандал, который грозил выйти в прессу. Владыка запретил его в священнослужении. Органы госбезопасности дали нам понять, что мы находимся под постоянным наблюдением.

Я подошел к отцу Николаю, чтобы поговорить с ним об этом священнике, за которого переживал. Внешне он держался отстраненно, говорил грозные слова в отношении позволившего себе такое. Но, оставшись с ним наедине, я спросил: «Отец Николай, пациент все-таки будет жить?» И он пожал мне руку и сказал: «Будет. Хорошо. Спасибо, что Вы его поддерживаете». Для меня было очевидно, что протоиерей Николай рад тому, что существует внутрицерковное братство, которое, несмотря на гнет, контроль со стороны власти, спецорганов, имеют искренность в своем служении Церкви Божией, стараются поддерживать друг друга.

Отец Николай готовил мне текст рекомендации для поступления в семинарию. Он помогал мне советами как отвечать на экзаменах, как вести себя во время обучения в семинарии. Жаль, что потом, особенно после моего отъезда в Румынию, наши контакты стали редкими, за что сейчас мне приходится укорять себя, испытывать горечь на душе.

В юности отец Николай, как любой человек, иногда мог позволить себе какие-то шалости. Но этих моментов очень немного в его жизни, посвященной Богу и Его Церкви; эти штрихи показывают лишь то, что это был живой человек. Если бы не они, то могло бы создаться впечатление, что те, кто вспоминают о протоиерее Николае, рисуют какой-то идеальный образ. В годы учебы в семинарии, тогда еще не имевший священного сана молодой человек Николай Винокуров приезжал во время каникул в гости к отцу Амвросию, в то время игумену, настоятелю храма в селе Толпыгино. При храме жило несколько монахинь преклонного возраста. Однажды одна из них получила повестку срочно явиться в военкомат. Это сейчас может показаться смешным, а тогда люди были пуганные. И эта монахиня, которой было под восемьдесят лет, всерьез это восприняла, стала переживать. Игумен Амвросий, правда, и в то время сначала воспринял произошедшее с юмором, и на вопрос монахини, что она будет делать в армии, ответил: «Помогать. Время сейчас сложное, хоть картошку она по-

чистит для солдат – и то хорошо». Но, увидев, что ее переживания реальны, забрал повестку, успокоил ее, что идти куда не нужно, это ошибка. Рассмотрев «документ» с печатью, сделанной пробкой от бутылки, отец Амвросий понял, что это проделка семинариста Коли Винокурова. Такие моменты в жизни отца Николая, по сравнению с тем, что в основном бывает у людей, выглядят как что-то невинное и отчасти забавное.

Самому протоиерею Николаю годы его службы в армии сложно дались. Он рассказывал об этом в годы моей военной службы, давая уверенность в том, что и я вернусь в семинарию, продолжу служение Церкви Христовой.

Отец Николай – человек, которого я ежедневно поминаю в своих келейных молитвах, и, конечно же, при совершении Божественной литургии. Я его вспоминаю не отстраненно, памятью о нем живу постоянно.

2017

ЕПИСКОП ГОРОДЕЦКИЙ И ВЕТЛУЖСКИЙ АВГУСТИН¹

«На нем явно почивала благодать
Святого Духа»

Епархия живет такой же жизнью, как и отдельный человек. И как каждый человек состоит из разных членов, и от их состояния зависит состояние человека, так и от каждого члена епархии зависит лицо епархии. Мы знаем, что без епископа нет Церкви. Епископ есть отец земной местной Церкви. Но один епископ не может управлять современной епархией. Поэтому особая роль отводится и каждому клирику епархии. Как в организме человека есть жизненно важные органы, так и в организме епархии есть такие жизненно важные клирики. На первый взгляд, епархия существует на уровне каждого отдельного храма, прихода, монастыря. Но сами члены епархии отдают предпочтение тем, кто составляет высшую иерархию Ивановской епархии, – святителю Василию Кинешемскому, архимандриту Леонтию, архимандриту Никодиму, иеромонаху Нестору, епископу Венедикту и другим, родившимся в жизнь вечную.

¹ На момент написания воспоминаний в 2001 году – игумен, священнослужитель Преображенского кафедрального собора города Иванова.

Теперь со всей ответственностью мы можем внести в этот список недавно в Бозе почившего протоиерея Николая Винокурова. Он был одновременно во многих лицах – и инок, и клирик, и секретарь епархии, и духовник, и священнослужитель, и богослов, и сын своих родителей, и брат. Об отце Николае Винокурове, о его родителях и родных мне довелось много узнать от него самого: о его приходе в Церковь, о его армейских мытарствах, об учебе в Киевской семинарии и Московских семинарии и академии, о его товарищах и друзьях по учебе и по жизни. Мне довелось наблюдать и ощутить на себе его характер, его потребности и поведение, его веру, терпение и послушание, его сомнения и решимость, его внутренний мир и внешнюю деятельность. Написать подробно обо всем этом не представляется возможным в одной статье. Но есть эпизоды, которыми я хотел бы поделиться с читателями.

Он был очень внимателен и жертвенно предан своей матери, родным и владыке Амвросию. Это был уникальный образец искренней любви и смиренного, но жертвенного служения. На мой взгляд, он никогда не интересовался домашним бытом: мебелью, пищей, жилищем. Он довольствовался тем, что имел. Я никогда не слышал, чтобы он печалился или говорил со мной о бытовых или житейских проблемах. Ему, как секретарю епархии, приходилось всегда сопровождать владыку Амвросия в поездках за пределы епархии. Он

с радостью вспоминал о тех, кто был подвижником благочестия, кто нес Крест Христов: о Патриархах, епископах, пастырях, мирянах. Очень многих поминал дома и во время богослужения в храме. Он многих в Церкви знал лично, видел, слышал, общался. Ведь вся его жизнь прошла в Церкви – другой жизни, других целей не было.

Он был всегда одинаков, даже в скорбях и переживаниях. Это были скорби и переживания о Церкви, о пастырях и прихожанах, о тех, кто еще не вошел в Церковь. Помню, меня поразило, что семинарию и академию он окончил в основном с отличными оценками. Часто обращался к трудам богословов, писал в периодическую печать. И много успевал читать из того, что написано – хорошо знал, чем живет мир. Пожалуй, это был один из немногих священников, кто постоянно с интересом слушал мои проповеди. Это было своевременной поддержкой, особенно в первые годы моего служения в соборе. Думаю, не без его влияния и слова я не уехал в свое время из епархии и был переведен для служения в кафедральный собор.

Он часто говорил другим священникам: «Дорогой, будь для людей не только отцом, но и матерью». Он обладал одним ценнейшим качеством: ему можно было доверить любую тайну, и он сохранял ее. Это, наверное, самое ценное качество священника. Он не осуждал людей, но переживал об их слабостях и грехах. И ни-

когда не пользовался тем, что ему кто-то рассказывал о себе и о своем. Даже о тяжелейших событиях своей личной религиозной жизни в армии, в миру – в те годы атеистического произвола – он говорил как-то удивительно тихо, весело и незлобно. Я никогда не слышал, чтобы он о ком-то или о чем-то говорил злобно. Это могло быть огорчение, но не осуждение. Вот это его особое душевное состояние – любовь, кротость, смирение и послушание – особенно привлекали к нему людей.

Он был всегда одинаков: дома и в храме, в здоровье и в болезни, в достатке и бедности. На нем явно почивала благодать Святого Духа. Даже трудно себе представить, что отец Николай мог бы взять с кого-то оплату за совершенную им потребу. Его цель была одна: показать чистоту Церкви и призвать человека к Богу и в Церковь. Он поистине был для всех отцом, но больше – доброй, заботливой матерью. На исповеди он каждому грешнику оставлял право на исправление.

Он очень многих в Иванове привел в Церковь, причем людей разных сословий, характеров, возможностей и потребностей. При этом учил из сокровенности своего опыта кратким практическим молитвам, практическому общению с Богом, Божией Матерью, святыми, Ангелами. Всегда имел при себе церковную литературу, подобранную с особым тщанием, и раздавал ее тем, с кем общался – кому книжицу, кому газетную статью, кому молитву.

Несмотря на то, что жил не только в сложное, но и в опасное время, обладал природным юмором. Нередко говорил что-то веселое, и сам при этом искренне веселился. Ответственность, непоколебимая вера, решимость в делах спасения, любовь к каждому человеку и юмор – все это присутствовало в нем одновременно.

...Я почему-то оказался в областной больнице и собирался уже оттуда уходить, как услышал, что привезли отца Николая. Тут же пошел к нему в палату. Он был в беспамятстве, очень страдал от боли. Я взял его ладонь в свою руку. И вдруг он сжал ее сильно: «Августин, Августин», – он пытался мне что-то сказать. Слова были бессвязными, и он продолжал крепко сжимать мою ладонь. Но страдание его явно уменьшилось, он стал спокойнее. Пришли врачи для совершения процедуры. Я позвонил владыке Амвросию. Он уже знал о случившемся.

Через несколько дней я снова оказался в областной больнице. И здесь неожиданно услышал: «Только что скончался какой-то священник». Сторож толком не знал кто именно. Я сразу отправился в реанимацию и оказался в числе первых свидетелей кончины отца Николая. Вместе с врачом вошел в ту же палату. Тело было мягкое и подвижное. Врачи начали какие-то медицинские манипуляции. Я позвонил Владыке. Он уже знал о кончине от дежурного врача. Я знал, что Владыка потерял, быть может, самого дорогого и близкого че-

ловека. Только по окончании отпевания Владыке отказало его самообладание: рыдание и спазмы прервали чтение разрешительной молитвы по задушевному другу и сотаиннику, он дочитал ее шепотом. В этот момент у многих священников появились слезы на глазах. Мы все прощались с очень родным и дорогим для нас человеком и пастырем.

С уходом отца Николая ушла целая эпоха в Церкви. Как сам отец Николай вспоминал об отце Иоанне (Маслове), епископе Гермогене, отце Леонтии и других, так еще многие и многие годы Ивановская епархия и самые разные люди нашего города и области будут вспоминать удивительного человека – священника отца Николая Винокурова.

2001

«БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК»

ВОСПОМИНАНИЯ РОДНЫХ

СХИМОНАХИНЯ
ДОСИФЕЯ (ВИНОКУРОВА),
СЕСТРА ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ

«Все его пастырское служение было очень искренним, никогда он не позволял себе расслабиться, быть невнимательным к людям»

Мой брат, протоиерей Николай, в детстве был скромным ребенком. Шумных компаний сверстников он не любил, но друзья у него были. С детства брат был очень религиозным, за что в советской атеистической школе ему нередко попадало. Бывало, в школе, перед тем как есть, он спрячется за печкой и молится. А с пятого класса он стал жить у нашего дяди, отца Никодима, в селе Воронцово. Тот рано начал приучать его к труду – Николай стирал, убирался. Готовили они по очереди – менялись через неделю.

Отец Никодим был строгим. Николай в детстве иногда попросится в кино. Дядя ему го-

ворит: «Иди, иди», а потом так посмотрит, что Николай уже сам не хотел идти. Приучал к богослужению: Коля прислуживал в алтаре, очень любил ставить свечи. Когда Николай первый раз надел стихарь, сверстники прозвали его «попом», и это прозвище за ним закрепилось надолго. Отец Никодим с детства готовил Колю к поступлению в семинарию, принятию священного сана. Наши родители тоже были людьми очень религиозными. Утром и вечером читалось правило – молитвы, Евангелие и Псалтирь. К молитве приучали и нас, детей. Однажды Николай не прочитал утренних молитв, и отец не отпускал его в школу до тех пор, пока не прочитает.

В армию Николая призвали из семинарии. Там ему пришлось очень тяжело: верующих считали людьми второго сорта, и он попал в стройбат, где было много людей опустившихся, не имевших никаких нравственных ценностей. Особенно возненавидел Николая один солдат. Брат чувствовал это, но всегда был с ним приветлив и молился за него. И когда пришло время демобилизации, этот человек, никогда ранее не отвечавший Коле даже на приветствия, подошел к нему и сказал: «Ты знаешь, Николай, ведь я хотел тебя убить, но что-то мне не дало это сделать. Прости меня!» И об этом человеке мой брат потом всегда молился.

Было большое искушение и другого рода. Замполит части принес напечатанное на листе

бумаги отречение от Бога, и заставлял Николая подписать, угрожал. Но брат ответил: «Если я подпишу это, то буду предателем. Я этого сделать не могу». И, несмотря на продолжавшееся давление, неизменно отвечал отказом на такие предложения.

Будучи в армии, он всегда искал возможность пойти в храм. Однажды ушел из части без увольнительной, чтобы помолиться в церкви. Его задержал патруль, заперли в карцере. А через несколько часов нужно было попасть в часть на построение, иначе были бы серьезные дисциплинарные взыскания. И Николай начал молиться святителю Николаю Чудотворцу. И удивительно: его выпустили, и он сумел вернуться в часть за десять минут до построения.

После армии Николай вновь поступил в семинарию, хотя в этом ему очень препятствовали. А еще через несколько лет сбылось его заветное желание стать священником. Женился он никогда не хотел: желал служить Церкви в celibатном состоянии. Однажды на уроке в семинарии сидел и думал, как написать прошение о рукоположении в священник саном celibата. Преподавателя не слушал. А тот подошел к нему и говорит: «Посмотрите, ведь ничего не слушает!» А потом похлопал Николая по голове и, видимо, угадав его мысли, сказал: «Будешь, будешь!» Это был отец Александр Ветелев. И его слова сбылись — отец Николай свыше сорока лет прослужил

безбрачным священником. Монашества брат тоже не хотел принимать, так как, по его глубокому убеждению, монах должен жить в монастыре, а он чувствовал призвание помогать духовно людям, живущим в миру.

Все его пастырское служение было очень искренним, никогда он не позволял себе расслабиться, быть невнимательным к людям. Сейчас, после его кончины, я всегда его помню и молюсь о нем, моем любимом брате.

2001

БАЙНОВА НАДЕЖДА ЮРЬЕВНА,
ПЛЕМЯННИЦА ПРОТОИЕРЕЯ
НИКОЛАЯ ВИНОКУРОВА

«Мне запомнились его слова,
что нельзя никого обижать,
даже словом»

Я хочу поделиться с вами той радостью, которую испытала при общении с замечательным человеком – протоиереем Николаем Винокуровым. Это произошло в конце мая 2000 года.

Моего сына отправили служить в город Иваново, и я, как и все родители новобранцев, была приглашена командованием части на присягу. Мои родители сказали, что там, в Иваново, я могу остановиться у моего дяди, священника отца Николая (Николая Макаровича Винокурова). Я уже много лет проживаю в Адыгее, поэтому личной встречи до этого с ним не было. И, конечно, я побаивалась, как меня встретят, не стану ли помехой в доме больного человека (он перенёс инсульт). Но очень хотелось встретиться и пообщаться. Всё, что я о нем знала – это то, что он воспитывался в глубоко религиозной семье, как и моя мама, а его наставником был его дядя – архимандрит Никодим.

Воспитывался он в строгости. Окончил семилетку и поступил в Киевскую Духовную се-

минарию, а через год был призван на военную службу. Проходил службу в рядах Советской армии. После службы исполнял обязанности псаломщика в Троицком храме (моя мама навещала его там), поступил в Московскую Духовную семинарию, а после окончания учебы был направлен для прохождения пастырского служения в Ивановскую епархию. Его наставником был архимандрит Амвросий. Он выбрал путь монашества и служения Богу, но не уединился, а всего себя посвятил Церкви.

Где бы ни проходило его служение, везде верующие отзывались о нём с теплом. В 1977 году он был назначен настоятелем Преображенского кафедрального собора города Иванова, а в 1980 – секретарём Ивановского епархиального управления, оба послушания он нёс до момента болезни.

И вот я с трепетом ожидала эту встречу. Небольшой аккуратный деревянный домик, калиточка... Нас (я была с сестрой) встречает женщина в монашеской одежде. Всё очень скромно, только самое необходимое, а ведь я ожидала увидеть совсем не это. Отец Николай полулежал на кровати, но, увидев нас, улыбнулся: надо видеть радушную улыбку этого светлого человека! Он с помощью сиделки приподнялся, и куда делась вся моя робость! Мне стало хорошо и спокойно, как будто я у себя дома.

Чуть отдохнув с дороги, мы сели за стол (он с трудом ходил, но присоединился к нам) и помолились перед трапезой. Я опять была приятно удивлена простоте общения и исходящей

от него любви. Тепло, исходившее от него и природное обаяние сблизили нас, было ощущение, что мы давно знаем друг друга, а ведь я видела их с Александрой Макаровой впервые. Его сестра, моя тетя, тоже посвятила свою жизнь служению Богу и охраняла быт своего горячо любимого брата. Отец Николай был необыкновенно чуткий и внимательный человек. Божий человек! Ближе к обеду к дому стали собираться люди; оказывается, в определённое время из монастыря привозили еду для бедных и неимущих, волей судьбы оказавшихся в тяжелых условиях. А эта женщина, что нас встретила, и моя тётя раздавали обеды собравшимся. Поймав мой удивленный взгляд, Александра Макаровна сказала:

— Нуждаются они очень, вот церковь и помогает, чем может.

Одни сутки, всего одни сутки мы находились в обществе этих гостеприимных людей. Много разговаривали. Я боялась утомить дядю, но он успокоил меня, сказав, что чувствует себя хорошо, и всё говорил и говорил, а я слушала, впитывая, как губка, всё сказанное...

Я не особо верующий человек: сказывалось воспитание нашего времени. Помню, мы маленькими детьми бегали и кричали: «Бога нет, а есть наука», а старики грозили нам пальцем. Но всё-таки я спросила о вере у отца Николая, и вот что мне было сказано им: «Если Господь не коснётся Сам Вашего сердца, если Вы не переживёте этой встречи с Богом, то все мои слова о вере будут напрасны».

Даже будучи больным, отец Николай принимал каждого просящего и никогда не брал плату за совершенную им потребу. Жаль, мне не удалось послушать его проповеди, говорят, когда он вел службу, из глаз его текли слёзы... Он плакал! Мне запомнились его слова, что нельзя никого обижать, даже словом. Мой сын постоянно общался с отцом Николаем во время прохождения армейской службы, батюшка молился за него. Его ждали и были ему рады.

Но 8 марта 2001 года его не стало. Это большая утрата для всех верующих. Я не могла поехать на похороны, но мой муж и сын провожали отца Николая в последний путь. Отпевание было в Преображенском кафедральном соборе города Иванова. Божественную литургию и отпевание по священническому чину совершил архиепископ Ивановский и Кинешемский Амвросий в сослужении с большим собором духовенства. Читая молитву, Владыка плакал.

Весь город вышел проститься со своим пастырем! Похоронили отца Николая на кладбище в местечке Балино, где похоронена его мама, глубоко им любимая. Верующие люди по-прежнему ходят к нему, как и ходили на его служение, и свидетельствуют, что после посещения могилки батюшки получают помощь и облегчение.

Я благодарна Богу, что суждено было случиться этой встрече с отцом Николаем.

2012

«...ЭТО БЫЛ ВЕЛИКИЙ ПАСТЫРЬ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ»

ВОСПОМИНАНИЯ СВЯЩЕННИКОВ

АРХИМАНДРИТ НИКАНДР (ШАМОВ)
НАСТОЯТЕЛЬ СВЯТО-ИЛЬИНСКОГО
ПРИХОДА ГОРОДА ИВАНОВА

«В лице отца Николая Винокурова
нам даны пример и свидетельство
безмерной любви Божией»

С отцом Николаем Винокуровым я встретился в 1986 году в Ивановском епархиальном управлении, когда приехал к армейскому другу иеродиакону Никону (Фомину). Отец Николай встретил меня приветливо, с располагающей улыбкой. Он сразу поинтересовался, как меня зовут, с какой целью я приехал в Иваново. После моего рассказа, похлопав меня по плечу, сказал: «Это наш человек!» И в будущем, когда я навещал своего друга, мне непременно хотелось пообщаться с внимательным батюшкой о смысле бытия человека в этом мире. В день Святой Троицы этого го-

да я принял Таинство Крещения от архиепископа Амвросия; помогал Владыке отец Николай, который, поздравив меня с духовным рождением, напутствовал на трудный духовный путь.

В 1987 году по благословению духовного отца, владыки Амвросия, я окончательно оставил мир и приехал в Ивановскую епархию. Меня направили в Старую Вичугу для прохождения послушания к старейшему священнику – протоиерею отцу Иоанну Рацевичу. В этом же году я принял монашеский постриг и был рукоположен в священный сан. Накануне хиротонии всех ставленников в алтаре исповедовал отец Николай, наставляя каждого на крестный путь священства. Запомнились его слова: «Завтра через рукоположение вы станете отцами, будете окормлять духовное стадо. Но в это многотрудное время, когда Церковь переживает духовный кризис, я советую вам: не будьте отцами, будьте для всех матерью, которая приемлет свое чадо, каким бы оно ни было».

Служа в соборе, я видел, как отец Николай с любовью и заботой принимал всякого человека. И таким он оставался до последних дней своей жизни. Будучи уже тяжело больным, протоиерей Николай старался хотя бы раз в неделю служить Божественную литургию, которую вел неспешно, каждое слово пропуская через свое сердце. По ее окончании он, сидя на скамеечке, каждого благословлял крестом;

при этом интересовался о том или ином человеке, утешая и назидая.

Навсегда останется в памяти радость от общения с отцом Николаем, его мягкая, добрая улыбка, внимательные глаза, неторопливые ласковые наставления доброго пастыря, своей жизнью показавшего, что Бог есть любовь. В лице отца Николая Винокурова нам даны пример и свидетельство безмерной любви Божией, чтобы мы не отчаивались, были терпеливы и милосердны.

2001

АРХИМАНДРИТ АМВРОСИЙ (ЮРАСОВ),
ДУХОВНИК СЯТО-ВВЕДЕНСКОГО
ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
ГОРОДА ИВАНОВА

«У него душа была очень тонкая,
всегда, когда он служил,
у него на глазах появлялись слезы;
они шли из глубины души»

С отцом Николаем Винокуровым мы познакомились в 1965 году. Я тогда поступил в семинарию. Мы были молодыми, быстро бегали по лестницам с первого этажа до третьего и вниз. Как-то бегу я снизу, а он сверху бежит, мы чуть не столкнулись. Встретились лицом к лицу, да так близко! Я его спрашиваю: «Тебя как звать?» Он говорит: «Николай. А тебя?» – «Меня Александр». И потом каждый раз, когда встречались на лестнице, в коридорах, или на улице, приветствовали друг друга. Это было мое первое знакомство с отцом Николаем.

Время шло. Я прожил в Сергиевой Лавре десять лет, потом пять лет в Почаевской Лавре, а потом Господу было угодно, чтобы я попал в Ивановскую область. Когда приехал устраиваться, первым, кто меня встретил, был отец Николай. Он уже тогда был секретарем епархии. Увидев меня, обрадовался и сказал: «К нам?» – «Ну конечно». – «Как хорошо,

будем молиться, чтобы Господь определил». Так, по милости Божией, я оказался в Ивановской епархии.

С отцом Николаем мы часто встречались, четыре с половиной года служили вместе в соборе. У него душа была очень тонкая, всегда, когда он служил, у него на глазах появлялись слезы. Это были не внешние слезы – они шли из глубины души. У него была добрая душа, все скорби, все неприятности народа он, будучи секретарем епархии, брал на себя. Все принимал в свою душу. Оттого надорвался, серьезно заболел: то сердце не выдерживало, то голова. Ему говорили: «Зачем ты так близко все принимаешь к сердцу, смотри на чужие беды проще». – «Не могу», – отвечал отец Николай. С каждым, кто приходил к нему, говорил ласково, мирно, осторожно, чтобы не поранить больную душу. Со многими ему приходилось общаться: и с атеистами, и с начальствующими. И всегда, даже в самые сложные времена, он умел с ними разговаривать и других священников учил: «Нельзя дразнить гусей, нельзя никого раздражать и обижать, даже словом».

Он был миротворцем. Все, кто знал отца Николая, согласятся со мной. Он был верным чадом и помощником владыки Амвросия, и Владыка ему во всем доверял.

В быту отец Николай был тихим и скромным, послушным. Даже в зрелом возрасте всегда слушал свою маму. Его мама Анаста-

сия – женщина добрая, но строгая, контролировала каждый шаг сына. Когда ей пришлось время отойти ко Господу, ей, зная ее благочестивую жизнь, предложили принять постриг. Она по смирению отказалась: «Я недостойна». И отец Николай по примеру матери не принял мантию, хотя был уже в иноческом постриге.

Дядя отца Николая, архимандрит Никодим, особый был человек. Служил в Воронцове сорок лет. Он от Бога получил дар простоты, душа его была простая, незлобивая. Со всеми общался ласково, спокойно, все в этой местности его любили, и он никому не отказывал ни в чем. Такие люди редки. Своей простотой, смирением, архимандрит Никодим смирял и ближних.

Приеду к нему в гости, он: «Ну, батюшка, заходи, заходи». Сразу борща нальет, вытащит из печки. У него кругом были узелки: грибы, травы, семена. Все узелки подписаны. В доме этих узелков очень много висело. И все банки с вареньем подписаны: какое варенье, какого числа...

Когда уходишь от него, он всегда с радостью: «Батюшка, давай я тебе хоть постного масла налью». Достанет бутылку, нальет, и лука даст, и чеснока. От него с пустыми руками никогда не уходил. Всегда что-нибудь подарит, что-нибудь даст. И приговаривает: «Батюшка, заезжай, заезжай». Приветливый такой и добрый был. Ни на кого у него никогда ни зла не было, ни обиды. Одно слово – простец. В простоте, бывало, юродствовал.

Как-то в храм села Воронцово, где служил отец Никодим, привезли покойника после службы. Человек сорок родственников окружили гроб, все опустили головы и со скорбью смотрели на усопшего. Отца Никодима еще не было. Вдруг открылись Царские врата, и оттуда вышла бабушка, низко повязанная белым платочком. Это отец Никодим в платочке и ризе с кадилом вышел отпевать... Все в храме так и грохнули – не могли удержаться от смеха. Юродство архимандрита Никодима было не наиграно: оно шло от сердца, от простоты души: в храме было холодно, он старенький, а скуфейки у него не было, вот он и надевал платок, повязывая низко, закрывая все лицо.

Прост был батюшка, и вера его была проста. Как-то забрался к нему грабитель, хотел снять несколько икон, а отец Никодим, не дав вору опомниться, тут же ночью крестил его. Тот пришел грабить, а стал крещеным, верующим.

Простым и послушным был и его племянник отец Николай. Как-то за послушание Господь его исцелил.

Протоиерей Николай не мог переносить сквозняков: только в алтаре откроют окно, он уже дышать не может, глаза краснеют. Никакие лекарства ему не помогали. Он сам над собой подшучивал: «Приеду с Владыкой в Патриархию, а нос и глаза красные; ну, подумают, батя не просыхает».

Однажды его сильно прихватило, целую неделю не мог выйти из дома. Заехал я за ним на

машине, говорю: «Собирайся». Он, хотя и совсем больной, по послушанию быстро собрался: «На улицу?» – «Да». – «Едем?» – «Едем». Привезли его в баню, завели в парную, там жарко, градусов сто, ему понравилось. Хорошо прогрелся, вышел из парной, сел на краю бассейна. Я взял его за ноги и в воду сбросил, а она холодная, градуса четыре (это зимой было). Так он несколько дней повторял контрастные процедуры: то жар, то холод, а потом рассказал: «Чудо произошло. Меня Господь исцелил. И головная боль прошла, и простывать перестал». Вот что значит послушание...

Но у Господа Свой Промысл. Он послал отцу Николаю другую болезнь. Эта болезнь – особая милость Божия – была послана ему для очищения. Конечно, можно сказать: какие у отца Николая были грехи? Для кого-то это и не грехи совсем, а так, мелочь. Но и от самой малости он стремился избавиться. Даже за самый маленький грех он себя постоянно нудил, пробирал. Все каялся и каялся. Сам же, когда исповедал, кающемуся все повторял: «Бог простит, Бог простит», – какой бы грех тот ни называл. Такая у него ко всем была любовь.

Когда он приезжал к нам в монастырь, каждую матушку утешит, каждой ласково руку пожмет, в голову поцелует и скажет: «Терпите, матушки, все терпите. За все Бога благодарите». Господь через него открывал и духовное состояние сестер. Как-то в один из приездов сказал одной сестре: «У тебя уныние

не бывает? Не унывай, Господь тебя любит». – «Какое уныние? – подумала сестра. – Мне так радостно и спокойно». А через несколько дней приступил бес уныния, тут она и вспомнила слова отца Николая.

Он всем все прощал, даже если знал, что кто-то ему досаждают. Одна женщина все писала на него доносы, так он, когда узнал, не обиделся, и даже ни разу ей не намекнул об этом.

Последняя проповедь, которую он сказал в нашем монастыре, была о любви, о том, как врагов делать друзьями.

Конечно, он духовно для Царства Небесного уже давно созрел. Когда на древе плод созревает, он не может дольше держаться. Так и Господу было угодно, чтобы и этот добрый пастырский плод, много потрудившийся, послуживший людям, отошел ко Господу.

Вечная память протоиерею Николаю – доброму, смиренному труженику нивы Христовой!

2001

АРХИМАНДРИТ НИКИФОР (МИКУЛА),
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ
СВЯТО-ВВЕДЕНСКОГО ЖЕНСКОГО
МОНАСТЫРЯ ГОРОДА ИВАНОВА

«Он жил,
стараясь везде сохранять мир»

Когда отец Николай был секретарем епархии и настоятелем Преображенского кафедрального собора, он никогда не мог оставить своих обязанностей, лет двадцать – без отдыха, без отпуска. И к каждому человеку был настолько благосклонным, уважительным! Это было поразительно! Всегда проявлял любовь, не важно, каков был внешний статус человека. Ни разу я не заметил, чтобы отец Николай повысил голос на кого-то. Как владыка Амвросий, так и он, – они были одного духа, одной культуры отношения к людям.

Помню, отец Николай, будучи настоятелем собора, предложил мне написать икону. Перед входом в собор наверху висела икона Спасителя. Она уже обветшала, ничего почти не видно было. Он просил написать новую. Я думаю: «Икона висит высоко. Хорошо бы сделать ее не такую, как была, поясная, а написать только Лик с Нерукотворного Образа. Черты будут крупнее, лучше будет видно». Я написал, икону повесили. А бабушки шум подняли:

«Что это написали? Нам это не нужно». Они же как устроены? Как вот было, так оно и должно оставаться. И отец Николай показал мне хороший пример. Говорит: «Ну, что же, раз они такой шум подняли, просят... Не надо спорить... Ну, значит, надо другую написать, какую люди просят». Я написал, как просили. Повесили икону. И до сих пор она там висит. Сразу все успокоились.

Отец Николай показал, что прежде всего — мир. Вот так он и жил, стараясь везде сохранять мир.

2017

ИГУМЕН АГАФАНГЕЛ (ГАГУА),
ПОМОЩНИК МИТРОПОЛИТА В МОСКОВСКОМ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ МИТРОПОЛИЧЬЕГО
ОКРУГА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН, СОВЕТНИК
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА СЯТИТЕЛЯ
НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА,
ДОКТОР МЕДИЦИНСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР ИВАНОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ

«Чувствовалась печать
Горнего мира на этом человеке»

Отец Николай Винокуров был священником с особенным молитвенным настроением, ближайшим помощником владыки Амвросия на протяжении многих лет. В то время, когда я стал приезжать в Ивановское епархиальное управление на исповедь к архиепископу Амвросию, протоиерей Николай уже начал болеть, поэтому мы встретились с ним там лишь однажды. Запомнились его непосредственность, живое участие, готовность в чем-то помочь, если нужно.

Другая встреча, состоявшаяся через несколько лет, была намного более запоминающейся. По средам иеромонах Родион приводил находившегося в то время за штатом отца Николая в Преображенский кафедральный собор города Иванова, где батюшка, невзирая

на свое болезненное состояние самостоятельно служил Божественную литургию. У меня в это время болел отец; иеромонах Родион предложил попросить старца (каковым он считал протоиерея Николая) помолиться. Моя просьба о молитвенной поддержке была очень живо воспринята отцом Николаем. Он не только сам начал молиться, но и попросил принять участие в этой молитве всех, кто был в это время в соборе. Чувствовалась печать Горнего мира на этом человеке, который во время молитвы, как будто удалялся куда-то... И сила этого молитвенного обращения к Богу также была велика.

...Такие вот краткие две встречи, но они запечатлелись в памяти. И спустя шестнадцать лет после кончины протоиерея Николая чувствуется его духовное присутствие на Ивановской земле: очень многие люди почитают его, обращаются за молитвенной поддержкой, посещают часовню на могиле батюшки. И многие свидетельствуют о чудесах, которые происходят в их жизни после такого молитвенного обращения к отцу Николаю.

2017

ИГУМЕН ХРИСАНФ (ЛЕБЕДЕВ),
СВЯЩЕННИК ВЛАДИМИРСКОГО
ПРИХОДА ГОРОДА ИВАНОВА

«Любили его все – и духовенство,
и прихожане – за искреннюю веру
и прилежное служение»

8 марта 2001 года. Рано утром, придя в храм, узнаю о кончине отца Николая. Скорбная весть вонзается как нож в сердце. Нет больше самого дорогого и близкого человека. Вместе с ним умерла и частица самого меня: вся моя жизнь и служение были связаны с этим батюшкой. От лет юности, как себя помню, маленьким мальчишкой ходил к нему на исповедь, когда бабушка приводила меня в храм. Детские воспоминания святые. Поэтому все, что происходило тогда, хранит и бережет душу теперь. Отец Николай был молодой и красивый. Служил рядовым священником Преображенского собора. Нас, маленьких детей, встречал всегда невыразимым теплом и любовью. И мы это чувствовали. «Слушай папу и маму. Не ленись. Говори правду. Веди себя скромно», – до сего дня слышится его ласковый голос.

Шли годы. И вот я уже стал юношей. Все становилось по-другому в жизни. Но прежним оставался дорогой и любимый батюшка.

Теперь он уже был для меня духовником, учителем веры и наставником. Господь призвал его на высокие административные должности епархиального секретаря и настоятеля кафедрального собора, который я по-прежнему посещал как прихожанин. В эти годы моего становления так много дал мне приснопамятный отец Николай! Господь предопределил мне в Своих таинственных судьбах священническое призвание. И дорогой батюшка был для меня примером вдохновенного служения гонимой Церкви Христовой. Хотелось ему во всем подражать. Вести себя так же, как он, достойно своего пастырского звания.

К тому времени на Ивановскую кафедруступил молодой епископ Амвросий, с которым отца Николая связывали многолетняя дружба и духовное братство. Отец протоиерей был тогда первым помощником Владыки. Несмотря на большую занятость по должности, он всегда находил минутку и для меня, грешного. Господь благословил мне тогда петь и читать в любительском хоре на клиросе. Отец Николай всегда отмечал мои первые успехи, ободрял, помогал наставлениями. Новопоставленному епископу требовались иподиаконы. И вот, с благословения батюшки, меня ввели в алтарь. Сколько было радости у молодого паренька! Быть во святилище рядом с теми, кого так любил своим юношеским верующим сердцем!

В 1978 году меня призвали в армию. Отец Николай благословил, научил воинской мо-

литве, которую сам читал, будучи солдатом. По его молитвам определили меня в такую часть в Подмоскowie, где не пришлось и оружия брать в руки. Несколько раз присылал денег, зная, как скудно живетcя солдату на 3 р. 80 к.

Вернувшись из армии, я сразу пошел на благословение к дорогим Владыке и отцу Николаю. Приняли они меня с любовью и радостью. Отец Николай сказал: «Слава Богу! Господь уберег: не перевоспитали». После армии подал прошение Владыке на рукоположение. Время было безбожное. Атеистические власти душили Церковь как могли. Наступило и для меня время искушений. Мама занимала высокие профсоюзные должности. Вот за меня и взялись. Отец Николай много мне тогда помог. Благодаря его поддержке, все свершилось по воле Божией. Я стал соборным священником под настоятельством дорогого учителя. Десять лет прослужили мы с ним в Преображенском кафедральном соборе. Это время не забудется никогда. Благодаря настоятелю, в братии царили мир, любовь и согласие. Во всем он подавал пример. Был сердцем и душой нашего духовного братства. Всех нас любил, жалел. Служение его было вдохновенным. Господь сподобил отца Николая дара слезной молитвы и утешения. Если приходилось кому-то ставить на вид по должности, он делал это с любовью, исправляя словом вразумления и личным примером. Призывал нас служить честно,

ходить достойно своего звания, любить Православную Церковь и Родину. Сам постоянно проповедуя, призывал и нас к этому. Любили его все – и духовенство, и прихожане – за искреннюю веру и прилежное служение.

Ко мне, грешному, батюшка относился по-прежнему, заботясь и оберегая от ошибок. Однажды он подошел, крепко обнял, поцеловал и сказал: «Дорогой отец Хрисанф! Я так тебя люблю. Спаси тебя, Господи! Почитаю тебя истинным русским пастырем». Это было так неожиданно, что непроизвольно потекли из глаз чистые слезы радости от теплых слов батюшкиного признания моего смиренного служения.

Отец Николай завещал словами святителя Луки (Войно-Ясенецкого): «Будь защитником оскорбляемого Христа». Паства отца Николая была очень разной – от высоких партийных работников до простых русских старушек. Любви его хватало для всех. И народ своему пастырю платил тем же.

Помню, приходил он в собор ранним утром в воскресенье. Облачался и отправлялся в подвал, в крестильню. Где ждали его потаенные «страха ради Иудейска» Иосифы» (Ин. 19: 32), – ивановские начальники, учителя, врачи. Многие из них с благодарной памятью пришли в день похорон поклониться его гробу.

В жизни отце Николай был очень скромным, пользовался малым. Нас призывал быть русскими по духу, не жить по богопротивным

обычаям века сего, не подавать повода для соблазнов: «Есть грехи личные. Их Господь простит. Грехи же церковные – никогда!»

Последние годы отец Николай тяжело болел. Я несколько раз навещал его в больнице. Видели здесь в нем пример истинного монаха, принимавшего и скорбь и радость от Божией руки в полном послушании Его святой воле. Лежа в постели, несмотря на нездоровье, батюшка шутил, вспоминал ушедших в вечность общих знакомых: «Я за них всех молюсь». Оставил он и в 3-й горбольнице о себе добрую память.

Какой это был великий пастырь Церкви Христовой, показал день его погребения. Собор был переполнен людьми. Пришли все, сознавая невосполнимую утрату местной Ивановской церкви. «Таких больше не будет», – слышалось среди верующего народа.

На похоронах я горько плакал по батюшке, переживая его смерть как личное горе. И в этой погребальной тоске отец Николай меня не оставил, успокоил. Пришел я с похорон с чувством Пасхальной радости. Вернулся – как от светлой заутрени. Такие мир в душе, радость, тишина. Захотелось достать все вещи, книги, фотографии, подаренные дорогим батюшкой. Вспомнилось все, что связывало нас, учителя с учеником. На одной из фотографий, которую отец Николай благословил мне еще в 1989 году, прочел его напутственные слова, как бы из вечности обращенные ко мне теперь: «Прошу вас, отче, если меня Господь раньше призовет

в мир духов, в мир тайны, помолись и воздохни ко Господу о моем недостойнстве. Заранее с благодарностью, прот. Н. Винокуров».

Просьбу его, пока жив буду, выполняю. Так он мне дорог. После кончины многие из духовных чад отца Николая стали приходить ко мне. Я интересовался: «Почему вы выбрали именно меня?» – «Так батюшка благословил. Мы спрашивали, к кому нам идти, когда его не станет? – "Идите к Хрисанфу", – отвечал».

Спасибо тебе, дорогой отец настоятель, за то, что доверил продолжать твое дело на земле!

Вечная тебе память и вечный покой, добрый пастырь Церкви Христовой, любимый и незабвенный батюшка отец Николай!

2001

ИГУМЕН АГАФОН (ЧЕСНОКОВ)

«Сегодня, когда отец Николай
предстоит перед Богом,
он один из главных наших заступников»

Мои воспоминания об отце Николае относятся к тому времени, когда он служил в должности епархиального секретаря, будучи одновременно настоятелем кафедрального собора. В то время я был церковным старостой в одном бедном (даже очень бедном!) приходе. Мы задолжали по тем временам очень большую сумму в 2000 рублей. Тогда еще платили налог в т.н. «Фонд мира», и неуплата грозила немалыми неприятностями. Настоятель послал меня в епархиальное управление попросить денег взаймы с отдачей. Из каких средств отдавать их, тоже было совсем неясно. Советовали обратиться к отцу Николаю., которого я до тех пор не знал, и он меня не знал совершенно.

Разыскав отца Николая, я неуверенно изложил ему свою просьбу, а он тут же обратился к кому-то из епархиальных женщин, которые всегда имели собственное мнение. Ему, фактически начальнику, тут же отказали, ибо как всякий духовный человек он не принадлежал к начальству, которого бояться. Надо сказать, что в то время это был удивительный «тандем»

не просто добрых, а добрейших руководителей епархии: Высокопреосвященнейшего Владыки и его секретаря. Всегда можно было иметь уверенность в том, что тебя поймут, простят и пожалеют во всех трудностях тогдашней, по-своему очень нелегкой жизни под началом атеистических властей. Когда же отцу Николаю отказали, и в довольно-таки резкой форме, он не оскорбился, не рассердился, а начал уговаривать, как будто подчиненным был он. И, наконец, мне дали эту сумму, которую я, грешный, не вернул, и теперь уже никогда не верну. Спустя несколько лет после этого события отец Николай вел меня к престолу во время моей священнической хиротонии. Мне было страшно. Кто проходил хиротонию, тот знает, что это такое, и как трудно бывает перенести Божию благодать, которая нисходит на душу. Душа же никогда не может быть к этому готовой, ибо какие мы слуги Господу: «одна грязь и пепел». В тот момент, когда душа моя в страхе замерла, почувствовав свое недостойнство, и была открыта для благодати, отец Николай жарко зашептал мне в ухо, взяв за руку: «Знаешь, отец Агафон, знаешь, что самое главное? Ничего не бойся, бойся, только быть равнодушным к человеку. Люби всех, понял? Всех! И ты исполнишь то, что хочет от тебя Господь!» Мы читали и знаем эту заповедь, но важно, чтобы она была вложена в нас в тот момент, который забыть нельзя, и это делал отец Николай. Думаю, что не с одним мною.

Я однажды слушал проповедь отца Николая. В ней он рассказывал о том, как к нему подошел человек, решившийся на самоубийство. «Что у тебя болит: тело или душа?» – спросил отец Николай. «Душа», – ответил тот. «Так почему же ты хочешь убить тело? Неужели ты думаешь вместе с телом убить бессмертную душу?» Все его проповеди были шедеврами духа. Владыка и отец Николай. Они были родственные души, и когда здоровье не позволило отцу Николаю продолжать служить в епархиальном управлении, это было трагедией для многих. Но у Бога Свои планы. Сегодня, когда отец Николай предстоит перед Богом, он один из главных наших заступников. А мы должны молиться о его упокоении.

2001

ИГУМЕН РОДИОН (ШИНДЖИКАШВИЛИ)

«В моменты Херувимской песни
и Евхаристического канона
на глазах его были слезы умиления,
порой он плакал навзрыд»

Первый раз увидел отца Николая Винокурова в 1990 году в Ивановском епархиальном управлении, когда я сидел в очереди на прием к Владыке. Он тогда подошел ко мне и спросил: «Может быть, я чем-то могу помочь?» – «Нет, спасибо, – ответил я. – У меня личный вопрос». Вторая встреча была во время моей иерейской хиротонии. Протоиерей Николай водил меня вокруг престола. Третья встреча состоялась в 1993 году, когда я, как священник, проходил ставленническую практику в Преображенском соборе г. Иванова. Отец Николай предложил мне остаться там штатным священником. Я согласился, и восемь лет прослужил в соборе.

На протяжении всего этого времени мы поддерживали с отцом Николаем очень теплые отношения. Когда у него был второй инсульт, он попал в реанимацию 3-й городской клинической больницы Иванова. Пятьдесят дней я каждый день ходил его причащать. Утром, ровно в 6.00, был уже у его больничной кой-

ки. Когда я входил в палату, отец Николай всегда крестился, что в связи с болезнью ему было очень трудно делать, и говорил: «Благословен грядый во имя Господне». После принятия Святых Тайн, мы кратко беседовали о Боге, о литургии, о здоровье батюшки и моей учебе в семинарии, поездке по святым местам Иерусалима. Как-то я подарил ему икону святителя Николая, освященную на мощах великого чудотворца в г. Бари в Италии.

После относительного выздоровления и выписки отца Николая из больницы, я еженедельно служил с ним литургию в кафедральном соборе. В этот день я всегда приходил за час до службы, готовил облачение батюшки, евхаристический набор для проскомидии. Встречал отца Николая у порога алтаря, куда его подвозил на машине водитель Дмитрий.

Когда протоиерей Николай входил в алтарь, он делал поклоны, прикладывался к престолу и иконе святителя Николая Чудотворца. Потом подходил ко мне со словами: «Милому старцу многая, многая лета!» После этого я помогал ему снять верхнюю одежду, мы прикладывались к центральному престолу и выходили читать перед Царскими вратами входные молитвы. Затем я облачал отца Николая в священнические одежды, так как сам он еще не мог этого сделать, и он сам совершал проскомидию.

Литургию батюшка всегда служил с большим благоговением. В моменты Херувимской

песни и Евхаристического канона на глазах его были слезы умиления, порой он плакал навзрыд. Интересно отметить, что отец Николай как-то после инсульта обратился к еще живой тогда старице Любви, жившей при Николо-Шартомском монастыре, с вопросом о своем состоянии здоровья и духовном спасении. Она ему ответила, что если он будет служить литургию, то будет жить.

После принятия Тела и Крови Христовых, протоиерей Николай всегда выходил на амвон и говорил проповедь, как бы плохо себя не чувствовал. А после литургии сам давал людям прикладываться к кресту. В это время он общался с прихожанами, отвечал на духовные вопросы. Я стоял рядом с ним и оберегал от ревностных не по разуму почитателей, которые, не считаясь с болезнью отца Николая, вели себя некорректно.

Однажды к нему подошла женщина, плачет: «Меня муж бросил». А отец Николай гладит ее по голове и говорит: «Благодари Бога, что Господь тебя не бросил».

Во время облачения я рассказывал батюшке житие празднуемого святого или о празднуемой иконе Божией Матери, и он использовал это во время проповеди.

Когда я учился заочно в Московской Духовной семинарии, мы всегда перед сессией молились вместе с отцом Николаем у святого престола, испрашивали у Бога помощи мне в сдаче экзаменов. И я благополучно окончил

полный курс семинарии. Он всегда желал, чтобы я поступил в Духовную академию, молился об этом. Сейчас, спустя годы, я задумался над тем, чтобы исполнить это желание батюшки.

По его благословению я посещал детский комбинат, где находились дети, страдающие детским церебральным параличом. Говорил проповеди, причащал детей. Также с духовными беседами посещал тюрьмы, школы, детские сады. В колониях нередко приходилось совершать Таинства Крещения, Исповеди, Причастия, Соборования. Всегда говорил слово утешения.

Каждый год после инсульта отец Николай ложился в больницу для поддержания физического здоровья, чтобы была у него возможность служить литургию, окормлять духовно прихожан.

Когда отец Николай скончался, я об этом не знал, даже не был на похоронах. Но я его люблю, это мой духовный отец и даже больше. Это мой наставник до скончания века.

2001

СХИИГУМЕН ВОНИФАТИЙ (ДЫКОВ)

«Внутренняя теплота его души
согревала, особенно во время
общей церковной молитвы»

Мое первое знакомство с отцом Николаем Винокуровым произошло по милости Божией при ослабевшем моем здоровье во время соборования в храме. Батюшка проявил тогда чуткость и внимание, которые очень тронули меня, и наша, казалось бы, случайная встреча, превратилась в многолетнее духовное общение. Отец Николай обладал удивительным даром: любовью к Богу и людям. Внутренняя теплота его души согревала, особенно во время общей церковной молитвы. Его речь была проста и понятна, бесхитростные слова заставляли жить в чистоте, сердечной любви к Богу и во взаимопонимании с близкими.

Вспомнился случай, когда протоиерей Николай был послан владыкой Амвросием в один храм для примирения враждующих сторон. До его приезда лица собравшихся были яростны, а сами они преисполнены воинственного пыла. Появление отца Николая как-то их обезоружило, прихожане завороченными глазами смотрели на приехавшего священника.

Отец Николай с присущей ему умиленной улыбкой обвел всех глазами и сказал: «Лю-

безные мои матери, сестры! Благословение вам от Святого Владыки. А от меня примите тоже благословение и поклон». И отец Николай поклонился им. Лучистые глаза батюшки светились, были преисполнены любовью ко всем присутствующим.

Мягкая речь охладила раздражение враждующих сторон. Отец Николай подозвал к себе особенно беспокойную прихожанку, у которой даже гвоздь был зажат в руке, и после его благословения, она как-то сникла. Руки у нее обмякли, гвоздь выпал, в глазах появились слезы. Совершили общую молитву, после которой враждующие стороны окончательно примирились.

Отец Николай каждую прихожанку индивидуально благословил, сказал напутственное слово, и только после этого уехал в епархию.

Он очень многим искалеченным духом времени душам помог, даже предотвращал самоубийства некоторых отчаявшихся людей.

Молитвы батюшки, его наполненные любовью слова давали многим силы и уверенность начать новую жизнь по заповедям Христовым. Чудным образом супруги примирались, одинокие обретали новый чистый смысл жизни, безработным по молитвам отца Николая Господь помогал найти постоянное место работы. Свои духовные дары священник скрывал, радовался, когда видел людей, которым помогал, в храме.

За ту помощь, которую он оказывал людям, враг рода человеческого нападал на него

через болезни, угрозы, нарушение мира между священниками и прихожанами, что особенно тяготило батюшку, пагубно отражаясь на его здоровье. Он всем сердцем старался сохранить мир между священнослужителями, что не всегда получалось... Это особенно тяготило отца Николая и пагубно отражалось на его здоровье.

Посеянная им в сердцах людей доброта дала обильный свой плод. На его отпевание пришло столько людей, что не только собор, но и вся его территория были заполнены людьми, искренне и со скорбью в сердце пришедшими проводить в последний путь дорогого батюшку. Духовно он с нами и по своей кончине. Просите отца Николая о помощи в ваших нуждах, скорбях, болезнях, печалях. Он обязательно откликнется, испросив у Бога благословение и помощь; ведь и в таинственных сферах духовного мира протоиерей Николай болеет душой и сердцем о нашем спасении.

2001

ПРОТОИЕРЕЙ ВИКТОР ГАВРИЛОВ

«Он просто боль каждого брал на себя.
Он слишком близко принимал
чужую боль к сердцу»

...Я познакомился с отцом Николаем Винокуровым, когда, будучи псаломщиком, приехал из Ленинграда в незнакомое мне тогда Иваново, с намерением вступить здесь на нелегкую стезю священства. Отец Николай был тогда еще рядовым священником в Преображенском кафедральном соборе города Иванова, а настоятелем собора был архимандрит (сейчас архиепископ) Амвросий. Епархией управлял архиепископ Иов (Кресович), секретарем епархии был протоиерей Николай Демьянович.

Я долго прожил в Ленинграде, все-таки окончил там семинарию, почти три года учился в Духовной академии, нес послушание псаломщика на приходах северной столицы. После Питера привыкнуть к ивановским особенностям жизни было непросто. В частности, резко отличалось отношение к духовенству. В Ленинграде это было подчеркнутое почтение, здесь же – нескрываемое пренебрежение. И именно отец Николай помог мне смириться перед этими новыми неприятными условиями,

оказал моральную поддержку, указав на то, что долг каждого христианина, а пастыря Церкви Христовой в особенности, с честью переносить временные невзгоды.

По инициативе отца Николая и нашего нынешнего владыки Амвросия, после рукоположения я остался служить в Преображенском кафедральном соборе, в то время единственном действующем ивановском храме. А вскоре архиепископ Иов ушел на покой, новым епископом стал архимандрит Амвросий, а настоятелем собора он назначил отца Николая.

Я прослужил в соборе уже больше двадцати пяти лет, пятнадцать из них настоятелем собора был отец Николай. Это удивительно любвеобильный пастырь и совсем не администратор. Никогда мы не видели в нем строгого руководителя, хотя он долгое время был и секретарем епархии, но всегда – любящего собрата, готового протянуть руку помощи в тяжелый момент жизни.

Отец Николай – очень чистый, смиренный и кроткий человек, он умел в то же время и пошутить, совсем не был ханжой и лицемерным святошей. Если греховная природа человека, стоящего перед ним, а в особенности – если этот человек служил в Церкви, превосходила ту меру нравственного падения, которую могло как-то понять его чистое и непомраченное сознание, то отец Николай расстраивался как ребенок, на него жалко иногда было смотреть.

Но этот пастырь никогда не метал громы и молнии, не грозил адскими муками. Он просто боль каждого брал на себя. Он слишком близко принимал чужую боль к сердцу. На духовническом служении обычно с годами приходит умение со стороны смотреть на чужие страдания, а для него они были как свои. Из-за этого у отца Николая и были все его болезни.

Когда после перестройки Церкви дали определенную свободу, то в храмы хлынуло много новых людей. Некоторые растерялись, утратив прежние идеалы, некоторые искренне желали обрести веру. После Тысячелетия Крещения Руси в течение нескольких лет каждый день в соборе крестились множество людей, порой по несколько сотен человек в день. И интересно, что все новые люди безошибочно чувствовали отца Николая и стремились поговорить с ним. Он говорил всегда очень просто, но его слова всегда были наполнены верой и любовью к Богу и ближним. Помню, он, не жалея сил, писал статьи в газеты, ходил с проповедями по организациям. И здесь отец Николай не мог работать половинчато – служение слова забирало у него все силы, часто писал ночами, зачеркивал, переписывал. А здоровье было таким слабым...

Инсульт, инфаркт... Пришлось оставить послушания настоятеля собора и секретаря епархии. Но паству он оставить не мог. До самой смерти отец Николай был у престола. Уже и

стоять-то не мог, ходил, только опираясь на палку, но все равно служил полностью литургию, говорил проповедь, а потом благословлял порой сотни жаждущих его благословения людей. Он не щадил себя, полностью отдавал себя Церкви. Он человек Божий, поднявшийся над соблазнами падшего мира. Бессребреник, никогда не брал ничего за требы, довольствовался малым.

...Он, видимо, чувствовал приближающееся к нему дыхание смерти. Я был у отца Николая незадолго до его кончины, говорю: «Ну, увидимся на Пасху». А он грустно так и задумчиво говорит: «Нет, до Пасхи я не доживу...» и действительно его блаженная кончина наступила в самом начале Великого поста. Была она трагической, но через нее, видимо, Господь очистил его от последних остатков земного и тленного, и соделал его наследником вечной жизни. Я знал отца Николая двадцать пять лет и могу свидетельствовать о нем, как о праведнике. Быть может, недалек тот день, когда будет установлено его почитание, как местночтимого святого Ивановской земли.

2001

ПРОТОИЕРЕИ ВЛАДИМИР КУЧЕРЯВЫЙ, ОДНОКУРСНИК ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ В ГОДЫ УЧЕБЫ В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

«Он был совестью нашего курса»

Приснопамятного отца Николая Винокурова я знаю с 1958 года.

Впервые встретился с ним в стенах Киевской Духовной семинарии, куда в это время поступал. Коля Винокуров тогда был уже студентом 2 класса семинарии. Среди других он выделялся тихостью, скромностью и какой-то особенной внутренней собранностью. Но тогда не удалось как следует с ним познакомиться, потому что, во-первых, мы были в разных классах, а, во-вторых, в 1958 году его забрали в армию. Во время хрущевской оттепели в 1960 году Киевскую семинарию закрыли. Я, уже студент 3 класса семинарии, тоже был призван в армию. На время мы потеряли друг друга. Какова же была моя радость, когда возвратившись из армии и окончив Одесскую семинарию, я в 1965 году, поступив в Московскую Духовную академию, обнаружил здесь среди моих теперь уже непосредственных сокурсников того же симпатичного мне парня – Колю Винокурова.

Теперь представилась возможность лучше познакомиться с ним. Четыре года мы рука об руку учились, и могу о нем засвидетельствовать: во время учебы в академии он оставался

все тем же тихим и скромным парнем, одаренным обаятельностью и необыкновенным ко всем дружелюбием (думаю, это была сила благодати, уже тогда действующая в нем). Коля был тих и скромен, всегда с любовью ко всем относился. В присутствии Коли нам, молодым тогда студентам, всегда было совестно что-либо неуместное сказать, тем более сделать. Он был совестью нашего курса.

При всем этом Николай не был лишен чувства здорового и чистого, без всякого сарказма, юмора. Он мог пошутить, но выражал это так, чтобы никого не обидеть и не оскорбить. Коля был нашим общим любимцем. Поэтому неудивительно, что когда встал вопрос, кому из священников крестить родившуюся у меня в 1968 году дочь Олю, мы с женой не колеблясь избрали священника (он принял сан, являясь celibатом) отца Николая Винокурова. В 1969 году мы окончили академию (кстати, курс до сих пор остается уникальным: среди выпускников не было ни одного мирянина, все приняли священный сан), разъехались по городам и селам России, ближнего и даже дальнего зарубежья. Но никогда за эти годы я не упускал из вида, что в богоспасаемом Иванове трудится неленостно мой лучший друг — отец Николай Винокуров. С чувством духовной радости следил за его духовным ростом и продвижением: вот он настоятель кафедрального собора, вот он награжден митрой, вот он благочинный. Отец Николай отвечал мне взаимностью, был очень внимателен к моей дочери;

в письмах, при встречах, в телефонных разговорах всегда справлялся о ее физическом и духовном здоровье, всегда был добродушен и необыкновенно приветлив. Но... тяжелый недуг сразил его. Господь послал ему испытание, которое он с покорностью воле Божией и с христианским достоинством принял: несколько тяжелых инфарктов и инсультов вывели его из полноценной церковной жизни.

Господь судил мне с семьей (женой, двумя детьми и зятем) посетить моего друга в Иванове после очередного инфаркта. Увидел, что он остается все таким же обаятельным и благодатным человеком, каким был в годы студенчества. Множество священников и мирян, посещавших его во время нашего визита, служат подтверждением тому. Вспоминаю его радость, с какой он демонстрировал свою способность пройти от койки до порога комнаты.

Он еще встал на ноги и, вероятно, не желая остаться у меня в долгу, однажды, хоть и с палочкой, посетил меня в Сергиевом Посаде, чем доставил мне великую радость. К этому времени я, после инфаркта и инсульта, тоже был уже с палочкой, но разве это имело отношение к нашей встрече! Спаси, Господи, доброго отца Афанасия, что привез его и Тамару Михайловну – врача, которая сопровождала его на пути следования в Сергиев Посад. Сейчас его нет среди нас. Хочется надеяться, что сейчас он испытывает иные реальности в небесных обителях.

Вечная ему память.

2001

ПРОТОИЕРЕЙ МЕФОДИЙ ФИНКЕВИЧ

«Пусть же Милосердный Господь
сподобит его вечно видеть
Прекрасный Иерусалим вышний
и Самого Господа Иисуса Христа,
Которому он посвятил свою жизнь»

Отец Николай Винокуров мне известен уже более сорока лет. Еще в 1950-е годы, будучи студентом Киевской Духовной семинарии, он вместе с другими семинаристами бывал в Киево-Печерской Лавре на богослужении и меня, как молодого послушника, читавшего на клиросе, хорошо запомнил. Однако обстоятельства сложились так, что нас вскоре разлучили. Его забрали из семинарии в армию, а Киево-Печерскую Лавру закрыли. Наступило время новых гонений и закрытия храмов и монастырей. Семинарию в Киеве тоже закрыли, и мы оказались в разных местах.

Положив начало в Лавре, я решил и дальше идти по линии церковной. В 1961 году поступил в Московскую Духовную семинарию, находящуюся в Троице-Сергиевой Лавре. А отец Николай продолжал служить в армии. И вот на втором курсе во время занятий вдруг заходит в наш класс Николай Винокуров. Представился преподавателю, что он из армии, и прямо идет ко мне и садится рядом.

Потом рассказал, что меня хорошо знает по Киево-Печерской Лавре. Так мы с ним и начали привыкать друг к другу. Он оказался очень хорошим мальчиком, верным и преданным, скромным и кротким, добрым и незлобивым. Если случайно кто-то поскандалит с ним или даже обидит его, он уже сильно волнуется. Не может успокоиться ни на минуту, ищет момента, как бы скорее примириться с братом. И прав или не прав – сам подойдет и попросит прощения. Такие истинно-христианские моменты в его поведении многим нравились, невольно располагали к нему друзей.

С отцом Николаем всегда было приятно находиться вместе. Невольно вспоминаются слова апостола Павла, как он скорбел о разлуке с братом Титом, когда пришел в Троаду для благовествования о Христе. И «хотя мне, – пишет он, – и отверста была дверь (Самим) Господом, я не имел покоя духу моему, потому что не нашел там брата моего Тита» (2 Кор. 2: 12-13). Подобное испытал и я после разлуки с отцом Николаем. Прибыв после окончания Московской Духовной академии в Киевскую епархию и получив назначение в город Тарацу, я увидел, что все бывшие храмы этого города уничтожены. Даже костел, в котором служили православные, уже был переоборудован в музшколу, а храма как такового вообще не числилось. И вот пришлось служить на отшибе вдали, почти в поле, у одной восьмидесятилетней старушки, ветхий домик которой,

уже разваливающийся, стоял над глубоким обрывом так, что обойти его вокруг было невозможно. А ее сын, живший в городе, внешне здоровенный мужчина, но горький пьяница, неоднократно приходил к дому и заколачивал двери, оставляя угрожающую надпись: «Если кто осмелится открыть, того убью». И вот приходилось идти в городскую администрацию и решать проблемы. Я очень вспоминал отца Николая, даже впоследствии писал ему об этом, что если бы он был рядом, то все подобные невзгоды казались бы меньшими, ибо его присутствие всегда успокаивало душу.

Почти сорок лет мы с ним не теряли дружбы, все время переписывались и приезжали друг к другу. Последний раз отец Николай, несмотря на болезнь, посетил Киев в 1996 году, и день своего тезоименитства провел у нас. С ним были его сестра Александра, которая и раньше неоднократно бывала в Киеве, и отец Зосима. Мы тогда еще раз приложились к мощам преподобных угодников Киево-Печерской Лавры, посетили другие святыя места.

Отец Николай очень любил Киев, ведь он провел в нем свои юные годы в семинарии и всегда мечтал побывать в нем, как в «матери городов русских» и «втором Иерусалиме».

Пусть же Милосердный Господь сподобит его вечно видеть Прекрасный Иерусалим вышний и Самого Господа Иисуса Христа, Которому он посвятил свою жизнь.

2001

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР СОЛОВЬЕВ*,
НАСТОЯТЕЛЬ ПРИХОДА
В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
«ПРИБАВЛЕНИЕ УМА»
ГОРОДА ИВАНОВА

«По моему глубокому личному убеждению,
со временем протоиерей Николай Винокуров
будет канонизирован Русской Православной
Церковью и займет место в сонме
Собора Ивановских святых»

С отцом Николаем я лично познакомился в самом начале девяностых годов. Точной даты этого события не помню. Возможно, это связано с тем, что о священнике Николае Винокурове был много наслышан от моего родного брата, протоиерея Владимира Соловьева, настоятеля Кресто-Воздвиженского храма города Вязники Владимирской области, откуда родом был и отец Николай. Сестру отца Николая Александрю Макаровну (Шуру), жившую в Вязниках, я знал еще до знакомства с ее братом. Кто знаком с Александрой Макаровной, не может не отметить ее доброжелательный, скромный, кроткий нрав.

* На момент написания воспоминаний в 2001 году А.И. Соловьев не был в священном сане, работал директором Ивановского психоневрологического интерната

В связи с возможностями, возникшими вследствие так называемой перестройки, в начале 1992 года я пригласил в Ивановский психоневрологический интернат на ул. Благова, 38, где работал в качестве директора, представителей православного духовенства. Это были настоятель Преображенского кафедрального собора протоиерей Сергей Арбузин, протодиакон Михаил Дзичковский и секретарь Ивановского епархиального управления протоиерей Николай Винокуров. Священнослужители ознакомились с учреждением, после чего им был предложен чай. В это время в интернате проводилась плановая комплексная ревизия. Один из высокопоставленных сотрудников отдела социального обеспечения Ивановского облисполкома (облсобеса), проводивший в тот день проверку, член КПСС, заинтересовался посещением интерната священнослужителями и был также приглашен за стол. После скромной трапезы он выразил удивление, каким легким и интересным было общение, как вообще возможна теплая, непринужденная и добрая атмосфера с незнакомыми и «необычными» людьми. Сторонний от церковной жизни человек за время короткого общения не смог не отметить, какое сердечное обаяние исходило от отца Николая.

После этого посещения и последующего визита в интернат архиепископа Амвросия, управляющего Ивановской епархией, было решено обустроить в учреждении молельную комнату.

Отец Николай преподнес репродукции икон, подсказал, как их лучше оформить, дал ряд других ценных советов. Он же познакомил меня с Гузиковым Геннадием Николаевичем, замечательным православноверующим человеком, художником, который написал большие иконы Спасителя, Божией Матери, святителя Николая Чудотворца. Так, советами протоиерея Николая Винокурова и с его помощью, при участии Геннадия Николаевича из комнаты по раздаче пищи была в 1993 году обустроена первая в Ивановской области в социальном медицинском учреждении моленная комната. Большой честью, стало и то, что 5 февраля того же года ее освятил протоиерей Николай Винокуров.

Когда со временем возникла идея преобразования моленной комнаты в домовую церковь, отец Николай принял в этом самое горячее участие. Домовый храм в той же самой небольшой комнате устраивался всем миром. Один из монастырей епархии взялся сшить облачения в алтарь, другой монастырь подарил евхаристический набор, предприятия-благотворители изготовили дарохранилищницу и семисвечник, писались иконы. Отцом Николаем подарены новые богослужебные Евангелие и Апостол. Трудно было бы претворить доброе и благое богоугодное дело в жизнь без участия отца Николая, его ценных советов и помощи. 14 апреля 1995 года архиепископом Ивановским и Кинешемский Амвросием, при

участии соборного духовенства, в том числе, конечно же, протоиерея Николая Винокурова, освящен домовый храм в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона.

Как ценную реликвию храню двухтомник Нового Завета, подаренный мне тогда отцом Николаем. Каждая из книг им подписана: «Глубокоуважаемому ктитору вновь устроенного больничного храма святого великомученика Пантелеимона. Досточтимому Александру Ивановичу. Господь да благословит Вас за это благое дело миром, здравием и мудростью духовной». «Дорогому Александру Ивановичу в день освящения храма святого великомученика Пантелеимона. Да хранит Вас Господь и Вашу домашнюю церковь, семью Вашу, молитвами Церкви Христовой. С искренним уважением. Прот. Николай Винокуров. 14.04.1995 г.»

Примечательным, на мой взгляд, является факт, что все полученные позднее поздравления в мой адрес и членов моей семьи написаны отцом Николаем собственноручно. Это относится и к тому периоду, когда он являлся секретарем епархиального управления, когда имелась возможность дать поручение, а самому лишь поставить подпись под машинописным текстом.

Всего раз мне довелось брать благословение у Патриарха Московского и всея Руси. Это случилось летом 1993 года во время посещения Ивановской земли Патриархом Алексием Вторым, в доме-интернате Лесное, где Патри-

арх проводил пресс-конференцию для СМИ в заключение своего визита. И представил меня Святейшему по своей инициативе протоиерей Николай Винокуров.

Как известно, в последние годы отец Николай тяжело болел. В один из острых периодов болезни я посетил его в больничной палате. Около постели дежурила сестра Шура. Состояние и самочувствие священника были тяжелыми. Больной находился под воздействием медикаментозного сна. Чтобы его не тревожить, хотел тихо удалиться. Однако отец Николай приоткрыл глаза, улыбнулся, назвал меня по имени. Затем, уже с закрытыми глазами, протянул слабую руку к стене над кроватью и ошибочно снял из ряда там висевших иконок одну. «Это Вам подарок, – тихо произнес он. – Ведь у вас домовая церковь в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона». В протянутой руке была металлическая, очень оригинальная иконка святого Пантелеимона. Под впечатлением произошедшего икона была вскоре пожертвована мною домовому храму. Вероятно, я правильно сделал, но сейчас, после ухода отца Николая из земной жизни, сожалею по-человечески, что не сохранил им подаренную святыню.

Довольно часто посещал я отца Николая на дому, во многом известном маленьком домике в Нежданове. Он живо интересовался моими проблемами, жизнью домовой церкви, искренне сокрушался, услышав о невзгодах, каких-

то неурядицах. Как бесконечно добрый человек и чудный пастырь давал советы, призывал не отчаиваться в тяжелых ситуациях, уповать на помощь и милость Божию.

Отец Николай не оставлял без внимания и мои вопросы в отношении духовного окормления жителей интерната. Об этом свидетельствует следующий пример. Однажды я посетовал отцу Николаю, что недавно рукоположенный священник, назначенный настоятелем нашего домового храма, отказывается крестить по моей просьбе, просьбе руководителя богоугодного заведения, крестить инвалидов, о крещении которых нет сведений... «Да, крещение должно быть "едино", то есть совершаться один раз, – соглашался я. – Но, если человек умрет некрещеный, не будет ли греха на священнике, отказавшего в свое время в крещении по упомянутым мотивам?» И отец Николай вскоре дает ответ на мой вопрос в газетной статье, посвященной Таинству Крещения: «Случается, что человек сам не знает, был ли он крещен... Поскольку это Таинство совершается раз в жизни, то во избежание его повторения священник добавляет в крещальную формулу слова: "Если не крещен..."».

Да, нет с нами больше протоиерея отца Николая Винокурова. Жизнь этого Пастыря (с большой буквы) Церкви Христовой среди нас, грешных, оборвалась трагично, на первый взгляд нелепо. Однако во всем существу-

ет Промысл Божий. Отец Николай представлялся мне (и представляется особенно сейчас, после кончины) эталоном православного священника Русской Церкви. Он источал неимоверную любовь к окружающим. В статье «Бог есть любовь» он наставлял: «Быть зодчим, философом, ученым, естественно, не каждый может, а вот стать носителями и сеятелями евангельской любви призваны все без исключения...» Его, в свою очередь, любили и тянулись к нему совершенно различные люди – неверующие и маститые священнослужители, явные грешники и ведущие праведный образ жизни прихожане, простые люди и власть предержащие. Для всех он находил доброе слово, утешал и для многих человеческих сердец открыл дорогу к Богу, зажег огонь веры. Сейчас довольно много священников. Но такой – был и есть только один. По праведному образу жизни, своему земному духовному пути. «Много званых, а мало избранных», – сказал Господь (Мф. 20: 16). По моему глубокому личному убеждению, со временем протоиерей Николай Винокуров будет канонизирован Русской Православной Церковью и займет место в сонме Собора Ивановских святых.

Вечная память отцу Николаю!

2001

ПРОТОИЕРЕЙ
АНДРЕЙ ЕФАНОВ,
СЕКРЕТАРЬ ЕПАРХИАЛЬНОГО СОВЕТА
КИНЕШЕМСКОЙ ЕПАРХИИ

«Светлый батюшка»

Светлый батюшка! Именно такое впечатление осталось в моей памяти о протоиерее Николае Винокурове. Всегда добродушный, никогда не раздражающийся на глупые или не вовремя заданные вопросы. Несмотря на слабое здоровье, отец Николай для каждого находил время и силы: частичку своей светлой души. Для любого, кто был знаком с отцом Николаем, он остался в памяти ярким и светлым воспоминанием. Поэтому: светлый батюшка! Мое знакомство с отцом Николаем состоялось в 1994 году, когда я приехал в Ивановскую епархию. Батюшка стал моим восприемником на иерейской хиротонии, и это не осталось формальностью. При каждой встрече с отцом Николаем я получал совет: как правильно молиться, как служить, что делать во время скорби. Иногда я задавал вопрос сам, иногда батюшка давал совет, казалось бы, случайно, между делом. Но его слова были как ответом на насущные вопросы, так и наставлением на дальнейшую жизнь священнослужителя. Прошли десятилетия, но слова батюшки

Николая неизгладимо запечатлелись в моем сердце.

Советы отца Николая, если посмотреть на них со стороны, были просты: молись усердно, священнические молитвы читай в положенное для этого время, а не заранее или позднее, во время сильной скорби упади ниц перед иконами, расставь крестообразно руки и только тверди: «Господи, помилуй»... Но за каждым подобным советом чувствовалось, что говорит это мудрый пастырь из своего личного опыта, а не из книжной начитанности. «Сам искушен быв, может и искушаемым помощи» (Евр. 2: 18), – говорит апостол о Христе Спасителе, образом Которого в земной Церкви является епископ. Отец Николай не был архиереем, но именно к нему можно применить эти слова Писания. Старец, в подлинном смысле этого слова, не мифический перманентный прозорливец, которых безуспешно ищут желающие чудес и знамений, но духовно опытный пастырь, опытно познавший тягости духовной жизни и с Божией помощью преодолевший искушения.

Что еще сказать про отца Николая? Он дивно служил, с ним совершить Божественную литургию это не только причаститься Божеству, но и получить урок молитвенности и благоговения к святыне. Да и просто встретив батюшку и подойдя к нему под благословение было счастьем. Он всегда лучился радостью, любая, даже самая короткая встреча окрыляла.

Отец Николай, на момент моего знакомства с ним, уже сильно болел. Но всегда находил время и силы для тех, кому он был нужен. А нужен он был многим и поэтому день за днем он находил в себе силы и служить и общаться с людьми: и с духовенством и с мирянами. В таком жертвенном служении и проходили дни протоиерея Николая до того самого дня, когда Господь призвал его к себе. В мире, где нет ни болезней, ни немощей, отец Николай продолжает свое служение Богу и людям, вознося молитвы ко Христу за нас, недостойных своих духовных чад.

2017

«К ОТЦУ НИКОЛАЮ КАК МАГНИТОМ ПРИТЯГИВАЛО ЛЮДЕЙ»

ВОСПОМИНАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ,
РАБОТНИКОВ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ
И КУЛЬТУРЫ

КУЗЬМИЧЕВ
АЛЕКСАНДР СТАНИСЛАВОВИЧ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИВАНОВСКОЙ
ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

«Вот эти встречи, его благословение —
они значили, возможно, больше
любого разговора»

В первый раз я увидел протоиерея Николая Винокурова, не зная, кто он такой, но почувствовал какое-то дыхание святости, которое шло от него. Он настолько ласково, по-доброму относился к прихожанам, что это было поразительно. Сразу чувствовалось, что это человек высокой духовной жизни. Его все любили, и сам отец Николай старался с каждым поздороваться, каждого благословить.

Когда я видел протоиерея Николая, то понимал, что это особый светлый человек,

не похожий на других. По моим ощущениям, это был старец, который по милости Божией жил рядом с нами. От него исходил свет доброты, который был осязаем. Когда шло отпевание протоиерея Николая, на нем присутствовало столько людей, что Преображенский собор не мог всех вместить. Многие уже тогда обращались к нему, как к святому с просьбами о молитвенной помощи. В часовню на могиле отца Николая и сейчас, спустя шестнадцать лет после его кончины, приходит много людей; они обращаются к нему как к живому. По их вере некоторые из них получают помощь в том, что просят.

Меня самого крестил дядя отца Николая – архимандрит Никодим. Это было в храме села Воронцово Пучежского района. В этом храме послужил и владыка Амвросий, который также очень мне дорог.

С протоиереем Николаем у нас никогда не было официального общения, связанного с моей профессиональной деятельностью. Мы встречались, когда я, работая в администрации Ивановского района, перед тем как идти на работу, утром заходил в Преображенский кафедральный собор, чтобы поставить свечи. Отец Николай очень рано приезжал в храм, задолго до начала службы. И, видя меня, он каждый раз подходил, благословлял. Я не имел возможности каких-то духовных бесед с ним, так как батюшка уже очень болел, и мне неудобно было его о чем-то спрашивать. В то

же время вот эти встречи, его благословение — они значили, возможно, больше любого разговора. С момента кончины протоиерея Николая я всегда его поминаю, бываю у него на могиле. Верю, что и он за нас молится.

2017

МИХАЙЛОВ ГЕНРИХ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК,
ДОЦЕНТ, В ПРОШЛОМ – ОТВЕТСТВЕННЫЙ
СЕКРЕТАРЬ КОМИССИИ ПО СВЯЗЯМ
С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РФ,
ДО ЭТОГО – ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ ПРИ СМ СССР,
В КОНЦЕ 1970-х – НАЧАЛЕ 1980-х–
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СОВЕТА
ПО ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

«Его нет с нами, но и ныне я мысленно
примеряю свою жизнь по нему,
советуюсь с ним, как с живым,
прошу его помощи и молитв»

...Был ноябрь теперь уже далекого 1977 года. Здание в Иванове на улице Батурина, что рядом с краеведческим музеем, в те времена хорошо знало духовенство области: здесь находился уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Ивановской области. Ни один священнослужитель не мог его миновать. Не думаю, что шли сюда они с радостью. Однако, насколько мне известно, уполномоченные не стремились кого-то из них несправедливо обижать. Доброжелательное отношение к служителям Церкви Божией было

отличительной чертой большинства уполномоченных Совета по Ивановской области.

В тот холодный ноябрьский день пришли ко мне, тогда уполномоченному Совета, два необычных посетителя. Сказать, что люди эти были удивительно светлые, в чем-то неуловимо похожие друг на друга, значит ничего не сказать. Один из них – управляющий епархией епископ Амвросий. Меня сразу поразили его красота и обаятельность. А мудрость, доброта и сердечность епископа Амвросия хорошо известны даже за пределами епархии. Вторым моим гостем был тогдашний секретарь епархиального управления и настоятель Преображенского собора протоиерей Николай Винокуров. Он не был таким сановитым и ярким, как епископ. Но те же доброта и сердечность так и лучились в его глазах. Неповторима была его улыбка: кроткая и в то же время необычайно доброжелательная. Мне сразу подумалось, что человеку с таким добрым лицом и обаятельной улыбкой можно было доверить самую сокровенную тайну. Так оно и было: перед отцом Николаем распахивались даже самые зачерствелые, заскорузлые души; ему доверяли самые-самые потаенные тайны сердца. Это была наша первая встреча. Пожалуй, тогда и зародились наши добрые отношения, постепенно переросшие в дружбу.

Своеобразной и непростой была должность уполномоченного Совета по делам религий. С одной стороны, большая власть над судьбами

духовенства. При желании, в духе атеистического времени, можно было и покуражиться над бесправным священником, унижить его. С другой, при длительном и частом общении со служителями Церкви формировались доброжелательное отношение к большинству из них, интерес к их жизни, закрытой для большинства непосвященных, к их профессиональным обязанностям. За четыре годы работы уполномоченным Совета, надеюсь, ни к кому из священнослужителей не проявил я предвзятого, неуважительного отношения. Когда зависело от меня, по совести и доброжелательно решал я судьбы нерадивых священнослужителей, несмотря на то, что законодательство того времени, опутанное множеством инструкций, было сурово и безжалостно.

Гуманному обращению с духовенством я был во многом обязан отцу Николаю. Он стал для меня не только надежным верным другом, но и мудрым, тактичным наставником, умеющим предостеречь от ошибок, ненавязчиво подсказать правильное решение. Его нет с нами, но и ныне я мысленно меряю свою жизнь по нему, советуюсь с ним, как с живым, прошу его помощи и молитв. Он не оставляет нас, своих друзей и духовных чад, без своего внимания и поддержки и ныне, пребывая в вечности. Таким внимательным, заботливым был отец Николай и во все годы своей земной жизни. Он не был назойлив и навязчив: люди сами тянулись к нему. Наделенный от приро-

ды тактом, необычайной любовью к человеку, свято верящий, что все мы — братья и сестры во Христе, всю свою жизнь он подчинил служению людям.

В годы атеистического лихолетья полумиллионный город Иваново имел только один храм. Его прихожанами были также жители Кохмы, ближайших поселков, сел и деревень. Нелегко в ту пору было настоятельствовать в соборе. Не каждому удавалось ненавязчиво управлять его жизнью, в самом зародыше предотвращать ссоры среди клириков, хористов, персонала. Этим искусством прекрасно владел протоиерей Николай. Настоятель умел сохранять в соборе мир и согласие. Да и в епархиальном управлении он был незаменимым помощником архиерею. Пока позволяло здоровье, он тащил на себе огромный воз черновой работы, при необходимости мчался в Москву, в Патриархию, удачно решал, утрясал самые сложные вопросы. Несомненно, Всевышний благоволил к отцу Николаю.

Уже будучи на покое, справившись с двумя инсультами, он продолжал оставаться действующим священником: служил, совершал требы, выступал с проповедями. И голос отец Николай имел негромкий, и не блистал особым красноречием, но слушали его прихожане затаив дыхание. Потому как говорил он о том, во что сам искренне верил, что хорошо знал, как человек наблюдательный и прозорливый.

Сегодня принимают священнический сан молодые люди всесторонне образованные. За плечами у иных светские вузы, а то и аспирантура, преуспели многие из них и в богословии. В сравнении с ними, казалось бы, меркнет образ отца Николая, имевшего лишь степень кандидата богословия. Но это только на первый взгляд. Его образованность, широта взглядов не бросались в глаза. Только в непосредственном общении с ним было видно, насколько это неординарный человек. Он покорял и очаровывал любого собеседника, находил общий язык с каждым, кто имел счастье общаться с ним. Отец Николай принадлежал Церкви и людям весь, без остатка. Мне не единожды лично пришлось убеждаться в широте его души, умении разделить горе другого человека, подбодрить его, вдохнуть в него силы и надежду. Бережно храню его письма, присланные в особо тягостные для меня дни. Поддержка и искреннее сострадание близкого человека были тогда как нельзя кстати. Слова мудрого друга-священника бальзамом ложились на измученную горем душу, когда уже казалось, что жизнь кончилась, утратила смысл с потерей самых близких людей, ушедших в вечность.

Трепетным, но без всякого намека на заискивание было отношения отца Николая к священноначалию. Он всегда с почтением и уважением относился к своему правящему архиерею. Он очень почитал Святейшего Патриарха

Алексия Второго. В июне 1990 года протоиерей Николай участвовал в работе Поместного Собора. Вечерами мы гуляли с ним по аллеям Троице-Сергиевой Лавры. Он вспоминал годы учебы в семинарии и академии. С тонким юмором рассказывал о преподавателях, о жизни в стенах московских Духовных школ. Однако нас с ним, как и других, собравшихся в эти дни в Лавре, интересовал главный вопрос – кто же станет пятнадцатым Предстоятелем Русской Православной Церкви? Отец Николай, как человек наблюдательный и общительный, не сомневался, что жребий падет на митрополита Алексия. Он был убежден, что только ленинградский Владыка должен возглавить Церковь на переломном этапе, сможет повести ее верным курсом. Наши ожидания оправдались.

Святейший Патриарх Алексий Второй хорошо знал отца Николая – одного из многих клириков Церкви, высоко ценил его. В одном из писем, написанных после неожиданно случившегося с ним инсульта, отец Николай трогательно поведал мне: «Я благодарен Святейшему Патриарху за его благородное сердце, за то, что умеет замечать и ценить людей – это дар немногих. Спаси его, Господи, что поддержал в трудную минуту. И я уверен, что он и помолился за меня». А дальше написал: «Я маленький человек, но когда владыка Амвросий приехал с отчетом, Святейший спросил: "А где отец Николай?" Владыка ответил,

что случился с ним инсульт. "Вы меня опечалили, — сказал на это Святейший". Выйдя из больницы, отец Николай написал Патриарху Алексию Второму письмо с благодарностью за заботу и внимание. Долго лежало неотправленным написанное сердцем послание протоиерея Николая Предстоятелю Церкви: мешали скромность и застенчивость. Зная эту историю с письмом со слов отца Николая, я при первом же удобном случае рассказал Святейшему Патриарху об этом неотправленном послании, о тех добрых чувствах, которые питал к нему скромный священник из Иванова. Помню, как было приятно отцу Николаю слышать от меня слова внимания к нему со стороны Первосвященителя.

Отец Николай, как истый праведник, покинул земной мир в великопостные дни. Люди немолодые вспоминают, что проводы в последний путь маститого священника по числу участников, пришедших поклониться усопшему, чем-то отдаленно напоминали похороны первого секретаря обкома партии Смирнова А.Н., уважаемого ивановцами. Но тогда существовала для таких случаев и разнарядка от каждого предприятия и учреждения. Проститься с отцом Николаем, заштатным священником, по зову сердца пришли тысячи: народная молва о молитвеннике, посвятившем свою жизнь людям, как и хорошая песня, разнеслась быстро.

К отцу Николаю как магнитом притягивало людей. Был он бесконечно добр и щедр: сам

зачастую пребывая в нужде, порой бедствуя, делился последним куском хлеба с теми, кто нуждался в его вспомоществовании. Душевная же его щедрость не знала границ. Обладая большим и добрым сердцем, обширными познаниями, житейской мудростью, он был нужен многим.

Если бы нас окружали такие священники, каким был отец Николай, насколько легче мы воспринимали бы напасти и беды, время от времени обрушивающиеся на нас. Но быть иереем – дар Божий, посещающий далеко не всех, даже обладающих благодатью. Тема кандидатской диссертации (курсового сочинения) отца Николая: «Архиепископ Черниговский и Нежинский Филарет и его проповедничество». «Владыка, – написано в работе, – всегда был близок к своей пастве, можно сказать, жил с ней одной жизнью, радовался и скорбел вместе со своими духовными детьми». Эти слова можно в полной мере отнести к митрофорному протоиерею Николаю Винокурову. Мир его светлой памяти.

2001

БОГОРОДСКИЙ
ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК КУЛЬТУРЫ
РОССИИ, ЖУРНАЛИСТ, В ПРОШЛОМ –
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ
РЕЛИГИЙ ПРИ СМ СССР
ПО ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

«Он удивительно чувствовал слово,
облекая мысль в емкую
и доступную форму»

Передо мной скромная книжка – сборник статей протоиерея Преображенского собора Николая Винокурова с его теплой дарственной надписью. Листаю ее страницы – и наплывают воспоминания.

...Мое знакомство с ним возникло сравнительно недавно, когда волей судьбы я был назначен на не очень-то, мягко говоря, популярную у священнослужителей должность уполномоченного Совета по делам религий по Ивановской области. Шел 1988 год, год Тысячелетия Крещения Руси, открывший новый этап в государственно-церковных отношениях. Создавались новые церковные общины. Церкви стали передавать храмы. Мне посчастливилось (иного слова не подберу) много ездить по области с владыкой Амвросием и секретарем епархиального управления протоиереем Нико-

лаем Винокуровым для оценки возможности восстановления порушенных храмов и подготовки необходимой документации. И вот тогда я мог убедиться в том, как точно, тактично и вместе с тем настойчиво и твердо вел отец Николай сложные переговоры с чиновниками, преодолевая заскорузлость старых представлений об отношениях Церкви и государства. Более 25 новых приходов было зарегистрировано за сравнительно небольшой срок на территории области. Процесс, как говорится, пошел – и не последнюю роль в этом сыграл секретарь епархии протоиерей Николай Винокуров.

Новая страница наших отношений с отцом Николаем началась в 1991 году, когда я вернулся к журналистской работе в редакции газеты «Рабочий край». Я стал вести в газете рубрики, которые, на мой взгляд, должны были дать читателям, практически неизвестным с темами Православия, хотя бы элементарные сведения о том, что полностью было закрыто в светской печати. Это сейчас, когда появилось много православной литературы, каждый по вере своей может найти то, что греет его душу. А тогда, в начале 90-х, в православном массовом просвещении зияла огромная ниша.

Отец Николай стал не только первым консультантом и советчиком, но и самым активным автором. Мы тогда вместе с ним определили несколько циклов публикаций, знакомящих читателей с краугольными религиозными понятиями. Прежде всего решили напечатать цикл материалов о главных православных

праздниках: и с завидным постоянством на страницах «Рабочего края» появлялись беседы протоиерея Николая Винокурова о Рождестве Христовом и Пасхе, Крещении и Благовещении, Преображении и Троице.

Тогда нужно было найти форму обращения к читателям общеполитической газеты, вписаться в общую ее тональность, сочетая при этом богословскую точность и доверительность разговора. Я помню, с каким интересом и волнением осваивал отец Николай эту новую для себя ипостась, с каким трепетным чувством сидел над рукописями. Помню длинные, клееные-переклеенные свитки, исписанные его плотным, крупным почерком. Помню, как внимательно работал он над замечаниями, выверяя каждую мысль, каждое слово.

С большой любовью написаны отцом Николаем беседы об иконах Божией Матери, о Кресте Господнем, о святой вере, о Великом посте. Это не были дежурные публикации «на тему». Он удивительно чувствовал слово, облакая мысль в емкую и доступную форму, свободно оперируя ссылками на Священное Писание, святоотеческими текстами, литературными образами. Безусловно, он уверенно владел пером, ему не были чужды лирические пассажи. Вот цитата из статьи «Победная песнь» — о мыслях и чувствах христианина в пасхальную ночь в православном храме:

«...Годы идут. Одни из них промчались быстро и беззаботно, как весенние ручейки по

склону горы; другие протекли медленно и спокойно, как полноводная равнинная река. С течением события и вещи подвергаются переоценке. Многое из того, что некогда считалось большим и важным, утратило впоследствии всякое значение. Зато красота, звучность, благоухание воспринимаются с годами еще с большей яркостью и полнотой. И когда приходишь в наш православный храм к Светлой заутрене, когда слышишь вновь торжественное и жизнеутверждающее возгласие «Христос воскрес!», когда вокруг горят тысячи свечей и тысячи уст сливаются воедино в могучем ответном порыве «Воистину воскрес!» – душа замирает от восхищения и понимания красоты Православия и ощущения веры, как дара Божия».

Особенно, на мой взгляд, ему удавались беседы на темы, соответствующие его человеческому мироощущению. Вот названия некоторых из них: «Бог есть любовь», Любовь – душа материнства», «Молитва веры».

«Что значит жить по вере?» – задавал он вопрос, который часто приходится слышать священнослужителям, и отвечал: – Спасение людей в том, что они могут привиться к стволу вечного Древа жизни чрез самый ничтожный поступок добра... Человечество страдает и гибнет не от недостатка большого добра, а от нехватки малого, ибо большое добро – лишь крыша, возведенная на стенах из кирпича малого добра... Дивный путь малых дел – тебе пою гимн! Господь, милостью Своею, приготовил, разлил всюду, как воду и воздух, малую любовь.

Эта малая, но непрестанная любовь есть неугасимая лампада Бога в храме вашей души».

Я так обильно цитирую отца Николая, потому что через его беседы, через общение с ним, мне в полной мере открылась его духовная сущность. К сожалению, мне меньше довелось видеть его в непосредственных пастырских хлопотах. Но совместная работа с ним над газетными текстами все же, надеюсь, позволяет мне оценить его как Личность — незаурядную, значительную и в большом, и в малом. Он действительно умел окружать себя малыми делами, которые, по большому счету, вырастали до обобщения.

Его очень любили у нас в редакции, стекались к нему, когда он появлялся в редакционных кабинетах со своим знаменитым «винокуровским» портфелем, из которого, как из волшебной сумки, вытаскивал и дарил редакционным дамам то иконку, то открытку, то книжку. Он для каждого находил нужное слово, если нужно — слово утешения. Когда я готовил эти воспоминания, то обратился к коллегам с вопросом: какая черта отца Николая была для них наиболее отчетливо и ярко выражена? И все, не сговариваясь, ответили: «Доброта».

Его любимым святым был святитель Николай Чудотворец, любвеобильный старец, который благодетельствовал всем, кому только мог, не выбирая и не рассуждая, — просто потому что такова была его духовная природа. Таков был и сам отец Николай, отдавший жизнь на

служение Богу и людям. Недаром в статье о святителе он находит слова, близкие ему и отражающие его человеческую сущность:

«Он учит, что много доброго можно сделать нуждающимся материально, и еще больше милосердия можно оказать нуждающимся духовно: утешить добрым словом печальника, посетить больного, вселить в него надежду, что он не забыт и что для Бога дорога каждая душа, обратить заблудшего на путь покаяния, простить обиды брату своему, помолиться за ближних и умерших».

В моей памяти отец Николай останется примером настоящего духовника, обладающего редким даром сопереживания и проникновения в душу обратившегося к нему человека.

В годы его тяжелого недуга встречи наши были редки, мы общались в основном по телефону. Последний раз его звонок раздался за несколько дней до его кончины: он обращался с просьбой опубликовать в «Рабочем крае» статью, казавшуюся ему важной и злободневной. Я рад, что просьба, оказавшаяся, увы, последней, была выполнена.

И в заключение хочется процитировать строки церковного песнопения, которые привел в одной из своих статей отец Николай: «Положил душу твою о людях твоих и спас неповинные от смерти, сего ради освятился еси, яко великий таинник Божия благодати». Эти слова – и о нем. Лампада Бога всегда горела в его душе.

2001

КАШАЕВ ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ
ДИРЕКТОР ИВАНОВСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ, КАНДИДАТ
ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ЗАСЛУЖЕННЫЙ
РАБОТНИК КУЛЬТУРЫ РФ

«Это был человек,
который духовно окормлял ивановцев,
в подлинном смысле этого слова»

Личность протоиерея Николая Винокурова в истории нашего края – это не только история Ивановской епархии. Это был человек, который духовно окормлял ивановцев, в подлинном смысле этого слова. Он делал это ненавязчиво, тактично, умело. Каждый, кто называл себя духовным чадом отца Николая, был по своему прав: он умел так поговорить, так ответить на поставленный вопрос, так направить разбросанные мысли, что человек мог уже прямо идти именно тем путем, на котором для него было возможно стать именно таким, каким он должен быть.

Обычно говорят, что хорош тот человек, который делает добро. Но в наших земных реалиях грань добра и зла бывает очень стерта и плохо различима. Поэтому важно, чтобы человек не сделал кому-то зло. Иногда человек хочет кому-то из добрых побуждений что-то

подсказать, но делает это неумело, в результате чего тот, кому он хотел помочь, не только не исправляется, но и озлобляется против советчика. А отец Николай так умел направить разговор, что его собеседник не только не обижался, но и задумывался над правильностью того, что делает.

У нас в Ивановском пединституте был замечательный преподаватель истории Древнего мира – доцент Мария Ивановна Гусева. Мы, студенты-историки, разбирая теории зарождения различных религиозных культур, посещали, в том числе, и православные храмы. И вот в такой встрече принимал участие отец Николай Винокуров. Его тонкость была в том, что он не проводил антиатеистическую беседу, не проводил урока богословия. Он отвечал на поставленные вопросы очень тактично, говорил, что вы задали вопрос, исходя из атеистического источника, но он ведет вот к этим проблемам, о которых Библия говорит так-то. И через это протоиерей Николай даже в то атеистическое время не вызывал отторжения, пробуждал интерес к тому, о чем он говорил.

Мы с ним начали сотрудничество еще задолго до Тысячелетия Крещения Руси, после которого такое взаимодействие стало чем-то обычным. Первый раз я обратился к нему по поводу посещения Преображенского кафедрального собора гостем из США, и отец Николай лично провел для него экскурсию.

Нужно сказать, что и протоиерей Николай Винокуров, и владыка Амвросий не остались в стороне от того всенародного движения за трезвость, которое в то время прошло в нашем регионе. Это мы сегодня привыкли, что участие Церкви в деятельности по борьбе с наркотической угрозой, другими негативными явлениями, по сохранению семьи, направленной на решение практически всех социально значимых проблем, является чем-то естественным. А тогда, в 1985-1987 гг. это только начиналось.

Протоиерей Николай Винокуров сам не участвовал уже по состоянию здоровья в тематических передачах «Таинства», цикл которых вышел на ивановском телевидении. Но фильм, который был подготовлен об отце Николае Натальей Сергеевной Морозовой – это фильм выношенный, рожденный и осознанный. Это и дань памяти всего коллектива Ивановской телерадиокомпании великому праведнику Ивановской земли – протоиерею Николаю Винокурову.

2017

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР ИВАНОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

«Все беседы с отцом Николаем
были уроками кротости
и терпения»

С отцом Николаем Винокуровым мне посчастливилось быть знакомым последние двенадцать лет его земной жизни. Хотя я не был его духовным чадом и никогда у него не исповедовался, встречи с ним были для меня, как и для многих, драгоценными и волнующими. Мы виделись с батюшкой в Преображенском соборе, иногда – у него дома, а подчас и в больнице. Хотелось бы кратко рассказать о нескольких из них, самых поучительных для меня.

Впервые мне довелось увидеть отца Николая 11 февраля 1989 года. Этот день крепко врезался в память: уж очень необычным оказалось произошедшее. Тогда впервые в нашем городе, в доме-музее художника Пророкова, состоялась встреча, как тогда говорили, «молодых ученых и специалистов», со священниками. Одним из них был протоиерей Николай, тогда еще настоятель Преображенского кафедрального собора и секретарь епархиального

управления, другим — ныне хорошо известный в нашем городе архимандрит Амвросий (Юрасов), в то время только появившийся в Иванове. Нужно отметить, что многие собравшиеся были людьми или неверующими, или, во всяком случае, далекими от Православной Церкви, в том числе и я. Атмосфера встречи была напряженной.

Отец Николай выступал первым. Было видно, что обращаться к такой аудитории ему нелегко. Он и сам сказал, что волнуется. Отец Николай рассказал всем нам о Священном Писании, об истории Русской Православной Церкви. О том, что вера и наука вполне совместимы. О том, что людям необходима духовность, ибо человек не может жить, как говорил тогда батюшка, «без духовной подпитки», иначе он духовно мертв. Поэтому, подчеркнул он, необходимо обратиться к Богу. Только этот путь дает человеку спасение и бессмертие.

Собравшиеся задавали отцу Николаю и выступавшему позднее отцу Амвросию много вопросов. Были и открытые возражения. Я как раз и был в числе возражавших. Говорил тогда, приходится это признать, довольно дерзко и напористо. Обращаясь к отцу Николаю, спрашивал его, например, почему же это я, атеист, хотя уже кандидат исторических наук, много читал (как я тогда считал) о религиях, а верующим не являюсь? Отец Николай беседовал со мной и другими «молодыми специалистами» очень осторожно и тактично. Он

привел мне в ответ яркий образный пример. «Не у всех есть такой дар, как музыкальный слух, – отвечал он, – но при желании каждый может прийти к Богу, услышать Его».

Много было сказано в тот вечер всякого, а с моей стороны – немало вздорного и бессмысленного, что было следствием моих тогдашних опасных заблуждений. Много позднее отец Николай с искренним сожалением вспоминал о тех моих «ужасных словах». Тем не менее, по моей гордости и самоуверенности, доводы священников на той встрече нисколько меня не убедили. Лишь позднее, постепенно, через несколько лет в моем сознании произошел значительный поворот. Мне открылось то, что ранее было неведомым. Случилось это именно под воздействием состоявшейся встречи, в том числе и по молитвам отца Николая, очевидно, усердно молившегося об увиденных им тогда заблудших «молодых ученых и специалистах».

Другая наша памятная для меня встреча с отцом Николаем случилась пять лет спустя после первой. Это было уже совсем другое время. Многие ивановцы, в том числе и часть собеседников священников в доме-музее Пророкова, в том числе и я, обратились к вере и вошли в Православную Церковь. В 1994 году мы разговаривали с отцом Николаем уже совсем в другой обстановке – как участники Собраний любителей православной книги в библиотеке в Пустошь Боре.

На одном из заседаний речь шла о евангельских притчах. Сначала говорили собравшиеся,

потом отец Николай, которому притчи Господа своей образностью и духовной глубиной были очень близки. Если мы, перечисляя свои любимые притчи, вспоминали такие из них, как о мытаре и фарисее, о десяти девах, о блудном сыне, то отец Николай главное внимание уделил притче о сеятеле, сущность которой ему, как пастырю, видимо, была очень близка. «В этой притче, – говорил тогда батюшка, – наглядно показано значение слова Божия. А также и то, как много зависит от нашей готовности принять дар Божий. Вот почему в притче упоминается о «почве» – то слишком твердой, то заросшей сорняком... Господь говорил притчами для того, чтобы через образы повседневной жизни сам человек осознал, как следует ему поступать, чтобы он возрастал духовно»... «Конечная цель наших трудов, – продолжал батюшка, – спасение души. Все остальное – средства. Как нам войти в Царство Божие? Главное – принести покаяние Богу, очистить себя. А Царство Божие есть мир и радость не от мира сего». Так говорил нам тогда отец Николай о евангельских притчах, о спасении души и о многом другом.

Вспоминается также встреча в Преображенском кафедральном соборе во второй половине девяностых годов. Мы тогда с отцом Николаем говорили о разных вопросах. Но особенно острой была тема о сочинениях известного архипастыря митрополита Антония Сурожского. Я тогда высказал отцу Николаю свои не-

доумения и возражения по поводу некоторых суждений владыки Антония. Особенно меня возмутили переданные одной из духовных чад митрополита его слова о том, что при определенных обстоятельствах православным можно согласиться и на утрату Российской государственности. Батюшка Николай не стал вступать со мной в спор. С мягкой улыбкой он поспешил засвидетельствовать то доброе, что он мог сказать о митрополите Антонии. В частности, он описал мне, как драгоценны были в шестидесятые годы выступления владыки Антония для учащихся московских Духовных школ (в том числе и для самого Николая Винокурова), как много было явлено в этих беседах митрополита с академиками и семинаристами духовной щедрости и архипастырского опыта.

Еще одна из наиболее запомнившихся мне встреч с батюшкой, совсем краткая, была незадолго до его кончины. Как-то я торопился утром в Курьяново, в храм преподобного Сергия Радонежского, и проходил близ дома отца Николая, где он отдыхал на скамеечке. Увидев батюшку, я подошел под благословение. Он встал, радостно мне улыбнулся, и не спеша тщательно меня благословил. Мы сказали друг другу лишь несколько слов. У меня с собой была небольшая, только что вышедшая книжка «Молитвы о России», и я подарил ее батюшке. Он внимательно рассмотрел обложку, на которой был изображен храм с ярко сияющим золотым куполом. Тут его лицо

озарила теплая, поистине детская улыбка. Он поднес книжку с изображенным на ней храмом к губам и любовно ее поцеловал. Трудно передать то трогательное чувство, которое вызвало батюшкина любовь и благоговение ко Господу и к нашей России.

Самое главное впечатление, которое производил на меня отец Николай с самой первой, очень трудной встречи, причем впечатление сильное и неповторимое – это его кротость. В сущности, все беседы с отцом Николаем были уроками кротости и терпения. С большим терпением и кротостью он мягко и вместе с тем настойчиво убеждал заблудших. С кротостью и терпением он призывал всех отчаявшихся возложить упование на милость Божию. С кротостью и терпением он переносил все тяготы и испытания. Но в этой батюшкиной кротости было так много веры во всемогущество Божие, надежды на обращение к Спасителю самых закоренелых и безнадежных из нас грешных! И самое главное – в его кротости было так много любви, обогревавшей столь многих! А любовь, как свидетельствует апостол Павел, никогда не перестает. Любовь отца Николая доходит до нас и после его кончины.

2001, 2017

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР; ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ
КУЛЬТУРОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЫ
ШУЙСКОГО ФИЛИАЛА ИВГУ

«...С их попечением осуществилось
мое собрание в дорогу»

Есть вещи, которые невозможно постичь на «широких путях», пролегающих за пределами человеческого самопознания и принадлежащих «внешней тьме», ибо, как отмечал немецкий мистик Новалис, только в интериорных глубинах нашей самости открываются все бездны и сферы, зыби и дали... На излёте античности ещё Плотин в книге «Космогония» писал, что и сама вселенная расширяется лишь до тех пределов, в каких существует душа. Здесь нет никакого пресловутого «субъективизма» — время движется не только из прошлого в будущее, но и из будущего в прошлое: эти потоки бурно сливаются в настоящем и бьются о берега вечности. Поэтому встреча с Господом не относится к числу вещей переходящих.

15 марта 1985 года, утро, Преображенский храм — никаких ещё свидетельств о духовном рождении не выдавали 33 года назад... Прилетев в отпуск с Тихого океана после

прохождения двух других океанов (Атлантического и Индийского), но и стольких же долгих лет, молнией ворвавшись в деревню Калиновка к моему драгоценному деду (скоротали с ним ночь – он потом писал мне за сини горы: «Ты уехал так скоро, что как будто приснился мне...»), перед обратной дорогой я – «облекохся во Христа», родился в духовном мире, приняв Таинство Святого Крещения, совершённое над мною отцом Николаем Винокуровым.

Была одна удивительная знакомая, баба Люба Закуражнова, которая отвела меня к нему – с их попечением осуществились мои сборы в дорогу. Она, кстати, говаривала немислимые по тем (позднесоветским и крайне антидуховным) временам символические вещи: что Ленин-де – антихрист и что его царству близится скорый конец. Именно так для меня начиналась русская религиозная философия – не с Хомякова и Бердяева, не с «вечных спутников», не с «Великого Инквизитора» и «Парижской школы»... «Россия наша держится на бабушках, – прочёл я тогда у Евгения Евтушенко, – Россия наша в бабушках как в башенках невыветренной совести своей».

До окончательного возвращения домой оставался последний год службы в Японском море – в заливе Петра Великого... Впереди надвигались чреватые апокалиптическими смыслами глобальные катаклизмы: и Чернобыльская катастрофа, и вырубание древних виноградников, и разрушение огромной стра-

ны, которая тогда уже, со знаменитого и головокружительного мартовского горбачёвского пленума (относительно которого простые мужики в пивной тогда метко шутили: «Граждане, обождите радоваться – Брежнева, Андропова, Черненко ещё вспомните!»), неотвратимо вступала на путь, поименованный «ускорением» и «перестройкой» – ранними предвестниками нынешних демонических «инноваций» и стремительных «реноваций»...

Но история – круговорот масштабов и, как сказал поэт Юрий Левитанский, «расширяющаяся вселенная нашей памяти – гулкой вечностью дышит небо её вечернее»: для иного, метафизически углублённого, осмысления этот путь явно маячил в грохоте социальных революций начала XX века и небесном знаменнии Тунгусского метеорита; а для иного, ещё более глубокого понимания, уже сверкал в тотальной антивизантийской реформации Петра, отправляющей православную Россию на Запад – в моря и заливы грядущего бурного и вполне фантазийного «фаустовского» времени...

«Мир, – указывал святой праведный Иоанн Кронштадтский, – пребывает в состоянии пагубной дремоты и греховного сна, он спит – Бог будит его разрушительными войнами, сокрушительными пожарами, опустошительными наводнениями, неурожаями». Духовное рождение – сродни этому пробуждению; и это не есть возвращение вспять, к жизни при царе

Горохе (если безнадежно мерять экзистенциальное время именами власти), на берега тихой лесной речки с песчаными берегами...

После Крещения я направился из Преображенского храма в весенний лес: он был ещё в талом снегу, но уже не был холодным; он словно готовился к новой, ещё совершенно неизвестной жизни; и мне кажется, что я очень хорошо помню этот лес и этот снег, как помню какой-то отступающий полумрак и нежный свет, сияющий над купелью и главою отца Николая, не сказавшего мне почти ничего...

«Он умеет хранить тайну», – говорила мне баба Люба, беспокоившаяся о том, чтобы не сообщили чего-нибудь на флот... «Он умел хранить тайну», – писал о нём после внезапной кончины в 2001 году игумен Августин Анисимов – будущий владыка Городецкий и Ветлужский.

Я думаю, что самое существенное всё-таки – сообщили, но иным – безопасным, способом; и оберегаемый заступничеством своего Ангела хранителя и святителя Николая, я исправно прошёл все те моря вещественные и вступил в новые моря духовные и житейские, в те океаны мысленных бурь, что ждали меня у самого порога возвращения домой – в безвозвратно изменившийся мир.

2017

ЯЗЕВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ДОЦЕНТ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИООО
"ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
«КОЛЫБЕЛЬ»"

«Хотелось бы особо вспомнить
один день, который я провела
рядом со святым человеком»

При воспоминании об ушедшем от нас уже 17 лет назад протоиерее Николае, душу окутывает волна тепла и радости о Господе. Начинаешь благодарить Бога за дарованную тебе встречу. Хочется собрать воедино все золотые песчинки минут, слов, которые уже давно сложены в сердце, и поделиться этой радостью.

К сожалению, я не была духовным чадом отца Николая. Я тогда, 20 лет назад, только вступала на путь церковной жизни и покаяния. Среди кратких минут общения хотелось бы особо вспомнить один день, который я провела рядом со святым человеком.

Этот день начался очень необычно... Немного о той жизненной ситуации, в которой я тогда оказалась. Моя свекровь в 80 лет сломала шейку бедра. Врачи сказали, что при ее тяжелой форме остеохондроза она уже не встанет. Для нас с мужем это было серьезным испытанием. И было много вопросов. Свекровь наотрез

отказалась переселяться к нам в трехкомнатную квартиру, хотя мы выделили ей отдельную комнату. Что делать ? Как организовать должный уход? А работа? А дети? Переселяться в ее хрущобу всей семьей? Вопросы, вопросы... И я не могла найти ответа, боялась сделать что-то не так. Накануне вечером я позвонила близкому священнику, чтобы посоветоваться. Мне ответили, что отец Н подойти к телефону не может, что он перезвонит завтра утром. Наступило утро, подошел назначенный час. А звонка нет. Подождала еще. Потом не выдержала и позвонила снова. В ответ – длинные гудки, никто не берет трубку. Внутреннее напряжение все возрастало и наступил момент, близкий к панике. Я села на диван и в отчаянии очень дерзко и неразумно сказала: «Господи, я с места не сойду, пока батюшка мне не позвонит...». И начала молиться так же дерзко и безумно. Буквально через несколько минут раздается звонок. Я вскакиваю и подбегаю к телефону. В трубке звучит мягкий вежливый голос: «Здравствуйте. Я могу поговорить с Еленой Викторовной?» Но это не батюшкин голос! Я в недоумении. На том конце провода: «Это священник Николай Винокуров. Я к Вам с просьбой...» И далее последовала мелкая, ничего не значащая просьба – сказать, передать... Я почти не слушала. В голове – ну ты же просила, чтобы тебе позвонил батюшка, ну вот же... Ты услышана. И поверив, что я услышана, я сама обращаюсь с просьбой –

приехать, побеседовать со свекровью, посо-
боровать ее, причастить, причем непременно
сегодня и никак по-другому. Я никогда не от-
личалась выдержкой и терпением. А тут и во-
все мало отдавала отчет самой себе. Отец Ни-
колай спокойно и смиренно отреагировал на
мой напор и сказал, что сейчас он едет к од-
ной тяжелоболящей женщине на соборование,
а потом готов поехать к моей свекрови. Мне
тогда и в голову не пришло, что для священ-
ника в годах с уже перенесенным инсультом
это очень тяжелая нагрузка, так я была погло-
щена решением собственных проблем. Еще он
сказал, что я могла бы приехать на соборова-
ние, чтобы потом вместе отправиться дальше.
Больную женщину я знала и приехала к ней,
когда отец Николай еще не пришел. Передо
мной лежал пока еще живой труп. От совсем
нестарой, деятельной и энергичной Д.В. ниче-
го, казалось, не осталось. Дочь ее сказала, что
мама две недели ничего не ест и неделю, как
не встает. И молчит, ни слова не говорит. Я с
нескрываемым ужасом смотрела на болящую.
Мимо меня и мимо всех смотрели тусклые
безжизненные глаза человека, который, каза-
лось, уже отрешился от всех земных связей и
забот. Пришел священник. Он никак не выка-
зал своего впечатления от удручающего вида
Д.В., а наоборот, очень бодро и жизнеутверж-
дающе начал молиться. Мы же с ее дочерью
уныло и безнадежно тянули – «Господи, поми-
луй...». Но через три Евангелия что-то начало

меняться. На скорбной, казалось, предсмертной маске Д.В., которая лежала с закрытыми глазами появилась будто бы тень жизни, лицо становилось не таким серым, появилась мимика. Потом женщина открыла глаза и начала участвовать в Таинстве, она стала откликаться на слова молитвы, а потом даже улыбнулась легкой, едва уловимой несмелой улыбкой, когда батюшка помазывал елеем. Я наблюдала за происходящими изменениями с благоговением и внутренним трепетом. А ведь у меня была мысль о том, что она не сможет даже разжать рот, чтобы принять Причастие. Наконец, наступил момент Причастия. Д.В. уже смотрела широко открытыми живыми глазами. Она причастилась. Жизнь возвратилась к ней. И тут батюшка начинает делать что-то совсем невообразимое. Он говорит дочери принести кусок ржаного хлеба с солью и соборным маслом, просит дочь подоткнуть подушки и собственноручно сажает в подушки «умирающую». Она садится, а он из своих рук кормит ее хлебом с солью. Дочка пыталась даже воспрепятствовать, испугавшись и напомнив священнику о том, что мама давно отказывается от пищи. Но увидев, с каким аппетитом мама ест хлеб, успокоилась. Еще через несколько минут перед нами сидела слабая, бледная, но живая женщина, совсем не похожая на умирающую, которая еще и заговорила пусть медленно и хриплым голосом, но она говорила! Отец Николай был радостен и

всячески ее утешал и ободрял. Дочка и я были потрясены воскрешением, произошедшим у нас на глазах. А он вел себя так, как будто ничего экстраординарного не произошло, а по-другому и быть не могло. Наконец, мы собрались уходить. Она даже попыталась подняться и пошла бы точно нас провожать, как петрова теща, но батюшка ее остановил.

Мы сели в машину. Сердце мое размягчилось от увиденного, и я со слезами обрушила на отца Николая все свои смятенные чувства, недоуменные вопросы, страхи, сомнения. Я с полным доверием относилась к батюшке, неоднократно убеждалась в его духовной любви. Вспоминается небольшой эпизод, но такой значимый для меня. Я стояла как-то в соборе на всенощном бдении, погруженная, увы, не в молитву, а в свои мысли и проблемы, которых всегда хватало с преизбытком. После службы отец Николай всех благословлял крестом, подошла и я одной из последних. Не глядя на священника, я машинально приложилась ко кресту, и тут почувствовала, что кто-то меня схватил за руку. Я подняла глаза. Отец Николай смотрел на меня теплым отеческим взглядом: «Что, Леночка, в уныние впала?..». Это был даже не вопрос. Он увидел мое печальное и безблагодатное состояние своими духовными очами. От никак не ожидаемого внимания к моей персоне, от мягкого лучистого взгляда и еще от чего-то такого, что не передать словами, я разве что не заревела, так

откликнулось на духовную любовь мое земное сердечко. А батюшка, не отпуская руки, продолжал: «А ты ходи по дому и говори: «Христос воскрес! Ходи и говори много раз». В моих глазах уже стояли слезы. Батюшка увещевал дальше: «А если не поможет, тогда не просто говори, а кричи во весь голос: «Христос воскрес! Христос воскрес! Уныние так и отойдет». Из храма я уже вышла безмятежно и широко улыбаясь. Жизнь уже не казалась мне такой беспросветной, а сердце вновь ожило от удивительной чуткости священника, который меня едва знал.

Вот и сейчас батюшка терпеливо и внимательно меня выслушал, а когда я закончила, он сочувственно произнес: «Да... Ну, вот такой тебе дан сегодня крестик...». Казалось, ну что особенного в этой фразе? Но я услышала уже часть ответов, а может и главный ответ, который я должна была услышать. «Крестик». В моей душе и голове это слово начало прорастать... Нет, не КРЕСТ, невыносимый, тягостный и трагичный, а всего лишь крестик, который сегодня надо понести. Впереди еще будут и другие кресты. Но сегодня понеси этот. Да и что ты так расклеилась? Вон, твоя свекровь мужественно и не теряя самообладания все переносит, лежит и принимает меры, усилия, чтобы выздороветь. У тебя руки-ноги на месте, а ты паникуешь. Прими все как есть и делай, что от тебя зависит. Так одно батюшкино слово меня вмиг отрезвило, привело в чувства и

успокоило. На вопрос о том, что же нам делать, если свекровь не хочет к нам переселяться, ответ был ясный и мудрый: «Старое дерево не пересаживают... Приспосабливайтесь к ней». Опять все легло в сердце бесценным багажом.

Наконец, мы доехали. По мере приближения к дому, я опять начала волноваться. Как встретит свекровь священника? А вдруг он ей не понравится? Ведь был же уже печальный опыт, когда я привела в дом священника, и что из этого получилось. Вернее, ничего не получилось. Батюшка, которого я пригласила поисповедовать свекровь, совершил две «роковые ошибки». Сначала он, желая приободрить свекровь, в ответ на ее жалобы о здоровье сказал: «Да полно... Вы здоровый человек». Это было воспринято как неуважение к ее букету заболеваний, и сразу образовалась полоса отчуждения между ним и ней. А вторую «ошибку» он совершил, когда, желая перевести разговор на духовные рельсы, сказал ей, оглядывая все вокруг, — мебель, ковры, хрусталь и прочую атрибутику советского благополучия: «Так ведь это все когда-то кому-то оставите». Это было воспринято как пожелание скорой смерти, и на этом разговоры все закончились. Характер у свекрови был не из простых — сильный и властный, и я думала с тревогой о предстоящей встрече.

Свекровь встретила отца Николая настороженно и холодно. Это было видно по ее поджатым губам и односложным ответам на его

вопросы. Мое сердце упало. Опять ничего не получится... Отец Николай как будто бы ничего и не замечал. Меня он отправил на кухню, и я начала готовить обед, ведь батюшка же ничего не ел. Проходит пять минут, десять... Я начинаю успокаиваться, значит, беседа продолжается. И вдруг минут через пятнадцать из комнаты начинают раздаваться просто стечения и вопли. Двери в хрущовках никак не способны к звукоизоляции, и я слышу, как в слезах, забыв обо всем, кричит моя свекровь и взывает ко Господу о помиловании и прощении грехов. Я, не понимая что делаю, потрясенная происходящим, вошла в комнату. Свекровь, увидев меня, обливаясь слезами, кричала: «Лена-а -а, прости меня... Я виновата перед тобой». Надо ли говорить, что ничего подобного за двадцать лет жизни со свекровью я не слышала. Потом она вдруг вспомнила свою подругу юности Галю, которой давно не было в живых и начала просить у нее прощения за то, что обидела ее, когда им было по 18 лет... Она просила прощения у сына, каялась искренне, по-настоящему.

Я тихонько опять выскользнула на кухню. У меня катились слезы, дрожали руки. Вот так на моих глазах произошло великое чудо. Каких еще чудес можно ожидать? Самое великое чудо – это чудо преображения человеческой души. Отец Николай был строг и молитвенен. Он был свидетелем покаяния. Только ему и Богу было открыто, как мож-

но окаменевшее и десятилетиями пребывающее в нечувствии сердце человека привести в такое движение, всколыхнуть десятилетиями затянутую ряской самоуспокоенности гнилое затхлое болото наших душ. Сколько таких благодатных преобразений произошло на его глазах! Моя свекровь исповедалась, соборовалась, причастилась и лежала тихая и смиренная, совсем незнакомая мне женщина – такая светлая и хорошая.

Я же служила Марфой – собрала на стол, стала кормить гостя. От радости и желания угодить батюшке я положила ему в тарелку, наверное, сверх меры. Отец Николай только вздохнул: «Что же так много...» Последние несколько ложек он ел уже через силу. Но доел все, что положила. И преподал мне еще и урок смирения.

Батюшке уже надо было поторапливаться на вечернее богослужение. Он наотрез отказался ехать на такси. Я его пошла провожать до остановки городского транспорта. Он тяжело шел, неся в руках свой неизменный старый портфель и еще пакет с льняной скатертью, который я вручила ему по настоянию свекрови, а он со смирением взял. По своему безграничному эгоизму я не думала, как же он будет служить после такого напряженного дня. Но он ни слова не говорил о своей усталости, а весь путь еще утешал и наставлял меня. Понимала ли в полной мере я тогда, идя рядом со священником, цену всему тому,

чему я стала свидетелем, и к чему дано было прикоснуться. Думаю, нет. Осознание и настоящая благодарность пришли позже. За этот бесконечный вечный день бесконечной и вечной Христовой любви, явленной через земного ангела и небесного человека, священника Русской Православной Церкви, протоиерея Николая Винокурова. Вечная ему память.

* * *

Маленькое послесловие. Д.В. прожила еще лет пятнадцать и умерла совсем недавно. Свекровь после того дня пролежала девять месяцев и умерла в первый день Пасхи, накануне пособоровавшись и причастившись, и успев услышать первые возгласы «Христос воскрес!» А я бережно храню в памяти все встречи с батюшкой и подаренную им как-то открыточку с головкой младенца с трогательной и наивной надписью «Всякая душа праздничку рада», которая лежит у меня в Евангелии и натываясь на которую я всякий раз по-детски радуюсь и поминаю дорогого батюшку.

2017

БЕЛОВА ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК,
ДОЦЕНТ ИВАНОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

«Это был батюшка,
излучавший любовь,
образец православного священника»

Отец Николай сыграл огромную роль в моей жизни. Познакомились мы с ним в музее Бориса Пророкова в начале 1989 года. Протоиерей Николай Винокуров и архимандрит Амвросий (Юрасов) встречались там с молодёжью города Иваново. Это было время «открытия» советским обществом религии и Церкви, начавшееся благодаря празднованию в 1988 г. не только на церковном, но и на государственном уровне Тысячелетия Крещения Руси (или, официально, «Тысячелетия введения христианства на Руси»). Несмотря на то, что обозначилось восстановление социальной роли религиозных институтов и ценностей, законодательство продолжало ограничивать «религиозную пропаганду» и приравнивало её к антисоветской деятельности. Новый закон о свободе совести пока не был принят. В Уставах компартии и комсомола ещё сохранялись положения о необходимости атеистической позиции для членов этих организаций. Поэтому молодые

ивановцы, пришедшие на встречу, были воспитаны атеистически, но интерес к религии и, прежде всего, к Православию у них явно был.

Пришедшие расселись в разных комнатах музея. Те, кто расположился не в той комнате, где были батюшки, видеть их не имели возможности – только слушали. В их числе была и я. Встреча проходила в форме свободного диалога. Пришедшие могли открыто высказывать свои мнения. Православные священники говорили о церковной жизни, молодые атеисты отстаивали собственные взгляды.

Тогда я только начинала преподавательскую деятельность в ИвГУ после защиты кандидатской диссертации по философии религии в Ленинградском университете. Так случилось, что я оказалась первым преподавателем, который стал со студентами обращаться к текстам Библии, не по учебникам, а по Священному Писанию узнавать о религиозных заповедях. Благо Библия была у нас дома: мой отец купил уникальное издание с гравюрами Доре в конце 1960-х годов у какой-то деревенской бабушки в Лухском районе Ивановской области.

Когда я взяла на встрече слово и стала говорить об атеизме как о светском гуманизме, отец Николай встал со своего места и выглянул из-за двери, чтобы посмотреть на меня, а затем попросил подойти к нему. Как он мне потом объяснил, я очень искренне говорила и это его заинтересовало. После окончания мероприятия я подошла к отцу Николаю, и он предложил продолжить наше знакомство.

Общение с отцом Николаем мне очень много дало и в личностном, и в профессиональном плане. В первую очередь, он помогал мне глубже постигать Библию. Отец Николай преподнёс мне бесценные дары – юбилейное издание Библии, посвящённое тысячелетию Крещения Руси, и трёхтомную Толковую Библию. Не было ни одной встречи, чтобы он мне что-либо не дарил. Прежде всего, это были православные книги и брошюры. Ими я продолжаю пользоваться сегодня и даю читать их интересующимся студентам.

Благодаря отцу Николаю я получила возможность во внеучебное время приводить студентов и преподавателей ИвГУ в Преображенский собор. Многие из них тогда впервые перешагнули порог православного храма, а в дальнейшем стали прихожанами. Несмотря на свою колоссальную загруженность как настоятеля кафедрального собора и секретаря епархии, отец Николай всегда откликался на мои просьбы о том, чтобы ознакомить студентов с устройством храма, поговорить с ними в стенах храма о Православии.

Именно отец Николай познакомил меня с архиепископом Амвросием. Несколько раз он приглашал меня в епархиальное управление. Именно там однажды в пасхальные дни отец Николай представил меня Владыке.

С отцом Николаем мы неоднократно проводили совместные беседы в различных организациях. Что касается церковно-богословских

вопросов, их освещал батюшка, а что относилось к философской и исторической тематике, отец Николай говорил, что об этом пусть расскажет Татьяна Павловна. В таком же порядке мы выступали и на ивановском радио.

Отца Николая отличала величайшая скромность, в том числе и в интеллектуальном плане, хотя он и был кандидатом богословия. Его рабочее место и дом, в котором он жил, были предельно скромны.

Он с большим уважением относился ко всем людям, независимо от их отношения к религии. В аудиториях, где преобладали нерелигиозные люди, он предлагал называть себя кому как удобнее: «отец Николай» либо «Николай Макарович». В людях, прежде всего, он ценил доброту и искренность.

Я неоднократно чувствовала, как он переживает за меня. Так, когда у меня долго не проходил кашель, он давал советы и дарил «народные средства» для его лечения.

Это был батюшка, излучавший любовь, образец православного священника.

Последний раз я видела отца Николая, когда он уже был на покое. Мы с мужем ехали к его родителям в Курьяново, и из окна машины я увидела любимого батюшку сидящим на остановке недалеко от его дома. Несмотря на физическую немощь, его глаза продолжали дарить тепло людям.

2017

КАМОРКИНА ЛУИЗА ПЕТРОВНА,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Он был добрым пастырем Церкви
и отдавал нам, грешникам,
свою любовь без остатка»

Первая встреча с отцом Николаем состоялась в далекие 1980-е годы. Я только начала работать директором Ивановской городской типографии. Меня вызвали к начальнику управления печати Махову Николаю Иосифовичу. У него мы и познакомились с отцом Николаем. В то время он служил секретарем епархии и настоятелем Преображенского кафедрального собора.

В епархии возникла необходимость в напечатании бланков типографским способом на английском языке для переписки с зарубежными религиозными организациями. Тогда в управлении мне посчастливилось увидеть удивительно скромного человека, с огромной внутренней культурой. У него были очень добрые глаза, вкрадчивый голос.

На меня он произвел неизгладимое впечатление — ведь это была встреча со служителем Церкви после долгих лет забвения. Я с пяти лет читала бабушке Псалтирь, Библию, молитвенники на церковнославянском языке.

Все эти, изданные еще до революции книги, читала еще когда не знала русских букв... А после смерти бабушки к этому не возвращалась.

Встреча с отцом Николаем оживила эти детские воспоминания. Стала постоянно читать и собирать газетные публикации и проповеди отца Николая, которые поражали меня своей доходчивостью. Через несколько лет случай свел меня с отцом Николаем в кабинете Францужовой Т.М. Батюшка тогда восстанавливался после первого удара. Для меня эта встреча стала определяющей в моей дальнейшей жизни. Не все ладилось в семье. С головой ушла в производственную и общественную работу, но душа была пуста. Вновь возвратилась к чтению Библии, духовной литературы, начала посещать храмы. Возникали вопросы, нужен был наставник. И мне очень радостно, что духовником стал отец Николай.

При встречах он много наставлял, разъяснял, и в то же время душой понимал мои проблемы. Когда государственная политика в отношении Церкви изменилась, отец Николай по моей просьбе, освятил типографию.

В 1996 году Т.М. Французова попросила помочь в издании сборника проповедей и статей отца Николая, напечатанных в газетах в разное время. Это был мой первый опыт редактирования духовной литературы. Книга принесла нам душевную радость: мне – оттого, что она хорошо получилась по полиграфическим

меркам, а отцу Николаю – оттого, что многие его проповеди и статьи собраны воедино, стали доступны читателям уже не в разрозненном виде. Затем в 1997 году мы издали его работу на соискание степени кандидата богословия. Отец Николай был настолько скромный человек, что когда к его юбилею мы хотели выпустить биографическую книгу, батюшка запротестовал.

Он был добрым пастырем Церкви и отдавал нам, грешникам, свою любовь без остатка. Его обаятельность, доброта, глубочайшая вера в нашего Спасителя необычайно привлекали к нему верующих! А он, даже во время своего нездоровья, находил для каждого доброе слово, минутку общения, частицу тепла, одаривал книгами, образками, улыбкой и добрым словом благословения. Вот таким он останется в моей памяти, в памяти моих детей и внуков, которые тоже близко знали отца Николая.

2001

ЕРМИЛОВ ЮРИЙ ИННОКЕНТЬЕВИЧ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ИПБИ ИМ. СВЯТОГО
АПОСТОЛА ИОАННА БОГОСЛОВА И ИХУ
ИМ. М. И. МАЛЮТИНА, ИСКУССТВОВЕД,
ИКОНОПИСЕЦ, БАКАЛАВР ТЕОЛОГИИ

«Его вера была всеобъемлющей
и неистребимой...»

Это был, пожалуй, самый добрый и чуткий на свете человек. Его вера была всеобъемлющей и неистребимой, остоном мужественной до самоотречения души. Он умел прощать все и всех, никогда не терял чувства уровня и степени греха, всегда видел и знал, – покаяние пред ним, призрак раскаяния или дежурная исповедь. Он ценил слово и не любил многословия. И сам умел говорить именно то, что нужно человеку. Даже выходя за рамки темы, он все равно говорил только необходимое, делая это точно, ясно и исчерпывающе, всегда оставаясь внутренне в очень широких, но строгих рамках Православия. Он умел не осуждать даже то и тех, что были врагами его сокровенного и главного. И это неосуждение означало часто нечто такое, что более приговора.

Впервые я увидел его близко в Преображенском кафедральном соборе в конце семидесятых, когда был свидетелем на венчании моего знакомого, который очень хотел полноценного

христианского бракосочетания и просил меня помочь ему все устроить по православному чину. Знакомый не принадлежал к интеллигенции и поэтому почти ничем не рисковал: ну, поругали бы на работе, вызвали бы в профком – для антирелигиозной беседы, выговор влепили – этим бы и обошлось. Почти так оно и вышло в итоге. Но священство прекрасно знало о возможных последствиях подобных акций для молодых и поэтому относилось к крещению и венчанию исключительно серьезно и ответственно, то есть не только как к великому Таинству, но и как к социальному подвигу нестандартных советских людей, решившихся на такой смелый шаг.

Надо было войти в канцелярию храма – взять разрешение на фотографирование. У меня в руках был настоящий английский котелок начала двадцатого столетия, и это производило определенное впечатление, чаще неадекватное реальности. В кабинете рядом с женщинами сидел – пока еще в пальто, с велюровой шляпой в руках очень по-русски красивый священник, черноволосый и чернобородый, прилично и по рангу одетый, с яркой, мгновенно и навсегда запоминающейся внешностью. У него было в полном смысле слова светлое лицо, доброе и при этом готовое к самопожертвованию, лицо, в котором не было и доли сусальности или демонстративного благодушия. Активная и неиссякаемая – мужественная доброжелательность. Он глянул на мой котелок, улыбнулся и

посмотрел мне прямо в глаза – так по-доброму и проникновенно, что в его взгляде отразилась однозначно целая фраза, примерно такого содержания: «Вы – верующий, но не церковный, не отказались бы даже быть священником и готовы к этому, но боитесь поставить этим поступком своих близких под удар... подобное у Вас уже было... У Вас все будет хорошо... Бог Вас не оставит...держитесь веры...и я надеюсь встретить Вас здесь же, но уже как коллегу... Храни Вас Бог!» Эта фраза-мысль длилась малую долю секунды, но врезалась в сознание навсегда. Тогда мне стало просто приятно, и ощущение какого-то необычного счастья расцветило все вокруг реально подлинной душевной теплотой и значительностью.

Венчание прошло как положено: неторопливо и торжественно. В конце батюшка сказал молодым напутственное слово. Я невольно сравнил его с тем, что говорил в свое время отец Василий, который венчал нас лет за двенадцать до этого. Тогда поразила краткость и емкость его напутствия, серьезность и предельная осознанность введения в брак, которая, по сравнению с речью работника ЗАГСа, была неожиданным откровением и чем-то таким, что своей наполненностью превышало все привычные слова по смыслу и значению на несколько порядков. Казалось, лучше этого не скажешь.

Отец Николай говорил чуть дольше и даже проще. Его абсолютно беззлобное лицо стало вдруг строгим и не терпящим никаких воз-

ражений. Возражений внутренних, которые могут возникнуть даже через годы или десятилетия. Брачующиеся, до этого пребывавшие в некоторой эйфории и даже веселости, вдруг перестали улыбаться, и на лицах их, пожалуй, впервые в жизни возникло выражение предельного человеческого внимания и понимания чего-то настолько важного и необычного, чего они больше никогда не услышат и не ощутят.

Это было почти фантастикой: жених и невеста были из «простых», никогда не ставящих для себя никаких серьезных задач, не задумывающихся ни о каких духовных вопросах или интеллектуальных проблемах. Они стояли ошарашенные, сами себя не узнавая, вдруг увидевшие себя Божиими созданиями – настоящими, непридуманными, испытавшими вдруг страх за свои открытые в равной мере добру и злу души и общую, ответственную перед Богом, судьбу. Это длилось недолго и быстро ушло, но лица их более не возвращались к прежнему полубеззаботному выражению и до конца события – в течение трех дней – несли на себе явно читаемую печать состоявшегося преображения. Отец Николай больше никогда им не встречался на жизненном пути, но его живые и правдивые слова остались в глубине душ венчающихся прочно и навсегда. Даже воцерковленная мать невесты и почитающая Православие мать жениха были приятно и смущенно удивлены неожиданной

серьезностью своих детей. И уже реки водки не так бурно текли, а матерные частушки второго дня свадьбы были почти пристойны — с заменой непотребств печатными их эквивалентами. После этого мои занятия вне профессии художника сами по себе стали возвращаться более плотно и продуманно, как тогда казалось, к христианской тематике, точно так, как это было в детстве, после открытия для себя в Эрмитаже Распятый и Мадонн с Младенцем.

Впоследствии изредка и случайно, но регулярно, встречаясь с отцом Николаем, мы здоровались как давно и близко знакомые, а душа, еще издали завидев его, ждала доброй его и чистой — обязательной — улыбки, и эта улыбка на мгновение меняла картину мира внутри и снаружи таким образом, что нельзя уже было себя распускать и в горе, и в радости. Было видно, что жизнь его совсем не проста и наполнена насущными заботами, от которых не уйдешь ни на минуту. Если на лице его была усталость, она никогда не оттенялась печатью суеты или бессилия. Мы с ним тогда — на венчании — можно сказать, даже не познакомились, он лишь спросил, как меня зовут, и запомнил мое имя так, как запоминал все остальные, а их были тысячи!

Впоследствии мне пришлось несколько раз выступать в той же роли — в том же Преображенском соборе. Батюшка вел себя со мной, почти как с напарником, вставляя при необходимости нужные просьбы, называя меня пу-

блично Георгием, а не публично – Юрой, что шокировало знакомых, которые никогда не подозревали, что я здесь, в храме, «свой в доску». «Своим в доску» я там никогда не был и не мог быть, но получалось так, что становился не просто очередным дружкой-свидетелем, а кем-то несравненно более важным и уместным в самом обряде Таинства Брака.

Все это откладывалось в душе и накапливалось так, как было угодно Богу, и впоследствии я часто думал, почему отец Николай никогда не проповедовал никаких христианских истин, сформулированных в явно приходском духе, всегда говорил на настоящем русском языке и оперировал самыми понятными любому уровню сознания категориями? Его миссионерское служение происходило идеально и заключалось не в назывании формул каких-то важных православных понятий, а в точном определении времени, места и слова, связанных между собой намертво и неразделимо. Эта, никогда не изменяющая себе точность, внешне была не броска и кому-то поначалу казалась иногда даже примитивной. Но впоследствии человек вдруг начинал понимать, что интеллигентская словоохотливость чаще всего уводит от Бога, сама того, как бы не желая, делая потенциального верующего бессильным перед изобилием литературных изысков неопитов – богоискателей, перед собственным поклонением принципиально светскому слову, ложно и «бескорыстно» пытающемуся открыть и

сформулировать сакральные истины в естественнонаучном или логически-смысловом ключе.

Прошло Тысячелетие Крещения Руси, стали открываться храмы, в которые буквально повалил народ. Молодые священники без специального образования (семинарий катастрофически не хватало) стали совершенно новым, невиданным дотоле духовно-социальным слоем общества. Они старались наверстать недостаток регулярного канонического образования чтением появившейся тогда в изобилии литературы, в основном дореволюционных репринтных изданий. Среди них встречалось великое множество рассчитанных на неграмотное крестьянство книг с соответствующими иллюстрациями: дети в лаптях, школьные парты на все возрасты в тесной избе, грехи, выраженные через лошадь, соху или розги и тому подобные «раритеты», которые еще до Октябрьской революции остро критиковали известные иерархи Церкви за их примитив и неадекватность. Почему-то наиболее приемлемой оказалась литература околоцерковного круга авторов, настолько далекая по содержанию от подлинных духовных запросов поднимавшегося с колен Православия, что реально возникла угроза возвращения к таким формам церковности, которые еще за сто лет до этого легко разбивались атеистами и ненавистниками Церкви с помощью самых простых и доходчивых доводов. Из обеих столиц приезжали вагоны таких «шедевров», которые уже в

начале двадцатого века перестали играть даже служебную роль. Но батюшки вынуждены были их покупать и передавать в церковные лавки, потому что паства буквально голодала без православного слова и хватала все подряд.

Во множестве храмов был брошен клич: приносить из дома религиозную литературу, в том числе и дореволюционную, для составления приходских библиотек. Люди тащили туда все, что успели купить и прочитать, в том числе и обширнейшую сектантскую литературу баптистов, евангелистов, адвентистов седьмого дня, пятидесятников и «Свидетелей Иеговы». В громадном количестве начали тогда выходить отдельные брошюры общества Рерихов и близкие им по духу сочинения Блаватской, «Роза Мира» Даниила Андреева, оккультные сочинения с претензией на «истинное христианство», книги неохристиан – мессианских евреев и иудейская русскоязычная книга. Разбирая книжные развалы, некоторые священники часто, сами того не осознавая, подвергали обструкции не только эту, явно подрывную, но и настоящую церковную литературу высокого научного класса, имеющую давний и заслуженный авторитет за приведение в лоно Церкви тысяч и тысяч советских и не советских людей в самую безбожную за всю историю Церкви эпоху. Это иногда заставляло плакать от бессилия, потому что защита этих драгоценных изданий становилась невозможной из-за низкого профессионального уровня

новых православных критиков и псевдоортодоксальных цензоров, которых появилось великое множество. То ли фамилии неугодных авторов напоминали еврейские, а значит заведомо сионистские и антиправославные, то ли необычное звание одного из них – протопресвитер, но книги отца Александра Шмемана, архиепископа Антония Сурожского и отца Иоанна Мейендорфа были подвергнуты резкой, чисто эмоциональной и неаргументированной критике, и кое-где сжигались на кострах вместе с брошюрками Сторожевой Башни иеговистов и кришнаитскими Бхабавад-гитами.

Это на многих прихожан производило гнетущее впечатление и вызывало протест. В процессе дискуссий на эту тему выяснялось, что все три автора пишут на хорошем русском, очень грамотном и понятном языке, что уже как бы признак ереси, а настоящее Православие должно быть пронизано церковнославянизмами и неясностями. Весь этот кошмар заставлял некоторых искренних и верных Православию людей менять приходы и уходить в непредсказуемые раздумья. Тогда при храме Казанской иконы Божией Матери были открыты первые курсы повышения квалификации для священников и церковнослужителей области, ставшие первым шагом к созданию в Иваново сначала епархиальных пастырско-богословских курсов, затем Духовного училища, а потом и семинарии.

Занятия проводили двое наших ветеранов православного служения: устав, литургика и

чтение-пение читал и демонстрировал протоиерей кафедрального собора отец Вадим – Вадим Григорьевич Манчетт; основное, пастырское и догматическое богословие, гомилетику и историю Церкви – отец Николай Винокуров. Занятия начинались с молитвы, которую этот огромный хор, состоящий из представителей всей епархии, пропевал так вдохновенно и почти идеально канонически, что лекции сами собой становились чем-то более интересным, чем обычные официальные занятия. Оба ведущих позволяли задавать вопросы, иногда острые и даже злые, что было не так уж и плохо, потому что оба лектора всегда сидели рядом, ожидая своей очереди говорить, и иногда дополняли друг друга краткими вставками комментариев – очень к месту и деликатно. Оба были от природы и воспитания максимально корректны и держали себя в руках настолько твердо и невозмутимо, что многие неофиты порой останавливались на половине вопроса, понимая вдруг свою открывающуюся дерзость. Это было – при всех многочисленных недостатках – идеальным христианским временем, маленькой великой эпохой восстановления Православия из руин. И батюшке Николаю несколько раз задавали вопросы о сжигании книг, при этом некоторые сжигатели находились тут же, среди обучающихся. Отец Николай ни разу не ответил публично, так, чтобы обидеть тех, кто по недомыслию или преремеysлю это делал. Мне тогда

казалось, что так нельзя, что надо остановить это безобразие и ждал от отца Николая ясной и недвусмысленной отповеди такому повороту событий. Но он ограничивался примерно такими рассуждениями: у каждого христианина, уже встающего на путь Церкви, строится СВОЯ судьба воцерковления. Поэтому иногда, к сожалению, бывает необходимо пройти через самые нехристианские искушения для обретения будущей, уже полностью осознанной свободы в Боге. И такая вера может стать уже непоколебимой в своей основе, а не в мелких и необязательных частностях.

Все дополнительные и уточняющие вопросы он комментировал точно так же, при этом тон его ответа звучал как предельная точность, хотя на самом деле прямым ответом здесь и не пахло! Почти никого такие его объяснения не удовлетворяли, но народ молчал и терпел. И в итоге серьезно задумывался. А меня хоть и не подбивали спросить его прямо, но смотрели тоже враждебно, зная, что мы с ним общаемся регулярно и о многом говорим. Тогда мы после занятий всегда шли вместе, сначала заходили в больницу на ул. Степанова, потом в Институт усовершенствования учителей, где в то время были врачи и процедуры с большой льготой для педагогов (там мы оба лечили зубы). По дороге я выплеснул ему все мои вопросы, всю боль — по поводу уничтожения названных изданий. Он молча слушал меня, не глядя в лицо, опустив голову. Потом до-

вольно долго молчал. Потом сказал: «То, кто так делает, НЕ ПОНЯЛ смысла этих книг! Они ведь — одни из лучших современных сочинений во всем христианском мире, с ними считаются не только католики и протестанты, но даже сектанты...через них начинают уважать Православие далекие от Христа люди, начинают понимать русский народ, уважать его сознательно, любить его исконную культуру! Через них не только входят, но и переходят в Православие!», нажав на «не понял» так, что стало страшно. И убедительно. И на лице его я впервые увидел настоящее страдание, какое бывает от предательства любимых — мужа или жены, самых дорогих и единственных на свете, по-настоящему близких людей. Мне этого почти сразу стало достаточно. Почти — потому что я, все же, ждал приговора в привычной форме.

Через много лет, вспоминая об этом, я всегда удивлялся, как сказанное им, без всяких аргументов и доказательств, становилось как бы канонической истиной. Он ведь умел и доказывать, и приводить примеры, причем делал это безошибочно и быстро, даже опережая реакцию оппонента на какие-то доли секунды, никогда поэтому не перебивая, но оказываясь в сильнейшей позиции, а его безграничная сверхэрудиция была неисчерпаемой, но никогда не забивала количеством, как в передаче «Что, где, когда?»

На курсах чаще всего выступали подвижники из глухой провинции, иногда высказывая

столь неоднозначные мнения о Церкви и ее практике, что порой становилось неуютно и холодно на душе. Один курсант однажды вдруг гневно заявил, что если правильно причаститься, то от Чаши не идешь, а подпрыгиваешь от радости, не чувствуя ног, а если такого нет, то это страшный грех! Аудитория буквально замерла после этого заявления, ожидая с интересом, что ответят честные отцы. Вадим Григорьевич опустил голову и героически сдерживал мимику, закрыв рот руками. А отец Николай с совершенно серьезным лицом, без тени улыбки спросил: «А после теплоты тоже надо прыгать, или же делать балетные па? А если хромой, то хотя бы руками махать?». Аудитория взорвалась от смеха, а неофит страшно обозлился и после этого на курсах появлялся редко, никогда не выступая публично.

Очень важной темой были чудеса, и многие тогда просили прокомментировать только начавшую выходить серию «Православные чудеса в XX веке». В ней много было самых разных по сюжету и смыслу историй, где резюме авторов иногда обескураживало категоричностью и торопливостью объяснения произошедшего. Отец Николай никак не проанализировал ни одного факта из книги. Это отсутствие разбора и вывода говорило о многом и говорило значительно больше, чем потенциальный, но так и не состоявшийся комплекс рассуждений на эту сложную и важную тему. Вместо дис-

куссии или диспута, батюшка вдруг рассказал историю, приключившуюся с его дядей, священником отцом Никодимом в Пучежском районе в 50-х годах прошлого века, в самые тяжелые для Церкви хрущевские времена и рассказанную им самим без всяких прикрас и богословских додумок.

Стояла страшная жара, иссушающая все посаженное...колодцы давали все меньше и меньше воды и готовы были высохнуть. Все сельхозкультуры, кроме злаков, грозились полностью погибнуть, и настоятель храма – отец Никодим – решил отслужить молебен о даровании дождя прямо в поле рядом с храмом. Это стало через информаторов известно партийным и комсомольским органам, что и вызвало у них желание выслужиться в очередной раз перед начальством и посрамить овечьих религиозным дурманом отсталых, отживающих свое людей, последних представителей старого мира. Был заранее сверстан номер районной газеты со статьей, заголовок которой был примерно такой: «А солнце еще ярче сияло...» с подзаголовком: «Еще одно фиаско религиозных мракобесов», где саркастически описывался как бы уже состоявшийся молебен в назначенном поле, и как активисты-комсомольцы с атеистическими лозунгами и карикатурами на попов и богомольцев противостояли кучке старушек во главе с батюшкой в том же самом поле. Газета была отпечатана и должна была стать сюрпризом для

подписчиков своей мгновенной оперативностью на злобу дня.

Наступило завтра. После литургии приход вышел в поле, и начался молебен. Атеисты с плакатами расположились метрах в двадцати от молящихся, распевая антицерковные частушки. Батюшка молился про себя одновременно со словами молебна, постоянно повторяя: «Помоги, Господи!» Минут через десять вдруг на горизонте показалась маленькая полутучка-полуоблачко, впервые за два месяца абсолютно безоблачного неба. Батюшка стал тайно ее звать: «Ну, иди же сюда, иди, моя милая, моя родная!» И уже не просил Господа, а обращался лишь к ней, как к человеку, не прекращая положенных молитвословий вслух. И тучка пошла. Медленно, но явно увеличиваясь в размерах. Закончился текст молебна. Тогда батюшка стал читать псалмы, все, что помнил, а про себя разговаривал с тучкой, так же ласково и просительно. И вот повеяло настоящим холодом и грянул дождь — такой, равного которому никто из стариков не помнил: на расстоянии вытянутой руки ладонь уже не было видно. Атеисты, как и старушки, мгновенно стали мокрее воды. Природа ожила прямо на глазах, запах свежести воскрешал почти погибшее, и верующие радовались чудесной Божией помощи как дети. Тираж газеты пришлось уничтожить, но его отдельные экземпляры кто-то сумел сохранить.

Этот рассказ звучал с улыбкой и смехом. Отец Николай прекрасно и артистически пере-

давал все нюансы произошедшего, и говорил об этом феномене вроде бы не как о чуде, а как о курьезе. Так казалось сначала. А потом каждый, если он был верующим или искренне ждал вести Бога в сердце, понял, как можно увидеть целую вселенную в небольшом эпизоде повседневности. И после рассказа в аудитории хватило ума никак не расшифровывать услышанное, потому что любой комментарий умалял бы смысл сказанного и искажал его. Когда мы после этого шли вместе в больницу, батюшка рассказал мне о своем первом иерейском боевом крещении, почти сразу после его рукоположения. К нему, еще совсем неопытному и молодому, пришла женщина с дочкой, у которой кисти рук были покрыты страшной коростой. Женщина поведала печальную историю о том, как несколько лет назад у дочери начались высыпания на руках, перешедшие потом в зудящие болячки, и далее — в корку, постоянно лопающуюся и кровоточащую. Они обошли всех возможных специалистов, продали все, что можно, для лечения в Москве, но результаты первого улучшения быстро становились нулевыми. Они пришли к батюшке от отчаяния, потому что идти уже было некуда. Раньше в храм они никогда не ходили.

Отец Николай был обескуражен и понял, что с первых иерейских шагов подобное испытание приходит не зря, а полное бессилие в подобной, редчайшей ситуации, уж не знали того, что надо, пока не поздно, отказаться

от этого многострадального и ответственного пути? Он реально впервые в жизни почувствовал себя ничтожеством и никчемным человеком, проклиная свою самонадеянность: помогать страждущим и недугующим – только на основе семинарского книжного опыта. И вдруг он вспомнил, как его бабушка часто говорила о необыкновенных свойствах весенней талой воды, которая способна лечить все внутри и снаружи, и этим часто сама пользовалась. Был как раз март, и батюшка посоветовал им делать примочки этой водой, с молитвой, и регулярно читать акафисты Богородице и Иисусу Сладчайшему. Он дал им тексты, перепечатанные на машинке, а сам со страхом и трепетом остался в неведении, вспоминая их недоверие и необходимость принять его совет от безысходности. Он молился за них каждый день, не поминая конкретно саму болезнь, а желая им обоим здоровья и веры, хотя знал, что чаять выздоровления в таких случаях не серьезно, но облегчить недуг, все же, можно. На это и надеялся. Постепенно память о них перестала быть картинно-конкретной: не вспоминались страшные изуродованные ладони и жуткий их запах, остались лишь имена и общая картина несчастья, которая тоже уверенно тускнела. Почти ровно через год, на второй день Светлой седмицы после литургии к нему подошли две отдаленно знакомые женщины, вроде сестры, – по сходству внешности. Они улыбались так ярко и счастливо, что батюшка

сам расцвел от такого настоящего Пасхального цветения душ. А они смотрели на него и переглядывались: «Так Вы не узнали нас?», и одна из них протянула ему ладони прямо к лицу. И тут он обязан уже был их узнать – мать и дочь, но сделать это было трудно, так как мама помолодела лет на двадцать, а у дочери не осталось никаких следов от той страшной болезни, и сама она была красавица на выданье.

Они рассказали, как начали сразу же все положенное делать и как с первых шагов ничего не получалось. А через две недели началось улучшение. И они этой талой воды запасли чуть ли не бочку, и уже когда все прошло, продолжали обе пить ее и смазывать дочери руки. Они начали регулярно ездить в храм по воскресеньям. Это было далеко и дорого, но они очень быстро вошли в церковную жизнь и стали настоящими верующими, которых уже никакими методами и пытками не свернуть с истинного пути. И стали первыми почитателям отца Николая, его духовными чадами и предваряющей будущее серьезной поддержкой в служении.

Этот рассказ меня удивил всем: простотой сюжета, безыскусностью ситуации, реальным ощущением безвыходности положения для обеих сторон и настоящим чудом разрешения, Божиим чудом. Однозначно. И любое подлинно научное или медицинское объяснение ситуации нисколько не умаляло бы самого факта чуда. Возможно, отец Николай уже

тогда определил свой угол зрения на многие перипетии православной повседневности, из которых складывается реальная картина внутренней жизни верующего. Он никогда не принимал никакой суеты или экзальтации ни в мышлении, ни в поведении, ни в восприятии догматических и канонических истин и ни в коем случае не использовал в проповедях или советах то, чего не понимал или не принимал. Он вообще не признавал беспредельную всеядность в Православии, уважая чужое мнение, но никак его не комментируя, если оно не совпадало с его представлениями об истине.

В те девяностые государство иногда пыталось помочь неимущим, открывая для них, в основном пенсионеров, стационары дневного пребывания. Там их не только подкармливали, но и водили в музеи, на выставки и спектакли, устраивали концерты и встречи с интересными людьми, тематические лекции и диспуты. На них собиралась самая разношерстная публика – интеллигенция и бомжи со стажем, профессора и профессиональные алкаши, а основной контингент состоял из женщин. Все они, правда в разной степени, были недовольны своей судьбой и представляли ту, уже никому не нужную часть населения страны, которая от резких и непредсказуемых изменений окружающей жизни была обозлена, растеряна и чувствовала, что никак не вписывается ни в одну из образующихся социальных ниш. Мне пришлось курировать

один из таких приютов и читать там лекции и о художниках, и о музыке, и о Церкви и ее истории, петь на концертах и играть сцены из моноспектаклей.

Это была очень капризная публика, ждущая привычного – старого и отжившего, что тогда отторгалось нами естественным образом, вызывая ассоциации с тем, от чего вся страна отказалась навсегда, так тогда казалось. Еще живой хор старых коммунистов у них вызывал слезы радости и овации, а все остальное – лишь снисходительное молчание. Верующих там практически не было. И вот я получил задание: привести туда отца Николая – единственного из священства, как считалось, кто уж точно не бросит никакой тени на свою профессию и сумеет многое объяснить этим внецерковным гражданам. Была заказана и икона для столовой, чтобы он смог увидеть, что здесь есть, кому почитать веру и Церковь. Икону я написал и освятил, но убеждал начальство, что батюшку звать туда не надо и что его там, как минимум, оскорбят и обидают – незаслуженно!

Но сверху было приказано, и мне пришлось об этом честно сказать батюшке, ничего не скрывая. Он улыбнулся и согласился без раздумий, но попросил его проводить и туда, и обратно и не покидать его, пока он там говорит и отвечает на вопросы. Мне это согласие не понравилось, но только из-за того, что ему могут сделать гадость, что и мне делали

неоднократно, и я знал, как все это, мало сказать, — неприятно.

Я заранее ждал его. И вот он появился, в гражданской одежде и с дипломатом в руках. А я — по неофитству своему — в подряснике, в котором и ходил всегда и везде. Батюшка поздоровался с директором, попросил место — переодеться, достал из дипломата подрясник и крест и облачился. В это время я с ужасом увидел в коридоре наряженных в псевдорусские национальные одежды — сарафаны и кокошники, дико раскрашенных старушек с кровавыми губами и щеками, с набеленными лицами и чернящими бровями-ресницами, изрядно уже хлебнувших и страшно веселых. Был Великий пост, я подумал, что отца Николая хватит удар и попросил его немного подождать и не выходить, а сам с гневом обратился к начальнице этого многозначного заведения, кстати, прекрасной женщине и достойнейшему человеку: как она могла такое святотатство допустить, и кто всю эту непотребность придумал? Понимает ли она, что это издевательство? Над священником, над Церковью, над самим его визитом? Она страшно перепугалась, не зная, что делать, а делать было нечего! Мы оба, находясь в полной прострации, не заметили, как отец Николай с широкой улыбкой мимо нас прошел в зал. Он приветливо посмотрел на игривых недохристианок, и сел на свободное место в центре. «Красавицы» начали водить хоровод и петь непристойные частушки пря-

мо перед ним, а он улыбался и посмеивался. Я не верил своим глазам: где его лекция, где благоговение слушателей? Где сам отец Николай? И, вообще, что это за страшный сон, что за бред? В первую же паузу батюшка быстро встал, перекрестился и спел «Отче наш». Все замолчали.

И он начал говорить, причем, не так просто, как обычно, а без всякой адаптации к публике, иногда не избегая терминов, но сразу же их и объясняя. И большая часть присутствующих ушла во внимание, пытаясь понять то, чего никто из них никогда не слышал и не предполагал, что тот, кого они называли не иначе как «попом», настолько образован и умен, что представить его интеллектуального конкурента из среды знакомых даже по телепередачам было невозможно. Это было другое измерение, которое невозможно было переделывать, и правда которого была настолько сильна и верна, насколько и враждебна, хотя, почему же враждебна? Он говорил минут двадцать вместо положенного часа, а потом отвечал на вопросы, а вопросы были в основном оскорбительные и глупые, провокационные и издевательские. Кто-то враждебно молчал, лишь единицы внимательно и с явным уважением слушали. Я был поражен его терпению и выдержке, когда он игнорировал садистский тон и уничижительный смысл вопроса, отвечая доброжелательно, но нисколько не заискивающе и без компромиссов, и было видно, что

некоторые многое начинают открывать для себя впервые в жизни. Он сумел отдать аудитории положенное ей время и, точно чувствуя, что пора в любом случае заканчивать, хотя диспут только разгорался и входил в самую, казалось, интересную его часть.

Он помолился, давая понять, что это все, и спросил, а где же концерт. И тут выплыли, уже немного протрезвевшие бабули с растекшимися и потрескавшимися косметическими шедеврами на физиономиях и продолжили свою непристойную программу под гармонию. Отец Николай так заразительно смеялся и аплодировал, что я был в шоке от этого злостного нарушения поста и почти плакал. Во время концерта некоторые недоброжелатели продолжали смотреть на батюшку с такой же ненавистью и презрением, как и во время диспута, и было очевидно даже для неискушенных, что в них сидит сам сатана, взлелеянный советским воспитанием непримиримости к Богу. Это было настолько сильнее каких-либо слов и указующего перста, что подумалось: в чем же здесь секрет? Этих ненавистников Христа вдруг увидели и поняли буквально все! Концерт закончился весело и празднично, почти все остались довольны. Батюшку покормили в столовой, предложив сначала мясное и рыбное, от чего он категорически отказался, после чего ему дали заранее приготовленное постное. Он лукаво подмигнул и после еды зашел попрощаться, уже переодетый, в зал.

За эти пятнадцать минут его трапезы что-то произошло с публикой. Его провожали только добрые улыбки и уважительные взгляды и просьбы чаще приходить в пансионат, что впоследствии и было несколько раз.

Провожая его домой, я не сдержался и спросил, зачем же такое надругательство над Великим постом, как можно допускать вообще подобное, даже без поста? И почему он так от всей души смеялся? Он стал серьезным и, подумав, сказал: «Юра, ты понимаешь, что у них больше в жизни НИЧЕГО НЕТ! И если они могут так искренне радоваться даже в таком ужасном положении, это же прекрасно! Неужели лучше было бы, если бы они просто пили или обсуждали кого-то из знакомых и незнакомых, косточки перемывали?» Я ответил, что они и это, и то сделают, на что он возразил: «Вот когда сделают, тогда и будем говорить, если в этом возникнет необходимость, но я знаю, что для любой из них такой безыскусный праздник несравненно дороже сплетни и винопития». Тогда я не смел с ним спорить, но в глубине души понимал правоту нас обоих, конечно, больше свою! Он еще сказал так: «Юра, вот когда ты будешь ходить не в подряснике по улице, а в простой одежде, тогда ты поймешь, что сейчас совсем не прав. Уважаю твою ревность и верность, и даже смелость. Но скоро ты многое в себе изменишь. И будешь менять всю жизнь, потому что будешь расти. И развиваться. И оставишь только

самое главное, что менять нельзя, да и не получится. Все главное будет постепенно лишаться суеты, которую ты сам не любишь, но пока иногда в себе не замечаешь». Я ответил, что буду ходить в подрыснике до самой смерти, на что он улыбнулся и сказал: «Нет уж, ты лучше живи долго! Ты ведь его скоро снимешь!

Тогда же активизировались сектантские группы в городе и области, особенно «Свидетели Иеговы». Они буквально оккупировали художественные мастерские на улице Зверева, пытаясь вовлечь в свое движение молодежь. Моя бывшая сокурсница случайно меня встретила и все об этом рассказала, прибавив, что хорошо бы пригласить отца Николая Винокурова, как специалиста с духовным образованием, на встречу с иеговистами, чтобы их как-то разоблачить. Я это передал батюшке. На это он ответил, что делать так не надо ни в коем случае. И что он вполне согласен с рекомендациями – не вступать вообще в дискуссии с приверженцами сект, так как у них существует отработанная суггестивная методика воздействия на слушателей и провокационные полемические приемы, которые нецерковным людям намного ближе, чем православная правда. И посоветовал мне просто поприсутствовать на этой встрече, послушать проповедников и только потом побеседовать с нашими девушками, но не в полемическом тоне, а спокойно и доходчиво. Не нажимая и не претендуя на истину в последней инстан-

ции, а произносятся самые обычные православные мысли с достоинством и без каких-либо доказательств, как непререкаемую и простую данность. Я был на этом занятии и, все же, сорвался, не удержался и спросил, почему в журнале «Сторожевая башня» используются порнографические цвета — цвета нижнего женского белья? Это имело последствия: наши девушки перестали слушать иеговистов, и те прекратили, правда, не сразу, свои визиты. А в журнале указанные цвета через месяц пропали и больше уже никогда не появлялись. Я не преминул похвастаться этой победой, на что отец Николай заметил, что если я и дальше буду так помогать «Свидетелям Иеговы», то скоро стану у них кем-то типа пастора! А может и соредактором их журнала по дизайну. И я понял, как он был прав!

В 1994 году на базе детского комбината № 149 и школы № 28 был организован Православный Центр Духовной культуры «Надежда», где дети с пяти лет должны были учиться по специальной программе весь школьный образовательный цикл по одиннадцатый класс включительно. Коллектив энтузиастов составлял уникальные программы на все тринадцать лет обучения. Владыка Амвросий, давая благословение на организацию Центра, порекомендовал прямо по горячим следам пойти до отца Николая и спросить у него несколько конкретных практических советов по поводу акцентов собственно Православия

впрограммах, чтобынезамахнутьсянабольшее, чем это может вместить ситуация того времени. И мы пошли к нему домой впервые, зная, что он живет с тяжело больной матерью и очень стеснен в жилплощади. Дом быстро нашли, нашли и звонок, но минута сменяла минуту, а никакой реакции на наши сигналы не было... Потом приоткрылась калитка, и отец Николай осторожно выглянул и удивленно спросил: «Так это ты, Юра? А я смотрю, стоит, вроде, священник Армянской Апостольской Церкви, и не знаю, как мне его принимать – не принимать, как встретить? Растерялся, честно скажу, испугался даже».

На моем подрыснике был непромокаемый капюшон, по форме почти как у армянских монахов, а тогда был дождь. Мы вместе смеялись над происшедшим, особенно сам батюшка. В его комнате едва хватало места для нас троих, а в соседней, что чуть просторней, лежала его тяжелобольная мама, которую он любил больше всех и всего на свете. Стол был уставлен лекарствами, освященным маслом, святой водой и настоями. Мы попросили необходимых советов, на что он сказал: « Делайте все так, как сочтете нужным, только не принуждайте детей и их родителей ни к чему такому, что может стать непонятным и показаться совсем лишним. И оставайтесь как можно дольше такими же добрыми и терпеливыми. Божией помощи вам!» Он заставил нас пить чай и отпустил нас тихо и как-то значительно, но

без помпезности. Недели через две после этого я снял подрясник и носил его в портфеле.

Случилось так, что наши храмовые активисты из самых юных решили пожениться, а попросить благословения у родителей не захотели: побоялись несогласия какой-нибудь из сторон и сделали литературно оправданный шаг – сбежали из дома, прожили неделю в столице и вернулись с повинной, ожидая вынужденного согласия на брак. Весь наш приходской коллектив переживал за случившееся, сочувствуя родителям девушки, которые одни ничего не знали и готовы были подать заявление в розыск. Всю неделю отец Николай вместе с нами почти не спал и ждал возвращения блудных детей, хотя это был не его приход: родители будущей невесты пришли к нему как к последнему и единственному отдохновению и опоре. Нам пришлось присутствовать при их встрече с отцом Николаем – по настоятельной просьбе будущих супругов: они страшно боялись его праведного гнева «один на один», и позвали нас для смягчения его тона.

Но гнев был – самый справедливый, который мне когда-либо пришлось увидеть и услышать. Батюшка стал при их виде абсолютно строгим, смотрел им в глаза испепеляюще и, не мигая, от чего они сникли и почти сразу поникли так, что уже не знали, будет ли им хоть какое-то прощение и все то, чего они предполагали получить для себя. Он сказал медленно и значительно, очень ясно и громко: «Поднимите

лица и смотрите на меня!» И после небольшой паузы продолжил: «Так –НЕЛЬЗЯ!» Эти слова были произнесены таким образом, что включали в себя все возможные обычные и необычные аргументы, и не требовали никакой многословной расшифровки. Влюбленные затрепетали от страха и раскаяния, не ожидая от самого доброго на свете человека такого уничтожающего тона. Батюшка позвал их ближе к аналою, чтобы говорить именно с ними лицом к лицу, но его было хорошо слышно, и почти все им сказанное поняли другие присутствующие. Его слова произвели на всех потрясающее впечатление. Он говорил, вроде бы, самые обычные вещи – хрестоматийные и разумные до элементарности. Только эта правильность ничем не напоминала общепринятое родительское внушение и звучала в душе совершенно иначе. Весь комплекс сознательной вины этой пары лежал как на ладони и не имел места, где можно спрятаться от кары или прощения, которое еще предстоит заслужить. Поэтому после ожидаемого отпущения грехов будущие молодые чувствовали себя выжатыми до сухоты и бессильными фантазировать на темы будущей совместной жизни в русле привычных светских побасенок, реальная суть которых всегда, как минимум, несерьезна.

Венчание проводил отец Николай, но в другом храме, и это было самое красивое венчание, которое мне пришлось увидеть. Свадьба проходила в трапезной, а отец Николай был

на ней главным гостем. Он вместе со всеми пил вино и водку и казалось что много, был весел и празднично шутил, пел и рассказывал смешные истории, давая фору всем юмористическим профессионалам, что были там. Но он погостил не больше часа и по-доброму попрощался, не поддаваясь на уговоры остаться хоть ненадолго. Стало ясно, что такого рода потехи ему совершенно чужды, но он умеет вписаться в традиционную ситуацию и сыграть в ней достойную – очень важную роль. Его согласие на венчание и присутствие на свадьбе было спасительным для всех, кто имел к этому событию хоть какое-то отношение, особенно для жениха и невесты.

Через несколько лет на бабушку обрушилось главное и неизбывное горе: умерла его любимая и дорогая мама – единственный человек, которому он все доверял, и попечением о которой жил долгие годы. С этого момента он внешне сильно изменился. Печать глубокой сердечной муки долго не сходила с его лица, его часто душили слезы прямо во время службы, и это видели прихожане разных храмов, куда его приглашали настоятели для сослужения, посчитав, что это как-то поможет ему отвлечься. Отец Николай не скрывал своего горя от паствы, и, выходя на амвон каждого храма, говорил несколько слов об умершей и просил молиться об упокоении ее души. И те, кто его увидел и услышал впервые, понимали вдруг что-то такое, о чем никогда не думали

всерьез и не предполагали, что у священника, принявшего незаменимое участие в судьбах многих сотен страдающих людей и привыкшего к самым страшным жизненным перипетиям, боль может быть сильнее и нестерпимее, чем у мирянина.

Весть о его смерти, точнее – гибели, застала всех его почитателей врасплох. Мы осиротели. Некоторые осознали это сразу, другие долго не верили в его смерть... некоторые до сих пор в это не верят. Версии случившегося разнились друг от друга настолько, что выяснять правду было ни к чему. Подобные разночтения часто возникают вокруг судьбы неординарных людей, память о которых плохо уместается в ее собственном уголке в душе памятующего, а личность многократно превышает предназначенный ей объем человеческой памяти.

Некоторые священники тихо и неназойливо называли его старцем: об этом я услышал еще в Толгском монастыре зимой 1991 года от одной из монахинь, и это тогда шокировало. В отце Николае видеть старца в то время казалось явной нелепостью. Сейчас бы я так категорично не думал. Он был настолько обычным и одновременно необыкновенным в своей простоте и доходчивости, что невольно возникает мысль о его нестандартной исключительности человека и священнослужителя. В нем был незаурядный здравый смысл, касающийся всех мелких и глобальных проблем повседневности, но эта практичность опиралась целиком

на веру, в которой не было и не могло быть никаких прорех или колебаний. Святые – люди сплошной веры, этим они и отличаются от всех других. Но эта сплошная линия верности Богу часто незаметна и не читаема для большинства. А остающийся от такого подвижника след любви в сердце часто живет сам по себе и не напоминает о том, кто его оставил. Как человек высочайшей личностной планки, отец Николай Винокуров никогда не выплескивал свои обширнейшие богословские знания ни на прихожан, ни на близких по мировоззрению профессионалов теологии, а переводил их в план личного опыта, который был словесно экономен и скромен до щепетильности. Один известный священник, знавший его лично, но придерживающийся в своей практике иных взглядов и методов, говорил о нем, что тот умеет хранить тайну.

Отец Николай, для тех, кто его знал лично, всегда будет живым и исчезающим с духовного горизонта. Хочется, чтобы память о нем перешла в сердца тех, кто его уже не увидит и не услышит.

2017

МОРОЗОВА НАТАЛИЯ СЕРГЕЕВНА,
ЖУРНАЛИСТКА

«Этого человека я никогда не забуду
и всегда благодарю Бога за то,
что дал мне счастье встретить его»

Отец Николай... Этого человека я никогда не забуду и всегда благодарю Бога за то, что дал мне счастье встретить его. С первых мгновений знакомства с ним я ощутила огромную силу доброты и любви, которые исходили от него. Он любил всех, кто когда-либо обращался к нему и щедро одаривал своей любовью каждого. Он был всем для всех, чтобы обрести хотя бы некоторых. Когда мы снимали первый фильм об отце Николае, он выздоравливал после тяжелой болезни. Все трудности пастырского служения батюшка принимал всегда близко к сердцу и сердце не выдержало... Тогда врачи думали, что он не выживет. Но он выжил. Как потом рассказывали прихожане – за него молились все – и день и ночь. И вот он с улыбкой говорит: «Я доволен жизнью и собой. Слава Богу за все. Болезнь умудряет человека, укрепляет его духовно. Недаром говорят – за одного битого десять небитых дают. В Библии есть такое выражение – кого Господь любит, того и наказует». Тогда я спросила: «Значит Господь Вас любит?» И он ответил с улыбкой: «Да, Господь любит меня».

Отец Николай жил в небольшом домике, где хозяйством заправляла его сестра Александра Макаровна. Всегда приветлива, добра, и необыкновенно похожа на брата – особенно эти глаза, излучающие тепло и нежность. И помню – каждый раз, возвращаясь от отца Николая, я уносила огромный букет и горы апельсинов и конфет для наших коллег.

В доме отца Николая всегда кто-нибудь жил – или родственники, или просто те, у кого жизненные трудности. Кстати, эта традиция всегда была и в родительском доме в Нижегородской губернии, где почти всегда получали приют путники, просившие ночлега.

В доме отца Николая я познакомилась с удивительной бабулей. Она была похожа на сказочную героиню. Звали ее Екатерина Даниловна. Она мне много рассказывала об отце Николае. Как часто к нему приходили люди, и знакомые и незнакомые, и просили о помощи в трудных и, казалось, неразрешимых ситуациях. Батюшка каждого пропускал через свое сердце. И горячо молился, бывало, со слезами на глазах. И, как рассказывала Екатерина Даниловна, чудеса свершались прямо не ее глазах.

Мы ехали в Нижегородскую область снимать новый материал для фильма об отце Николае. Мы ехали с Александрой Макаровой и Валерием Ивановым, который придумал эту поездку для нового проекта. Мы хотели побывать в родительском доме батюшки, познакомиться

с его тетей Елизаветой Платоновной и ощутить атмосферу, в которой вырос и сформировался этот удивительный человек.

Было раннее утро. Мы молчали. Каждый думал о своем. Александра Макаровна вспоминала брата, их детство, как вместе играли, молились и как, будучи мальчишкой, он мечтал стать «попиком».

И вдруг я почувствовала присутствие отца Николая. Он ласково посмотрел на меня и сказал: «Наташенька, может и не обязательно было ехать в такую дальнюю дорогу?..» – «Но это нужно нам, людям, которые Вас любят и помнят». Тогда он обнял меня и сказал: «Ну хорошо, я благословляю тебя, голубушка». Я знаю, что это был не сон, потому что меня никто и никогда не называл «голубушка».

* * *

В Преображенском кафедральном соборе закончилась Божественная литургия. Прихожане медленно расходились, кто-то не хотел уходить – стояли, разговаривали, слушали музыку колокольного звона. На крылечко из алтаря вышел отец Николай. Маленький мальчик, который стоял рядом, тихо произнес: «Смотрите, Бог идет...»

2017

ПОЛОСИНА
ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА,
ЖУРНАЛИСТКА

«...ток Божественного бежал
по его душе беспрепятственно»

О протоиерее Николае Макаровиче Винокурове хочется говорить просто, не сбиваясь на словесные кружева, потому что сам он был и остается в моей, и не только моей, памяти человеком, которому были свойственны выдержка и кроткое спокойствие, «гармония негромких слов и святых дел». И пусть в приведенной цитате говорится о другом слуге Божии и Церкви, эти слова в полной мере могут быть отнесены к отцу Николаю.

...Его сборник статей, изданный по благословению архиепископа Ивановского и Кинешемского Амвросия в 1996 году, – одна из самых ценных книг в моей домашней библиотеке, одна из самых любимых и читаемых, о чем свидетельствует уже несколько потертая обложка. Я нередко беру ее с собой в дальние поездки, и дорого, конечно, не только теплое посвящение отца Николая мне и моей семье, но, прежде всего, само содержание книги. С нею я утешаюсь в тяжелую минуту, потому что сквозь строки и их смысл перед моим внутренним взором возникает образ Николая

Макаровича Винокурова. С ним я веду безмолвный диалог...

Нас познакомил мой коллега, ответственный секретарь газеты «Рабочий край» Евгений Александрович Богородский, хотя, конечно же, я была заочно знакома с отцом Николаем по его службам в Преображенском соборе. Не просто оказалось поначалу совместить эти два момента: с одной стороны, я благоговела перед ним как перед священником, с другой, — по долгу службы редактировала его статьи, принесенные для публикации в «Рабочем крае». Мне приходилось иногда говорить: «Николай Макарович, надо немного сократить то, что Вы написали...» Он моментально соглашался, никогда не проскользнула в его лице тень возмущения или недовольства: он прекрасно понимал, что у каждого труда есть свои особенности и всецело полагался на мнение журналистов. А я, если честно, испытывала мучения: как бы не выкинуть из прекрасных, светлых статей отца Николая что-нибудь важное...

Мне уже приходилось писать, что среди прочих маленьких подарков (а ими Николай Макарович одаривал сотрудников редакции регулярно) у меня хранится небольшая эмалированная кружечка. Из нее я поила и пою всех болеющих в доме людей, поила папу и маму, за которых молился Николай Макарович во время их болезней, как молился он за сотни и сотни православных христиан. А они, бесконечно благодарные отцу Николаю,

отвечали ему тем же во время его продолжительной и крайне тяжелой болезни.

Однажды мне пришлось, по его благословению, крестить тяжело заболевшую коллегу перед операцией, исход которой мог оказаться трагичным. Вопрос крещения для себя она решила в последнюю минуту, когда найти священника уже не представлялось возможным. Я очень переживала, считая себя недостойной столь ответственного дела, и все же читала молитвы, крестила подругу и кропила ее святой водой – делала все так, как говорил отец Николай. Думаю, что и его горячие молитвы способствовали тому, что молодая женщина осталась жива...

...Как-то по заданию редактора мне пришлось побывать на совместном заседании представителей Ивановской епархии и ивановских архитекторов, которые занимали в ту пору здание храма Казанской иконы Божией Матери, что на проспекте Фридриха Энгельса. Случилось это во времена, когда процесс возврата государством культовых зданий Русской Православной Церкви только начинался. Николай Макарович Винокуров, протоиерей Преображенского кафедрального собора, входил в состав «согласительной комиссии». Горячих слов прозвучало немало с обеих сторон, а я вдруг увидела лицо молчащего отца Николая: на нем застыла какая-то неземная отстраненность, казалось, он молился в эту минуту за всех собравшихся, за то, чтобы за жесткими,

ранящими словами не забылось, во имя какого дела собрались люди за круглым столом. Он не позволял греху пастись рядом с собой, но и не брал на себя право судить других: «Не судите – да не судимы будете...»

Отец Николай крестил несколько близких мне людей (никогда в этом не отказывал), и они до сих пор чувствуют на себе его защитное крыло, как чувствую его на себе и я, знавшая отца Николая несколько лет, но всего лишь раз у него исповедовавшаяся. На исповеди я плакала, а отец Николай произносил голосом, в котором не было и тени превосходства, простые, утешающие, ласковые слова. И главным словом было слово – любовь.

...В день его кончины с преподавателем медицинской академии Елизаветой Леонидовной Перской мы приехали в нейрохирургическую реанимацию областной больницы, но было уже поздно. Долго молча сидели у кровати, на которой светлая душа Николая Макаровича отлетела от измученного болезнью тела. Медики тоже ходили притихшие: они понимали, какого человека не стало рядом и вместе с нами.

А такого количества людей, как на отпевании отца Николая в Преображенском соборе, служению в котором он отдал большую часть своей жизни, встретить здесь можно было разве что в дни больших православных праздников. Люди плакали, остро ощутив вдруг свое сиротство: так плачут только по самым

близким. Мы лишились великого утешителя и заступника, истинного пастыря и духовного наставника, добрейшего и мудрейшего человека, обладавшего редкой способностью к состраданию, сопереживанию, всепрощению. Мне хотелось бы сказать о нем словами Бориса Зайцева: «Существует целая наука духовного самовоспитания, стратегия борьбы за организованность человеческой души, за выведение ее из пестроты и суетности в строгий канон. Аскетический подвиг – выглаживание, выпрямление души к единой вертикали. В таком облике она легчайше и любовнейше соединяется с Первоначалом, ток Божественного беспрепятственней бежит по ней. Говорят о теплопроводности физических тел. Почему не назвать духопроводностью то качество души, которое дает ощущать Бога, связывает с Ним?» Протоиерей Николай Макарович Винокуров обладал высочайшей духопроводностью, ток Божественного бежал по его душе беспрепятственно...

Вечная память!

2001

ПЕРСКАЯ
ЕЛИЗАВЕТА ЛЕОНИДОВНА,
КАНДИДАТ МЕДИЦИНСКИХ НАУК,
ДОЦЕНТ

«Сила его добра наполняла надеждой
и желанием творить добро
и не творить грех»

Моя мама была очень верующим человеком. В 1977 году, в возрасте 80 лет, она погибала от страшной болезни. Знала, что у нее рак, но вела себя очень мужественно. Нечеловеческие муки, сопровождавшие болезнь, мама переносила стойко, понимая, что Господь дал ей через это испытание возможность покаяться и искупить муками все грехи, от которых несвободен любой человек на земле.

Летом того года к нам в дом дважды приходил молодой еще священник: первый раз – исповедовать и причастить маму, второй, незадолго до ее смерти, – соборовать. Горечь приближающейся неотвратимой утраты казалась безмерной: мама была не просто моей мамой – бесценным другом, человеком, вся жизнь которого учила лучшему, воспитывала праведность, добро и волю. Молодым священником, приходившим в наш дом, был отец Николай – Николай Макарович Винокуров.

На исповеди, причастии и соборовании они оставались вдвоем. Мама после встреч с отцом

Николаем была просветленной, успокоенной, ее боли утихали. И уход в вечность был для нее светлым.

Прощаясь со мной и понимая, чувствуя страшную боль, связанную с неминуемостью нашей с мамой разлуки, отец Николай говорил мне, благословляя, несколько слов и так смотрел в мои глаза, что я понимала: он делит со мной мое грядущее сиротство, защищает от боли и старается смягчить удар, с которым всегда связан для человека уход из жизни его матери.

Он был молодым, но я чувствовала постоянно – он отец Николай. Отец... Отец, наделенный мудростью, вселенской добротой, чувством высокой ответственности, приходящий с утешением и заботой.

Мама умерла 16 сентября. Я выполнила ее последнюю земную волю, с которой она обратилась ко мне за сутки до кончины. Мама сказала мне: у смерти есть свое торжество, и уход в вечность – это, быть может, самый торжественный акт, венчающий жизнь человека. Она попросила отпеть ее в церкви, оговорившись, что понимает, что это непозволительно для преподавателя высшей школы. И, тем не менее, она надеялась, что меня поймут, потому что это последняя просьба матери.

Мама просила, чтобы в Белой церкви, Преображенском соборе, единственном действующем в то время ивановском храме, прихожанкой которого она была более сорока лет,

горели все паникадила, чтобы пел церковный хор. Не выполнить последнюю просьбу мамы я не могла.

С 16 по 18 сентября шли сплошные дожди. А 18-го, когда мы вносили гроб с телом мамы в церковь, небо освободилось от туч, в нем засияло яркое, радостное сентябрьское солнце. Полгода до этого дня был болен архиепископ Иов, а в этот день он служил свою первую после длительной болезни службу. В церкви было так торжественно, так ликующе...

А отпевал маму отец Николай. Его молитва была трепетна, пронзительна и сильна, каждое слово в ней было наполнено столь глубинным содержанием и смыслом, что в душу пришло умиротворение, согласие с Божиим решением, светлая, тихая радость, ощущение и понимание того, что упокоение – это переход в вечную жизнь.

Отпевание утишило горе. Потом отец Николай подошел ко мне и к брату и произнес слова – главные – о том, чтобы мы хранили Бога в душе так же, как хранила его в своей душе мама. Он сказал, что мы – счастливые дети, потому что наша мама всю жизнь лелеяла в нас религиозные чувства, и что мы не осиротели, потому что мама оставила нас с Богом. Отец Николай просил молиться и находить в молитве утешение, помощь и разрешение всех неразрешенностей.

А потом началось страшное: расширенный партком института, на котором присутствова-

ли в полном составе ректорат, партбюро института, факультетов, комитет комсомола, где все собравшиеся должны были обнародовать свое осуждение – искреннее или подневольное, неважно, – и лишить меня права работать в вузе. Таковы были законы того времени – времени осуждающих вердиктов и клятв в верности идеологическим устоям.

Мой поступок – отпевание мамы в церкви – обсуждался и клеймился на всех кафедрах, в каждой учебной группе, на партийных, профсоюзных и комсомольских собраниях всех уровней, на ученом совете... Все единодушно осудили – я должна была расстаться с родным институтом.

С того времени и до последнего своего часа отец Николай был моим заступником, духовником, другом, отцом. И так, как он берег мою душу на протяжении двадцати четырех лет, ее никто никогда не берег. С ощущением счастья я ходила к нему на исповедь. Ему я могла доверить все мои грехи, только у него могла просить совета по поводу самых сложных и, казалось, неразрешимых проблем. Тот период, последовавший за смертью мамы, был очень тяжел: обком КПСС решил не останавливаться на достигнутом в институте, а сделать из моего поступка показательный процесс, показательную «порку» на уровне всех ивановских предприятий, учреждений, вузов... Это продолжалось два года. Спасли меня тогда молитвы отца Николая и его забота обо мне.

Тот абсолют доброты, который являл собой отец Николай кающемуся грешнику, был безграничен. Он выслушивал все, взглядом, пониманием, своим неравнодушным молчанием давал возможность открыться самым потаенным створкам, помогал очиститься от скверны, и находил такие слова во время исповеди, наполнял свое обращение к Богу об отпущении грехов такой силой, что после этой молитвы в твою душу входило ликование очищения.

Необыкновенность этого состояния знают все до единого, кто исповедовался у отца Николая. И сила его добра наполняла надеждой и желанием творить добро и не творить грех, после исповеди и причастия ты воистину заново рождался на свет. Всякий раз я переживала – и проживала – потрясение.

Отец Николай был подвижник. Он – как истинный пастырь, священнослужитель – брал на себя грехи своих духовных чад и истово каждодневно молился об отпущении Господом этих грехов. И Господь был к нему невероятно милостив. Этой милостью Он являл чудеса, в которых мы должны были видеть, как Господь вознаграждает праведность.

Отец Николай дважды перенес инсульт. Инсульты были столь тяжелы, что он должен был погибнуть. Состояние протоиерея Николая во время второго инсульта мне довелось наблюдать в больнице: я ходила к нему дежурить и видела, что его сохраненное сознание было наполнено только молитвой. Тогда за него

молились православные христиане Ивановской, Владимирской, Ярославской, Костромской епархий.

В практике нашей ивановской медицины, на мой взгляд, непросто обнаружить случай восстановления здоровья человека после двух таких мозговых ударов. В этом, безусловно, «повинно» и подвижническое отношение к отцу Николаю врачей и всего медицинского персонала 3-й городской больницы, искреннее желание помочь, профессиональные умения, знания и мудрость которых, дали отцу Николаю возможность выжить и частично войти в прежний ритм жизни.

Отношения отца Николая с медиками этой больницы удивительны. Нет, наверное, человека среди врачей, медсестер и санитаров, который бы, вспоминая Николая Макаровича, не сказал: «Моя жизнь после встречи с отцом Николаем изменилась»; «Я обрел счастье веры, я обрел Бога»; «Я не могу жить так, как жил раньше...».

Так случилось, что в нынешнем году я близко познакомилась с врачами палаты интенсивной терапии 3-й горбольницы, где когда-то лечился отец Николай. Это высоконравственное лечебное учреждение, где за жизнь обреченных на смерть людей бьются до конца: так, как выхаживают пациентов здесь, мало где, наверное, выхаживают. Медики в один голос говорят, что этому их научил отец Николай. Научил относиться к жизни любого человека

как к высшему творению Бога, и понимать, что возвращение людей в жизнь – это тоже исполнение Божией воли.

...Насколько глубок след, оставленный отцом Николаем в жизни города, в жизни ивановцев, мы все видели в день его похорон. Тысячные толпы людей шли поклониться праху отца Николая, поблагодарить за добро и поклясться оставаться верными тому, чему учил их пастырь, святостью своей осенивший многих и многих. Таких похорон в Иванове я просто не помню...

И все-таки, и все-таки... Разлука с отцом Николаем обрекла всех нас на сиротство. Одна из врачей ПИТа 3-й горбольницы сказала недавно: «Когда мне плохо, когда моя тоска по отцу Николаю становится нестерпимой, я иду на его могилу, припадаю к холму, как к его руке, осенявшей меня крестным знаменем, исповедуюсь ему там. И каждой своей клеткой чувствую после этой исповеди, как дух его возопит к Богу с просьбой отпустить мои грехи».

Сиротство – от того, что отца Николая нет рядом. Но есть места – Церковь и могила, где витает его дух, с которым ты соприкасаешься и получаешь все то, что получал при жизни.

2001

СУББОТИНА
АЛЕВТИНА НИКОЛАЕВНА,
ЖУРНАЛИСТКА

«Высокие душевные качества
не позволяли ему порицать
или осуждать людей»

Впервые мне довелось услышать о настоятеле Преображенского кафедрального собора протоиерее Николае Винокурове в музейных стенах. Было это в 1989 году, когда в зале музея Первого Совета Ленинский райком партии проводил очередное заседание клуба пропагандистов «Срез». Каждый месяц готовился новый выпуск этого своеобразного устного журнала, «на страницах» которого выступали и делились размышлениями о жизни города, страны самые разные люди. Бывали интересные для всех дискуссии, бывали, чего греха таить, утомительные для людей темы и разговоры. Тогда аудитория теряла внимание, организаторам становилось неловко перед приглашенными за шум в зале.

Но однажды, по совету бывшей тогда директором музея Э. Горбуновой и по настоятельным просьбам самих пропагандистов, были приглашены на «Срез» священнослужители. Это как раз и был отец Николай вместе с отцом Анатолием Анисимовым. До сих пор

помнится впечатление от их участия во встрече: достоинство в поведении, неторопливая речь, мягкость интонаций... и внимание, которое не ослаблялось ни на миг на всем протяжении довольно длительного выступления священнослужителей.

Запомнилось это не только мне. Возвратившись в свои коллективы, пропагандисты, это мне известно, много рассказывали о необычных еще в ту пору гостях светского мероприятия.

Мне же отец Николай запомнился настолько хорошо, что когда в новой «Ивановской газете», которая с первых своих номеров отличалась «лица необщим выраженьем», возникла необходимость привлечь для участия в выпусках служителей Русской Православной Церкви, то я прямой дорогой направилась к секретарю епархиального управления отцу Николаю. Сейчас я вспоминаю, что была задумка получить от него комментарии на несколько писем, поступивших в редакцию. В то время мы, мирские люди, принимали на себя первые волны всяческих материальных нехваток, питались по карточкам и сердились на ближних, чей кусок казался нам обильнее и слаще. Вот несколько таких сердитых писем и принесла я для ознакомления отцу Николаю.

Мы долго разговаривали, но комментировать письма отец Николай не стал. Тогда это вызвало мое недоумение, но с годами пришло понимание, сколь мудр и тактичен был этот

человек. Высокие душевные качества не позволяли ему порицать или осуждать людей, которые, может быть, в наигорчайшую свою минуту, выплеснули настроение на бумагу.

«Не судите, да не судимы будете...» Я прочла эту мудрость в первых своих религиозных книгах, на некоторых из них дарственные надписи отца Николая.

А сотрудничество «Ивановской газеты» и епархии все же состоялось и вылилось в регулярно публикуемые на ее страницах «Субботные проповеди». Слово пастыря к читателям исходило от владыки Амвросия, готовили «Субботные проповеди» отец Анатолий Анисимов, в монашестве отец Августин, отец Амвросий (Юрасов), отец Сергей Арбузин, отец Михаил Дзичковский.

Конечно же, писал их и отец Николай. Чтобы заполучить очередной текст проповеди, я не однажды стучалась в дверь его дома на ул. Новосибирской, видела скромность обстановки, в которой проживали священник и его во всем помощница – сестра. И книги, множество духовной литературы, говорившей о глубоких познаниях и многих размышлениях.

Из этого доброго дома не однажды поступало пополнение книг и брошюр для нашей редакционной библиотеки. К ним десятки раз адресовались те, кто готовил материалы на тему духовности, Православия.

«Субботные проповеди» ожидались читателями. Быть иначе и не могло. Представьте только:

в нашей суете, напряженности взаимоотношений соприкоснуться вдруг с духовной мудростью и прочитать на газетном листе:

«Не смущайтесь своего незнания молитв. Обращение к Богу может быть выражено своими словами. Если молитва искренняя, то Господь услышит.

Есть молитвы, составленные святыми подвижниками благочестия. Вот молитва последних Оптинских старцев: «Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне настоящий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей святой. На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня. Какие бы я не получил известия в течение дня, научи принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя. Во всех моих делах и словах – руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобою. Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом моей семьи, никого не смущая, и не огорчая.

Господи, дай мне силы перенести утомление наступившего дня и все события в течение его. Руководи моей волей и научи меня: молиться, верить, терпеть, прощать и любить. Аминь».

Пропустите слова эти со вниманием через свое сердце, и тогда эти молитвы, составленные другими, восходят к Богу как наши собственные. Если человек искренне желает веры Христовой, он должен добровольно принять

подвиг очищения, покаяния и искренней постоянной молитвы. Для нее нет преград, помолиться можно и в Церкви, и в пути, и во время дел.

Начните молитву, и вы узнаете, что она есть – свет, мир, радость и покой для души – жизнь вечная. А Господь Иисус Христос говорит всем и каждому: «По вере вашей будет вам».

Это одно из обращений к читателям протоиерея Преображенского кафедрального собора Николая Винокурова.

Как не вспомнить здесь о визите в Ивановскую епархию Предстоятеля Русской Православной Церкви, Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго! Мне представляется, что задолго до встречи на границе области такого почетного и желанного гостя отец Николай испытывал глубокое душевное волнение и радость. Доброе отношение Патриарха, кажется, прибавляло отцу Николаю сил и энергии. Он поспевал всюду, куда направлялся Патриарх в дни визита. А маршрутов было множество, и нам, журналистам, было не обойтись без квалифицированного комментария отца Николая всех происходивших в те августовские дни на ивановской земле событий.

А однажды... Этот день останется в моей памяти навсегда. На территории Ивановской женской колонии, где Патриарх Алексей Второй только что освятил новую часовню и благословлял подходивших к нему женщин – и служащих, и заключенных, – отец Николай

вдруг взял меня за руку и... подвел под благословение к Патриарху. У меня от волнения чуть ноги не отнялись: в руках блокнот с ручкой, диктофон – все «снаряжение» журналистское, голова не покрыта, да и обстановка непривычная... Не успела глазом моргнуть, как оказалась перед улыбающимися мне глазами Патриарха. Отец Николай был искренне доволен и рад за меня.

Весть о его серьезной болезни застигла меня в приемной епархиального управления, куда пришла за Рождественским посланием Владыки к читателям газеты. Мои молитвы о здоровье отца Николая, наверное, присоединились к тысячам других.

Господь судил мне встретить отца Николая еще раз. Оправляясь от болезни, он прогуливался с сопровождающей неподалеку от Свято-Введенского монастыря. Поначалу не узнал меня, а когда назвалась, растрогался, вспоминал, как помогал нести слово Божие читателям «Ивановской газеты». Так разволновался, что сопровождавшая его женщина, щадя его, постаралась поскорее закончить этот разговор на улице. В тот день я получила благословение отца Николая в последний раз.

2001

ПЕТРОВИЧЕВА ГАЛИНА ИВАНОВНА,
КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
ДОЦЕНТ

«Он был скромен и мудр, добр, ласков,
прост и искренен. Поэтому и любили его все,
тянулись к нему, верили в него до конца»

Все знают, что Бог есть любовь. Но не многие могут любить ближнего своего, как самого себя. Все знают, что надо быть добрыми, вежливыми, терпимыми, но как мало в нас доброты, внимания к нуждам окружающих нас людей. Все верующие в Господа нашего Иисуса Христа помнят прекрасные слова апостола Павла о сущности любви, сказанные им в 1-м Послании к Коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует... не завидует... не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине... все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею... всю веру, а не имею любви, – то я ничто» (Кор. 13: 4-8, 2).

Отец Николай Винокуров нес в своем добром сердце любовь ко всем, с кем он общался: и к тем, которых знал сорок лет, и к тем, кого увидел впервые, но кого также успел обласкать своим добрым взглядом и словом утешения или напутствия.

Я увидела отца Николая впервые в Свято-Введенском монастыре. Он стоял около храма во дворе монастыря, плотно окруженный сельниками. Слышались смех, веселые возгласы и голос отца Николая, видимо охотно шутившего со своими собеседниками.

Мне сказали: «Что Вы стоите? Идите скорее, это же отец Николай Винокуров, очень благодатный батюшка». Я было решилась подойти, но стеснение и опасение, что разрушу счастливый момент, остановили меня. Но, слава Богу, познакомиться с этим чудесным человеком и богоносным священником довелось. Я несколько раз приходила на литургию в Преображенский собор, когда мне накануне говорили, что будет служить отец Николай. Как он служил! В голосе, в глазах его, во всей фигуре, в движениях, в каких-то едва уловимых флюидах души, в мягком голосе, полете руки, которой он крестообразно осенял молящихся, явно звучала чистая бессеребряная доброта сердца, большая, искренняя, неподдельная любовь, ясность православного настроения, правда и красота. Он верил в Бога, в спасение верующей души, был спокоен и радостен — и это передавалось нам, смотрящим на него во все глаза, затаившим дыхание, верящим каждому его слову.

А как он читал молитвы! Так просительно-кротко, с сияющим лицом, со слезами в глазах! После службы всегда обращался к плотно подошедшим к нему прихожанам, говорил очень просто, но так сердечно. Звал верить Господу, покаяться в содеянных грехах, обрести мир в

душе. А главное – он не страшал, не пугал, не грозил Божией карой и адом. Наоборот, успокаивал, утешал, говорил о любви. «Любите Господа!» – как сейчас слышу его призыв. Мне иногда казалось, что отец Николай сейчас заплачет – такое умиление перед Господом чувствовала его нежная христианская душа.

И говорил коротко, не утруждая людей молящихся, не желая мучить их, утомлять. Он был скромнен и мудр, добр, ласков, прост и искренен. Поэтому и любили его все, тянулись к нему, верили в него до конца.

Вот подходим к кресту. Каждому отец Николай находил слова утешения, нужные именно в этот момент именно этому человеку: «Как зовут-то тебя? Татьяна? Татьянушка, на вот тебе молитовки, читай, выучи даже наизусть». «А твое имя как? Валя? Валентинушка! Ну, здоровья тебе! Ходи чаще в храм-то». И вручал листочек «таинство покаяния». Молодого паренька, уходящего в армию, отвел в сторону, о чем-то тихо говорил ему, потом осенил крестом и погладил по голове. Вот и мой черед подошел. Я не забуду никогда этот ласковый, веселый взгляд, почти смеющееся лицо: «А, Галина! Мир, тишина». И он довольно крепко постучал по моей чернобурковой шапке ребром креста. Я пожелала отцу Николаю крепкого здоровья, смутившись, что без платка (ненавижу эти платки!). Но он не укорил меня, что я в меховой шапке, а очень ласково поблагодарил, снова осенил крестом и благословил. Я буквально на крыльях отлетела от него, радость

заполнила сердце. И стало хорошо, весело на душе. Я и сейчас переживаю это чувство.

А люди подходили к нему. И я снова подошла: «Отец Николай, дорогой, помолитесь о здоровье нашего родного владыки Амвросия». Отца Николая словно приподняло. Он заулыбался: «Давайте вместе, повторяйте за мной». И мы, глядя на икону Спасителя, помолились: «Господи, Ты все знаешь и можешь. Дай здоровья нашему дорогому владыке Амвросию, и пусть он долго управляет Ивановской епархией».

Я сердечно поблагодарила отца Николая, даже на радостях поцеловала его в правую щеку. Он засмеялся, и все, кто стоял рядом с нами, заулыбались.

Так несколько раз я просила отца Николая помолиться о здоровье Владыки, и он ни разу не отказался это сделать. А после поздней литургии, на которой я видела отца Николая, он сам, когда я подошла за благословением, сказал мне: «Галинушка, молись о здоровье Владыки. Я-то всегда молюсь».

Как-то Катя (Катерина в валенках, как ее все называют) сказала ему, что я ложусь спать в три часа ночи, поэтому у меня произошло кровоизлияние в глаз. Подхожу после службы к отцу Николаю, – сейчас постучит меня по голове или по плечу крестом, – а он умоляющим голосом, почти плача, говорит мне: «Галинушка, милая, ты уж береги себя, что это ты в 3 часа ложишься? Так нельзя. Ведь здоровье – это тоже дар Божий. Береги его. Вот я тоже занимался ночами. Однажды но-

чью писал заметку в «Рабочий край». Вдруг закололо губы – insult случился. Береги, береги себя. Не дай Бог...

Я доверяла этому человеку. Дарила ему свои стихи, песни, кассеты. Как-то звоню ему: «Отец Николай, дорогой! У Вас есть Ивановское радио? Завтра в 6.20 я пою романс, послушайте!» – «Хорошо! Благодарю Вас!». И послушал! И поощрил! И успел благословить меня: «У Вас дар Божий».

Однажды зимой я подошла к епархии, чтобы передать подарок владыке Амвросию, – накануне его дня рождения. Я приготовила в ИвГУ на компьютере книгу – единственное издание во вселенной (в одном экземпляре!): обложка, титульный лист, вступительное слово, стихи, чередующиеся с изумительными фотографиями Владыки. В конце книги указан тираж, выходные данные – как положено. На обложке Господь, беседующий с Марией, Марфой и апостолами. А как передать? Вдруг подъезжают вишневые «Жигули», выходит отец Николай. Я к нему: «Отец Николай, пожалуйста, передайте вот это Владыке! Это мое поздравление ему к дню рождения!» Отец Николай весело засмеялся: «Ну вот, Вы меня опередили! А я думал, что самый первый его поздравлю!» И охотно взял пакет. Я просто в щеки расцеловала этого милейшего человека (и очень культурного!)... Он снова рассмеялся: «А передатчик-то какой!»

Пока отец Николай отсутствовал, я разговаривала с привезшим его Ивановым Валерием

Викторовичем. Так все было романтично и мило! Шел легкий снежок, вечернее небо с белыми облаками подсвечивалось огромным фонарем на воротах епархии, плакучие березы покачивали своими длинными косами. А рядом стоял милый Валерий Викторович, и я, чтобы скоротать время, читала ему свои новые стихи и успела спеть две песни. Он с таким вниманием слушал, что я поблагодарила его за чуткость и воспитанность души.

А вот и отец Николай в сопровождении иеродиакона Николая (Яковлева): "А Владыка-то так обрадовался! Я говорю: она меня даже расцеловала! А он: «Знаем, знаем кто»". И отец Николай рассмеялся. Я снова его расцеловала. «Давайте мы Вас отвезем домой. Где Вы живете? – предложил Валерий Викторович. – «В Пустошь Боре. Давайте сначала отца Николая, а потом уж меня». – «Нет, нет, – протестовал отец Николай. – Сначала Вас!» Я согласилась. Сели в машину. Впереди отец Николай, я на заднем сидении. Отец Николай начал вслух читать «Живый в помощи», потом прервался, обернулся ко мне: «Я всегда перед дорогой читаю девяностый псалом, и ничего с нами не будет». Когда он закончил молитву, я говорю: «А я Вам песню спою свою». И запела:

Мне все милей и дороже
Каждый мной прожитый день,
Благодарю Тебя, Боже,
Свет, побеждающий тень.

Дождь, листопад, непогода,
Солнце иль хмурая темь, –
Благодарить буду Бога
Я за сегодняшний день...

Когда закончила, отец Николай засмеялся:
«Хорошо! Да Вы как Шульженко поете!»

Как было мило, весело, мы много шутили. Но вот и мой дом. Выходить из машины не хотелось: «Эх, так бы вот ехать и ехать, – говорю. – Дали бы только кефир и хлеб – и ехать бы без конца!» – «А я Вам подарок сделаю!» – отец Николай развернул большой сверток-рулон и извлек из него календарь на 2000 год с изображением Святителя Николая Чудотворца, протянул мне. Я поблагодарила, вышла из машины, и вдруг сунула голову в дверцу, поцеловала отца Николая. А он снова весело смеялся. Но надо было расставаться. Наверное, уже пошел десятый час вечера. Валерий Викторович включил фары, они высветили стену дома, меня с развернутым календарем, черкнули по деревьям и машина тронулась. Отец Николай махнул мне рукой, Валерий Викторович кивал головой, а я так и стояла с развернутым календарем, пока свет задних габаритных огоньков заветных «Жигулей» не скрылся за поворотом.

Ах как было мило! Какой счастливый миг послал мне Господь! Как я благодарна этим двум добрым, культурным людям!

Я часто повторяю – и расцеловала – неслучайно. Отец Николай умел шутить, понимал

шутливый настрой, умел радоваться, видел мое сердце – тоже веселое и доброе. Когда я фотографировала его, он никогда не отказывался, хотя видно было, что смущен вниманием к нему. Как я благодарна ему за это! Остались фотографии – лучшая, живая память о живом отце Николае. На них он действительно живой, такой, каким я его хорошо знала: удивительно добрый, умный, ласковый, любящий, веселый человек.

Некоторые священники такой на себя вид напускают, что и подходить к ним не хочется. Или морализируют; даже ругают свою паству. Отец Николай – весь воплощенная доброта и ласковость, смирение и любовь. Я счастлива, что близко узнала его, успела сказать ему добрые слова, пообщаться и помолиться вместе. Жалею об одном: все хотелось прийти к нему в гости, да не посмела. Пришла к нему в дом, когда хозяин был уже далеко. В своих стихах, песнях, романах я буквально кричу людям: «Да любите друг друга!» Сколько вокруг нас прекрасных, добрых, талантливых людей, чудесных пастырей Церкви – есть у кого научиться любви! В сердцах наших навсегда будет жить светлый образ доброго отца Николая Винокурова! Так в память о нем давайте крепче верить и любить своего ближнего, как любил всех нас отец Николай, – один из лучших людей мира сего, один из лучших священников Православной Церкви, истинно человек Божий.

2001

ВШИВЦЕВ АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ,
ЧЛЕН СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ,
ЧЛЕН МЕЖДУНАРОДНОГО КЛУБА
ПРАВОСЛАВНЫХ ЛИТЕРАТОРОВ
«ОМИЛИЯ»

«Мне опять вспомнилась
наша первая встреча. И конфетка»

Так случилось, что отец Николай Винокуров стал, насколько я помню, первым священником, с которым я познакомился лично.

Лет 30 назад, или даже, может быть, чуть больше, по какому-то поводу я зашел в тогда еще кафедральный Преображенский собор. В ту пору я еще очень плохо знал практическую сторону Православия, хотя оно меня интересовало. В юности я даже читал книжки о Православии. Правда, это, в основном, была атеистическая литература. Но за неимением настоящих православных книг и атеистические читать мне было очень интересно!

И вот, в тот день, уже находясь в храме, я захотел поставить свечу перед иконой святителя Николая Чудотворца. Хожу по храму, гляжу по сторонам. Никак не могу найти эту икону. Вижу – из алтаря вышел священник. Я подошел к нему и немного смущаясь спросил: «Где тут у вас в храме икона Николая Угодника?». Батюшка улыбнулся в ответ и сказал,

кивнув головой: «Так вот же, вы около нее как раз и стоите!». И как-то сразу «зацепило» меня такое теплое, отеческое отношение ко мне этого человека. Добрая улыбка, светлые, как у ребенка, глаза...

– Батюшка, а как вас зовут?

– Отец Николай. На, возьми конфетку. Помолись об упокоении Сергия!

И отец Николай не спеша пошел к выходу из храма. А я так и остался стоять в растерянности с конфеткой в руке. Ну какая же связь между этой конфеткой и умершим неизвестным мне Сергием?

Мы не были близки с отцом Николаем. Я не исповедовался у него. Но его доброте, его теплоту ощущал всегда. И уже потом, когда стал потихоньку воцерковляться, всё чаще и чаще приходить в храм, всегда смотрел на отца Николая как на какого-то особенного человека, человека из другого, как бы параллельного нашему, мира.

Есть поговорка: всем мил не будешь, то есть не может человек всем нравиться. Думается мне, что тут эта поговорка не работает. Отец Николай нравился всем. Его все любили. Все любили этого доброго, в чем-то даже немного наивного, скромного человека. И сам он излучал доброту. Люди тянулись к нему. Когда открывали православную школу во имя Феодоровской иконы Божией Матери, и отец Николай совершал первый в ее стенах молебен, дети смотрели на него как на доброго волшебника. Он как магнитом притягивал их к себе.

Как-то встретил я отца Николая в час пик в центре города в мартовскую распутицу. С неба сыплет полуснег-полудождь, под ногами грязная снежная каша... Народ спешит по своим делам. А батюшка идет не спеша, как будто не замечая непогоды и толчеи вокруг. Скромное серое пальто, на голове неизменная заячья шапка-ушанка с опущенными ушами (так дети обычно носят), а на лице – всем нам знакомая добрая, светлая детская улыбка. И как раз в момент, когда мы практически поравнялись и я хотел уже поздороваться с батюшкой, его в бок пихнул какой-то модно одетый незнакомец, идущий сзади. И что-то буркнул при этом, типа: «Эй, старикан, подвинься, не мешай людям. Не болтайся тут под ногами!». Отец Николай чуть не упал при этом. Я поддерживал его. Страхнув с полы пальто ляпки снежной каши, которые там оказались в результате то ли неосторожных, то ли намеренных действий грубого незнакомца, батюшка тихо сказал: «Помоги ему, Господи!»...

Доброта. Настоящая христианская доброта, беззлобие, искренняя любовь были, мне кажется, главными чертами характера отца Николая. Для каждого у него было уготовано доброе слово. И очень часто не только слово, но и маленький подарок. Конфетка, пряник, печенюшка, просфора... Одна знакомая рассказывала, как она как-то раз пришла в храм в очень расстроенном состоянии. «На душе, говорит, кошки скребли. Плакать хотелось. И вижу –

отец Николай из алтаря выходит. Я к нему. А он погладил меня по плечу, улыбнулся, и говорит: «На, милая, возьми пирожок. Из алтаря он. Всю ночь в алтаре пролежал. И литургию тоже. С капустой он, а я не люблю с капустой. Хоть ты порадуйся!». – «Как же я тогда порадовалась – продолжает свой рассказ моя знакомая. – Все слезы ушли куда-то! Домой несла этот пирожок как великую святыню!».

Я очень люблю святителя Николая Мирликийского. Особо почитаю этого Божия угодника. Мои молитвенные просьбы к нему почти никогда не остаются безответными. Отец Николай Винокуров для меня стал как бы нынешним воплощением святителя Николая. Ведь именно он помог мне делать первые шаги в Православии. Именно он под видом той скромной конфетки посеял в моей душе семечко веры православной. Он стал, своего рода, апостолом для меня. И для других, наверное, тоже. Хотя, повторюсь еще раз, мы и не были с ним близки.

Отпевали отца Николая в том самом храме, где мы с ним и познакомились. После отпевания гроб крестным ходом пронесли вокруг храма. И, как и в истории, описанной мной чуть выше, был март и с неба валил снег. Крупные снежные хлопья изредка попадали на лицо почившего батюшки, и – о чудо! – таяли! А на устах – улыбка...

И тогда мне опять вспомнилась наша первая встреча. И конфетка.

– На, возьми. Помолись об упокоении...

Спустя несколько лет после того, как не стало отца Николая, я как-то зашел в один храм в нашем городе. Вижу – на столике возле свечного ящика лежит несколько потрепанных православных газет, пара потертых бумажных иконок и книжка в зеленом переплете. Так часто бывает. Православные люди приносят в храм ставшие по каким-то причинам ненужными вещи. И кладут их или на подоконник, или еще куда. Берите, люди добрые. Пользуйтесь. Мельком глянув на книжку, я сунул ее в сумку. Торопился.

Придя домой я понял, обладателем какого сокровища я стал. Книжка эта была курсовым сочинением по кафедре гомилетики Московской Духовной академии «студента-священника Николая Винокурова» (так на титульном листе). И называлось это сочинение «Архиепископ Черниговский и Нежинский Филарет (Гумилевский) и его проповедничество». Но и это не самое главное! На титульном листе книжки была дарственная надпись отца Николая! Не ко мне, конечно, обращенная, к другому человеку. Но, тем не менее...

Вот так у меня появилась еще одна, своего рода, домашняя святыня... Как отголосок той любви, той нежности, той доброты, которыми щедро одарял всех нас горячо любимый отец Николай.

2017

«...ЕГО СЛУЖЕНИЕ ОТЛИЧАЛОСЬ ПРОНИКНОВЕННОСТЬЮ»

ВОСПОМИНАНИЯ
МОНАШЕСТВУЮЩИХ И ПРИХОЖАН

МОНАХИНЯ
ЕКАТЕРИНА (НЕЛЮБИНА)

«Многие из сказанных тогда наставлений
батюшки стали путеводителями
по всей моей жизни»

На исповедь к отцу Николаю меня привела моя подруга. Я тогда только начинала ходить в храм, многое было непонятно. Батюшка очень мягко и осторожно стал говорить о грехе, боясь испугнуть, обидеть. Моя душа только начинала раскрываться для жизни в Боге, одним неосторожным словом можно было ее ранить. После нескольких исповедей у отца Николая постепенно начала рушиться стена, отделявшая меня от Господа.

Я стала еженедельно ходить в храм, всегда старалась получить благословение у батюшки. Начали налаживаться отношения в семье и на работе, все шло более-менее гладко и спокойно.

Часто ждали отца Николая во дворе храма. Он выходил – в плаще, шляпе, с большим портфелем в руках. При виде ожидавших его людей батюшка открывал свой портфель – и никто не уходил без подарка. Отец Николай дарил очень простые вещи – кому-то иконку, кому-то книжку, детям конфеты, но они радовали людей. Казалось, что портфель волшебный: подарков из него хватало всем, сколько бы ни было народа.

Многие из сказанных тогда наставлений батюшки стали путеводителями по всей моей жизни. Как-то обижалась на свою подругу, которая, как мне тогда казалось, оклеветала меня. Обида на нее мучила меня, не давая покоя ни днем, ни ночью. Пришла с этим на исповедь к батюшке. Он все выслушал и сказал: "А ты молись за нее: «Господи, спаси ее прежде меня, а потом и меня»". Тогда мне не был вполне понятен смысл этой молитвы. Но когда стала молиться, – пришло спокойствие. Эта простая молитва, которой научил меня отец Николай, до сих пор помогает справиться со всеми обидами.

Батюшка с большой любовью и заботой относился к каждому своему духовному чаду. Однажды я попросила у него благословения поехать на праздник Крещения Господня в монастырь. Он начал очень переживать, что я буду окунаться в прорубь, а на улице мороз. Велел мне взять полотенца, чтобы постелить на снег, чтобы не вставать голыми ногами и не простудиться.

Помню маленький домик у переезда недалеко от химзавода, где жил отец Николай со своей сестрой Шурой и больной мамой. Мы приходили туда, когда нам было плохо, был нужен совет. Казалось, что невозможно дожить до дня, когда батюшка будет служить в храме, нужно именно сейчас посоветоваться с ним. А он принимал, выслушивал, успокаивал, наставлял добрыми советами. Проблемы отходили, мы, счастливые, уходили домой.

Потом, когда отец Николай заболел, приходили туда его навещать. Навещали его и в больницах, куда он часто попадал в последние годы жизни. Однажды, свой день рождения батюшка проводил в больнице. Пришло много посетителей навесить его, а меня не пустили. Тогда его сестра Шура сказала мне подойти под окно его палаты. И отец Николай из окна третьего этажа больничного корпуса благословил меня деревянным крестиком. Я была счастлива, что батюшка помнит меня и молится обо мне.

Благодарна Богу, что встретила на своем жизненном пути пастыря, который своими любовью и терпением научил меня молиться, указал истинный путь православной веры.

После кончины отца Николая в трудные моменты жизни приходила к нему на могилку, разговаривала с ним, рассказывала о своих проблемах. И по молитвам отца Николая все налаживалось.

2017

МОНАХИНЯ АННА (НЕЛЮБИНА)

«Каждого, кто подходил к нему,
он встречал любовью и искренней радостью,
как самый любящий отец»

Даже воспоминания об этом человеке наполняют меня теплотой, они идут из детства и в моем детском восприятии сам батюшка воплощал любовь. Я свято верила, что если апостола Иоанна Богослова называют апостолом любви, то отец Николай был именно такого же духа.

Первый раз на исповедь к отцу Николаю я попала, когда мне было одиннадцать лет. Шел 1992 год, умерла моя бабушка, это была первая потеря близкого человека в жизни, она настолько потрясла меня, что после похорон началась сильная опоясывающая боль в области живота, поднялась температура под сорок. Приехавшая врач сочувственно покачала головой, дала больничный на неделю. На следующий день температура снизилась, но живот все еще болел. Мама предложила съездить в кафедральный собор, помолиться за бабушку и исповедаться, чтобы стало легче, и я согласилась. Надо сказать, что это была не первая моя исповедь, мы с мамой и младшей сестренкой каждое воскресенье ездили в храм Илии пророка в Воробьеве, приходили на исповедь

к отцу Филарету и обе с сестрой, заранее обговорив, говорили одно и то же: «Маму не слушаюсь», но говорилось все только для того, чтобы хоть что-то сказать, а то ведь до причастия не допустят. Что такое исповедь, для чего она нужна, я совсем не понимала, хотя взрослые объясняли. Помню, даже пыталась очень внимательно слушать проповедь настоятеля после Евангелия на литургии, но ничего не поняла, почему-то решив, что это у батюшки с дикцией проблемы.

Приехали мы в собор и пошли в крестильню, где исповедовал отец Николай. Уже шла общая исповедь, батюшку я не видела: его плотным кольцом обступили исповедники. Мы скромно встали сзади и тоже стали слушать. Очень болел живот, и исповедь я почти не слушала из-за боли. Хотела попросить маму выйти, как услышала: «Дайте девочке стульчик, девочке плохо». Батюшка сам подошел ко мне, вывел вперед, посадил на стул, взял за руку и спросил, что у меня болит. Услышав, что болит живот, он почему-то очень обрадовался, крепко сжал мои руки и сказал: «Это ничего, скоро пройдет, главное, чтобы сердце не болело». Я так и осталась сидеть на стуле, а отец Николай продолжил исповедь. Теперь было слышно каждое слово и не просто слышно, но и понятно. Каждая фраза просто впечатывалась в сердце. Уже став старше я поняла, что ничего нового тогда не было сказано, но все было действительно понято, один раз и

на всю жизнь. Я даже не заметила, что живот больше не болит, и больше так никогда и не болел. На следующий день была среда, мама сварила детям сосиски, и тут до меня дошло, что ведь среда это постный день, возвращаю тарелку назад и говорю, что вчера на исповеди отец Николай говорил, что в среду и пятницу мясо грех есть. Так я начала соблюдать посты, несмотря на переживания родителей.

Мы стали часто ездить на исповедь к отцу Николаю всей семьей. Хотя раньше папа не ходил с нами в храм, но к отцу Николаю он испытывал большое уважение. Батюшка венчал родителей. Каждый раз, подходя под благословение, я чувствовала его любовь и заботу. Нам, детям, батюшка дарил подарочки, это были листочки с молитвами, детская библейская история или какая-то иконка, которые отец Николай носил с собой в большом черном портфеле. Он всегда что-то в нем долго искал, потом доставал и радостно говорил: «Ну, давай посмотрим, что тебе досталось». Благословляя, обязательно говорил какое-то наставление. Это воспринималось не как наставление, а как отеческая забота. Простые истины говорились с такой любовью, что очень стыдно было их не выполнить. Мое отношение к исповеди в корне изменилось, каждый раз, ожидая своей очереди в крестильне, я вспоминала все, в чем обличала совесть, было очень стыдно и хотелось исправиться, а батюшка как всегда прижимал мои руки к своему сердцу и наставлял с такой

любовью, никогда не обличая и стараясь не обидеть. Отец Николай часто повторял, чтобы мы любили друг друга, а если поругались, то обязательно просили прощения и мирились, пока не зашло солнышко. Каждого, кто подходил к нему, он встречал любовью и искренней радостью, как самый любящий отец, и этой любви хватало на всех.

Незадолго до смерти отца Николая мне приснился сон. Много народа стоят в храме пророка Илии и все ловят белого голубя, летающего по храму. Вдруг открываются Царские врата в приделе Рождества Пресвятой Богородицы, выходит отец Николай, поднимает спокойно руки, а голубь как бы растворяется в его руках.

Мы часто ездим на могилку к отцу Николаю, поминая его. Я верю, что он угодил Богу и также молится у Престола Божия за каждого из нас со всеми Иваново-Вознесенскими святыми.

2017

ИНОКИНЯ ФОТИНИЯ (МАРКОВА)

«Жил на земле рядом с нами святой...»

Я лично знаю и очень хорошо помню отца Николая Винокурова. Я работала медсестрой в 1-й городской больнице. Он приходил в больницу к нам в отделение, когда родственники кого-то из больных приглашали его посетить, причастить перед операцией.

Если он приходил в палату, то приходил не к одному этому человеку, к кому вызывали, а беседовал потом со всей палатой, с каждым индивидуально. После того как поговорит здесь со всеми, выходил в коридор и шел дальше в другие палаты. И там так же с каждым беседовал, каждого благословлял, каждому говорил какое-то доброе слово, отдавал свое тепло. Врачи его тоже все очень любили. Он с каждым беседовал. Мало того, он приходил всегда не с пустыми руками, а с огромным портфелем. Там были и яблоки, и апельсины, чего только не было! Все эти гостинцы батюшка раздавал, и всем им хватало. Когда заканчивалось в портфеле что-то съедобное, он доставал кошелек, и сколько было денег в кошельке, все раздавал. Кому-то не хватало на лекарства, у других не было родственников, кто бы пришел, что-то купил, принес. Все это он давал

безвозмездно. И уходил уже с пустым портфелем и пустым кошельком. Так было каждый раз. Когда он приходил, его уже все ждали. Всё отделение знало, что идет самый добрый священник нашего города. Все его знали, отца Николая. Все его ждали. После его посещений люди сразу начинали выздоравливать. Если он благословлял на операцию, то операция проходила всегда успешно, и после нее быстро шли на поправку.

В то время, в 1990-е годы, проходила чеченская кампания. Верующие в городе знали, что если родители привозили сына к нему на благословение, кого отправляли в армию в Чечню, то ребята возвращались оттуда живыми и здоровыми. Со всего города стремились к нему попасть под это благословение. Каждого он напутствовал, что-то говорил, и с каждым обязательно молился. У него была такая вот черта, что если человек пришел к нему в дом, он обязательно всех кормил. Сначала накормит, а потом с каждым отдельно молится. Вставал сам у икон и вслух молился, просил Бога, Матерь Божию. Никто не уходил от него без такого молитвенного напутствия.

Доброта и щедрость его безграничны! При мне был такой случай. По соседству с их домом жили люди с небольшим достатком. И вот при мне соседи к ним пришли, позвонили. Сестра отца Николая, сейчас схимонахиня Досифея, а тогда – Александра. Он ее называл Шурочка. «Шурочка, выйди, посмотри,

кто там пришел». Она заходит в дом: «Да вот, соседи просят консервов на суп». – «Ну, Шурочка, ну слазь в погреб, достань». Матушка полезла, достала им консервы, вынесла. Приходит, руками так и всплеснула: «Не такие, говорят! Не нужно им в томатном соусе. Хотят в масле». Нам бы тут всем возмутиться, мол, бесплатно, а еще и выбирают, как в магазине. А отец Николай так тихо смиренно говорит: «Ну что же, Шурочка. В масле, так в масле. Слазь еще разочек, достань им в масле консервы, дай». Вот такая у него была удивительная доброта. Совершенно никогда не раздражался, не возмущался. Мог раздать все, что у него было в доме. И поток народа к нему всегда был нескончаемый, с утра до ночи. Люди ехали, шли. Телефон беспрестанно звонил. У него не было ни минуты покоя. И все равно он каждого человека встречал так, как будто он был для батюшки один-единственный. Умел времени уделить столько, сколько нужно, всех обогреть, всех и каждого накормить, всем сказать доброе слово, со всеми помолиться. При этом успевал еще по телефону всем отвечать, и также со всеми молиться, и благословлять даже по телефону, то есть такой человек... у меня было ощущение соприкосновения со святостью. Жил на земле рядом с нами святой. Это было неизменно, сколько лет я его знала, всегда он был таким.

Еще одна особенность: каждого, кто к нему приходил в дом, он потом провожал на

остановку. Так у него было заведено, что он не только до порога провожал, но и на остановку. И та трагедия, стоившая ему жизни, случилась, когда он по обычаю свою духовную дочь проводил до остановки, хотя после инсульта ходил уже с палочкой. Она села в троллейбус, он отправился, а в это время отца Николая сшибла машина, въехавшая на тротуар. Так вот он даже и пострадал в этой своей безграничной доброте и любви. Мы ходили к нему в дом с мамой. Нас тоже каждый раз кормили. Мне казалось, что этой кастрюли с необыкновенными щами, которые варила матушка Шура, хватало на всех, она у них как будто сама наполнялась. Потому что и с нами приходил народ, и после нас, и всегда эта кастрюля была полная щей, они не кончались с утра до вечера каждый день. Человек сто пройдет, и всем эти щи наливают из этой же кастрюли.

Приходили мы со своими проблемами или просто поздравить с праздником. И даже если на минуточку забежишь, он всегда говорил: «Девчонки, садитесь, покушайте. Сейчас покушаем, потом помолимся с вами». Говорил медленно так, протяжно, не торопясь. Сразу такое умиротворение наступало рядом с ним. И сам сядет с нами, покушает немножко. Потом молился. Только после этого благословлял. У него было особенное благословение. Он брал крест и всегда так широко, размашисто, чуть ли не со спины, с головы до ног тебя крестил. Становилось хорошо, легко, летели от него, как на крыльях.

После его кончины, сколько лет прошло — мы с мамой, монахиней Алексией, каждый год ходим на кладбище к нему в часовню над могилкой. За ней постоянно кто-то ухаживает. Особенно бездомные любят ухаживать, сажают там цветы. Они к нему при жизни шли толпами. Он их тоже очень любил, всегда помогал и продуктами, и деньгами. Они помнят его доброту, его заботу, и в знак памяти приходят, ухаживают за могилой.

И сейчас даже говорят в Иванове, что кто ходит, молится, просит на могилке отца Николая, то он слышит и помогает. Люди в бедах стали прибегать к его могилке.

2017

МУСИНА ЕКАТЕРИНА ДАНИЛОВНА

«И мне лично пришлось испытать
силу молитв отца Николая»

...Хочу поделиться своими впечатлениями о силе молитв отца Николая. Когда отец Николай заболел, мне пришлось помогать по хозяйству ему и его сестре, и многих чудесных событий довелось стать свидетельницей. Как-то пришли к нему муж с женой в полном отчаянии. Из-за крайней нужды они хотели покончить жизнь самоубийством. Отец Николай сказал им: «Прочь такие мысли! Давайте лучше встанем на колени и помолимся». И тут же сам преклонил колени. Встали рядом и они, начали молиться. На другой день эти люди прибежали со слезами на глазах и сказали, что уже утром следующего дня им предложили работу. Они и их ребенок были спасены от нищеты. Не имея чего подарить отцу Николаю, они принесли старый телефонный аппарат. «Зачем он мне? У меня есть свой», — удивился и засмеялся батюшка, но ему большого труда стоило уговорить их забрать подарок обратно.

Другой раз женщина звонила по телефону и, рыдая, просила помолиться о ее сыне, которого арестовали. И тут же отец Николай

начал молиться, молилась с ним и рыдающая мать. А через три дня она звонит радостная – сына выпустили! Много было случаев, когда люди приходили с просьбой помолиться за близких родственников, некоторые из которых были почти при смерти. И всегда отец Николай видел источник помощи в молитве. Причем никогда он не молился один – заставлял молиться и пришедших, и тех, кто был в доме. Иногда давал святую воду, освященное масло. И Господь слышал его молитвы – больные выздоравливали. И мне лично пришлось испытать силу молитв отца Николая. Я живу на первом этаже в коммунальной квартире, дома бываю редко. Поэтому просила батюшку молиться, чтобы Господь сохранил мою комнату и мое имущество. При слове «имущество» он всегда смеялся: «Какое у тебя имущество?» Однако мы с ним часто об этом молились. И вот однажды в окно моей комнаты полезли воры – хотели через нее попасть к соседям, людям более состоятельным. И удивительно, что они не смогли взломать хлипкое окно! Все, кто потом видел это окно, удивлялись: ведь его пальцем тронуть и оно развалится, а воры топором не смогли его взломать! Была у меня тяжелая болезнь – артрит. Я почти не могла ходить. Лекарства не помогали. И я попросила отца Николая помолиться, чтобы я выздоровела. Он начал молиться за меня, помазывал больные ноги освященным маслом. И вскоре болезнь практически полностью исчезла. Врач,

к которому я до этого обращалась, очень удивлялся, и сказал: «Это исцеление произошло у тебя по молитвам отца Николая». И сейчас, после кончины батюшки, я всегда в трудные моменты жизни обращаюсь к нему: «Отец Николай, научи меня, как сказать правильно, как сделать правильно». И его молитвами Господь меня хранит.

2001

МЕДИОКРИТСКАЯ ТАМАРА НИКОЛАЕВНА

«При своей высокой духовности,
батюшка был необыкновенно прост»

Николай Макарович Винокуров – это первый священник, к которому я, уже взрослая, пришла на исповедь. Он был и первым моим наставником, когда я, уже взрослая, но как младенец окунулась в мир близкий, сокровенный, но во многом непонятный.

Вспоминаю, как при первом знакомстве Николай Макарович бережно, тактично касался самого сокровенного, дорогого, как помогал научиться слушать и понимать службу. Сначала служба шла сама по себе, а я находилась в своих мыслях; позднее пришло нервное состояние непонимания службы. Духовной литературы я не читала, в храм пришла через раненное жизнью сердце. Первая служба, которая коснулась моего сердца – пасхальная. Сердце ликовало, все существо было наполнено восторгом. Долгое время, чем бы ни занималась, во мне звучало: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Душа трепетала, она как губка впитывала духовное пение, успокаивающее и, в то же время, зовущее в мир духовной гармонии и чистоты.

Когда служил отец Николай, его служение отличалось проникновенностью, его негромкие возгласы, пропущенные через сердце, западали и в глубину душ молящихся. При своей высокой духовности, батюшка был необыкновенно прост и доступен для прихожан, мог, как ребенок, радоваться подаренному ему большому кабачку, яблоку...

Вспоминаю трудные моменты моей жизни, когда безнадежность приводила меня к отцу Николаю, уже тяжело больному человеку. Он всегда умел успокоить.

Вспоминаю встречу с ним после смерти мамы... Я не ела, не пила, на ноге почернели пальцы, уныние охватило меня, физически ощущала рядом смерть. Но Ангел хранитель вел меня в храм. Однажды я рассказала батюшке о своем состоянии, но он сказал, что я не одна, а с Богом, вынул икону Успения Пресвятой Богородицы, сказал, что она молится обо мне и не допустить ничего плохого. Огромное спасибо отцу Николаю, что помог мне выйти из этого состояния!

Вспоминаю и последний мой визит к батюшке, когда он уже был болен. Врачи настаивали, что мне нужна операция глаза, а я не могла решиться. Отец Николай выслушал, сначала попытался, уговорить, но, узнав, что я неизлечимо больна, положил свою тяжелую руку мне на голову и сказал: «Матушка, тебе будут преткновения» и благословил. Вскоре повторился инсульт. Господь дал понять Его волю: Он дал посильный крест, который нуж-

но нести. С тех пор отогнала мысли об операции и прошу Богородицу покрыть меня Ее омофором, и умолить Ее Божественного Сына, чтобы не допустил остаться совсем без ног, без глаз и не разложиться (я живу одна).

Вспоминаю, как отец Николай выносил крест и каждого благословлял. Народа в храме было много, но даже будучи тяжело болен, батюшка находил силы и время с каждым поговорить, кого-то наставить, кого-то утешить. Его благожелательный взгляд проникал как бы в самую глубину души кающегося, и каждый отходил с просветленным лицом.

Весть о трагической гибели любимого батюшки больно ударила в сердце. Отца Николая я воспринимала не только как священника, но и как отца, безгранично уважаемого и любимого. Благодарю Господа, что помог найти силы прийти проститься с дорогим и любимым человеком. Он лежал такой торжественный, с Евангелием и крестом в руке, с едва заметной улыбкой, будто Сам Господь принял его в Свои объятия. Быть на похоронах я не смогла, но потом меня стало необъяснимо тянуть на кладбище. И вот я там... Всматриваюсь, ищу свежую могилу, не вижу... Какая-то душевная боль охватила мое сердце, оглядываюсь и вижу крест с надписью: «Николай Макарович Винокуров». Слезы радости и благодарности хлынули из глаз...

Каждое посещение могилы отца Николая было для меня сопряжено с ощущением

какой-то благодати. Однажды мы с знакомой шли во время дождя. Но стоило войти в ограду — дождь кончился, выглянуло солнце... Мы побыли у безгранично дорогого холмика, утопающего в цветах, помолились перед образами с лампадкой. Стоило закрыть ограду — вновь начался сильный дождь... Думаю, что отец Николай — святой человек, сеявший на земле разумное, доброе, вечное скромностью своей жизни, внутренней притягательностью, глубиной сопереживания, искренней верой. Да воздастся ему по его вере! Вечная память отцу Николаю!

2001

МИЛОВИДОВА
МАРГАРИТА АЛЕКСАНДРОВНА

«Пока я жива,
он останется в моей памяти»

Я очень сожалею, что не смогла проводить в последний путь отца Николая Винокурова: болела, а о его смерти узнала из газеты уже после похорон. Но теперь, посещая могилы родителей на кладбище в Балино, обязательно захожу поклониться отцу Николаю. Хочу поделиться своими воспоминаниями о нем.

Мой отец, Миловидов Александр Иванович, служил протодиаконом в Преображенском соборе Иванова с 1947 по 1974 год. И последние годы жизни в этом соборе он служил вместе с отцом Николаем.

Когда отец 13 сентября 1974 года возвращался со службы, с ним случился инсульт. Мы общили в собор о болезни, и первым навестить его пришел отец Николай. Он же его и соборовал. А когда нас постигла тяжелая утрата, опять первым в нашем доме был отец Николай, который облачил умершего протодиакона, проводил его в последний путь на кладбище, хотя тогда это было запрещено. И когда мы прощались с папой перед погребением, мама сказала: «Хоть бы оставил нам что-нибудь на прощание». У кого-то оказались ножницы,

и отец Николай отрезал прядку седых волос, которые у меня хранятся до сих пор.

Через два года тяжело заболела мама. Она попросила пригласить священника причастить ее. Я позвонила отцу Николаю домой, рассказала о моем горе. Он пришел уже на следующий день, исповедал, причастил и соборовал маму. А через некоторое время он же и отпевал ее в соборе.

Мой отец родом из Шуи, поэтому я передала в Шуйский музей документы, фотографии. А у отца Николая оказалась любительская магнитофонная запись службы Отдания Пасхи, хотя в то время это делать запрещалось. Он на время дал ее мне. Эту запись прослушали на юбилейном вечере в музее, после чего я с благодарностью вернула ее отцу Николаю.

С какой бы просьбой я не обращалась к отцу Николаю, он всегда старался решить мои проблемы. В 1994 году исполнилось 20 лет со дня смерти отца, и мне захотелось, чтобы на его могиле отслужили панихиду. В соборе к тому времени остались только два человека, которые служили с папой и которых я знала. Это владыка Амвросий и отец Николай, к которому я и обратилась со своей просьбой. Самому ему было сложно поехать из-за состояния здоровья, и он познакомил меня с настоятелем собора отцом Сергием, попросил мне помочь. 26 сентября 1994 года отец Сергей с матушкой заехал за мной на машине, после чего отвез меня на кладбище, где от-

служил заупокойную службу на могиле моих родителей.

Отец Николай всегда с большой теплотой и сердечностью вспоминал моих папу и маму, говорил, что всегда поминает отца Александра и матушку Александру в своих молитвах.

Однажды я пришла на службу в собор и из алтаря слышала такой знакомый голос, который не спутаешь ни с каким другим. Подумала, что мне это показалось. Но потом из алтаря, осторожно и тихо передвигаясь, вышел отец Николай, изменившийся после болезни. Когда я подошла к нему под благословение, спросила: «Узнаете ли Вы меня?» Он ответил: «Маргарита Александровна».

Вот несколько моментов из моей жизни, связанных с отцом Николаем. И пока я жива, он останется в моей памяти вместе с родителями и погибшим на войне братом.

2001

«...ДЛЯ БОГА ДОРОГА КАЖДАЯ ДУША»

АНОНИМНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Примерно через год после кончины протоиерея Николая Винокурова, уже после выхода книги «Человек Божий», мне принесли листки с воспоминаниями разных женщин о том, какую роль отец Николай сыграл в их жизни. Большинство из них хотели остаться анонимными, сейчас уже и невозможно вспомнить, кто их передал. Еще одни такие воспоминания были переданы мне уже в ходе подготовки данного издания, в рамках которого мы все их публикуем, так как они хорошо передают то отношение, которое было к отцу Николаю у его духовных чад, а у него к ним; те чудесные события, которые происходили в жизни некоторых из них по молитвам протоиерея Николая.

А.А. Федотов



БЕЗ УКАЗАНИЯ АВТОРСТВА

"Мне всегда говорил:
«По вере да будет тебе!»"

Прошел уже почти год, как нет рядом с нами нашего батюшки отца Николая. А я не верю, что его нет рядом с нами, потому что все

время ощущаю его присутствие. Взываю к нему, прошу его молитв и верю, что он молится за всех своих чад.

Прости меня, мой дорогой батюшка, отец Николай, я растерялась и стала унывать. Да, тяжело потерять такого любящего учителя, утешителя, мудрого наставника. Со всеми бедами, со всеми тяготами жизни я шла к тебе, дорогой отец Николай.

Помню, когда еще в начале восьмидесятых годов смерть моего сына познакомила нас, я часто приходила к Вам домой, в Вашу маленькую комнату в приделке. На диване лежала Ваша любимая больная мама, и Вы оставляли меня с ней поговорить, а она всегда меня успокаивала.

В моей семье тогда никто не верил в Бога, мне не разрешали ходить в храм, а моя душа тянулась к Господу, ведь у Него уже был мой сын Феденька. И Ваша мама, Анастасия Александровна, всегда говорила: «А ты молись о муже, о старшем сыне, чтобы Бог дал им веру. Не перечь мужу: не пускает в храм – не ходи, а продолжай молиться, и Господь тебя услышит». И все это сбылось. Муж и сын пришли к Богу, крестились, мы с мужем венчались. Все это произошло и по молитвам отца Николая. Сколько ему нужно было молитв, сил и такта, чтобы привести к Богу моих домочадцев! Он не только мне дарил духовную литературу, но и посылал в подарок подписанные им книги моему мужу и сыну.

Хочу привести то, что отец Николай написал на книге «О вере, неверии и сомнении», подаренной моему мужу:

«Глубокоуважаемому Л.Ф. – на добрую память и в духовное назидание для приобретения духовной мудрости. Дорогой мой Л.Ф., для Бога дорога каждая душа, а Господь открывается чистому смиренному сердцу. Почитайте эту книжечку, правда, все, что касается вечного, духовного, что касается веры, общения с Богом Творцом, трудно дается и демоническая сила употребляет все ухищрения, все коварство, чтобы не допустить человека для познания истины, отвлечь более на временное, преходящее, чтобы человек больше жил только одной стороной телесной, все для тела и мизерность для души или вообще ничего. Да хранит Вас Господь. С искренним уважением. Прот. Н. Винокуров.

Поминайте имя Господне в молитве и побуждайте духа злобы именем Иисуса Христа. Бог Вам в помощь. 13.5.93.».

После болезни отца Николая мы с моей подругой Г.Н. часто ходили к нему домой поисповедаться, поговорить, окунуться в ту благодатную атмосферу, которая была в его маленькой комнате. Теперь на том диване, где раньше лежала его любимая мама, сидел сам наш добрый батюшка отец Николай. Помню, как он тепло нас встречал. «Девчонки мои пришли», – улыбался он. Мы боялись его лишний раз утруждать, просили сказать, к кому мож-

но идти исповедаться. Он же говорил: «Приходите всегда ко мне». И мы ходили к нему.

Много было проблем, о которых не каждому можно рассказать, но отец Николай знал о нас все. Молился за нас, отмаливал от больших бед и напастей. И нас просил молиться о нем, говорил: «Мы все листочки одного дерева, у которого одни корни». А мы шли к нему не только с проблемами, но и болезнями. И тогда он призывал всех своих домочадцев (Екатерину и сестру Шуру), мы все молились, просили помощи у Господа. Потом он брал свой деревянный крест и благословлял нас. Положит свои руки на голову и так ласково скажет: «Все будет хорошо!» Так оно и было.

Отец Николай часто говорил: «Если у Вас что-то случилось, или тяжело на душе, соберитесь вдвоем или втроем и помолитесь во имя Отца и Сына и Святого Духа! Там, где двое или трое молятся во имя Пресвятой Троицы, там Господь незримо присутствует. Просите и молитесь своими словами, и Господь Вас услышит, и исполнит Вашу просьбу».

Вспоминаю октябрь 1990 года. Моего старшего сына с почечной коликой увезли в больницу. Это было перед октябрьскими праздниками. Никаких радикальных мер дежурные врачи не предпринимали. Сказали, если камень не выйдет, то после праздников будут делать операцию. Два дня я ходила в храм, заказывала водосвятный молебен, носила воду в больницу, давала пить сыну, но улучшения не наступало.

На третий день пошла домой к отцу Николаю. Он мне сказал: «Ты завтра приходи на литургию. Будет служить Владыка. Мы с ним у престола будем молиться о твоём сыне, но и ты молись вместе с нами усиленной молитвой». Батюшка всегда говорил, что материнская молитва сильная, со дня моря достанет.

Я знала, как отец Николай любил и уважал Владыку: он был для него учитель и самый близкий друг. Слышала, как они молились и просили помощи для моего сына стоя на коленях, и я со слезами молилась вместе с ними. После службы пошла в больницу, а с лестницы спускается ко мне улыбающийся сын и сообщает радостную весть: камень вышел. Это произошло в то время, когда мы вместе так усиленно молились. Уже потом, спустя годы, находясь далеко за пределами Родины, в трудные минуты своей жизни сын звонил и просил молитв отца Николая.

Благодарю Господа, что Он сподобил мне встретиться с таким удивительным человеком, от которого струился свет добра и любви ко всем. Отец Николай каждому знал, что сказать, как успокоить. Мне всегда говорил: «По вере да будет тебе!» Благодарю Господа и прошу дать мне дар этой веры.

Милый наш отец Николай, мы молимся о тебе и верим, что и ты не оставишь нас без твоих молитв; в трудные минуты жизни подскажешь нам, как поступить. Мы это уже чувствуем.

2001

БЕЗ УКАЗАНИЯ АВТОРСТВА

«Врачи удивлялись чуду,
которое произошло»

В 1996 году у меня родился внук Женечка. Мальчик был крупный. При родах его тащили щипцами, и были повреждены шейные позвонки. Малыш лежал в реанимации, врачи разводили руками, ничего не обещали. Наше горе невозможно описать, мы не находили себе места. И только отец Николай нас упокаивал: «Все будет хорошо, потерпите немного. Молитесь нашему Господу и Божией Матери!» Мы молились все – и мы с мужем, и дети, и друзья.

Протоиерей Николай сам себя в это время неважно чувствовал, но продолжал служить. После первой молитвы батюшки у престола мальчик начал сам сосать из бутылочки, а после второй его перевели из реанимации в палату. Врачи удивлялись чуду, которое произошло. Ведь две недели малыш провел в реанимации, надежды на положительный исход у них не было. А мы знали, что молитвы отца Николая услышаны, и Господь исцелил нашего Женечку!

Через полтора месяца Женю выписали, и отец Николай крестил его на дому. В его руках малыш был очень спокоен, словно чувствовал

добрые родные руки и светлую душу. Господи, благодарим Тебя, что послал нам на этом трудном жизненном пути доброго наставника, утешителя и молитвенника — нашего святого отца Николая, с которым нам посчастливилось общаться, и который нас любил!

2001

БЕЗ УКАЗАНИЯ АВТОРСТВА

«Он знал каждого,
и для каждого всегда умел найти
нужные слова»

На очередную исповедь к отцу Николаю мы пришли с Т.П. 17 часов 2 марта 2001 года. В его маленьком приделке было как всегда тепло и уютно, но в этот раз какое-то непонятное чувство тревоги, волнения и неизвестности щемило сердце. Стоя на коленях перед батюшкой и больше беседуя, чем исповедуясь, я обливалась слезами, словно предчувствовала, что вижу его в последний раз. Как обычно он успокаивал меня, но в его глазах были какие-то загадочные тоска и боль. Вдруг я почему-то сказала, чтобы он не покидал нас, что нам будет трудно без него в этой жизни, а отец Николай погладил меня по голове, словно маленькую и, смотря куда-то вдаль, будто увидел там что-то, сказал: «Не грустите обо мне, а помолитесь в тишине».

Мне показалось, что у батюшки навернулись слезы. Может быть, лишь показалось? В следующий момент он как будто преобразился, просиял. Потрепал своей рукой мои волосы, и как будто что-то стряхнул с меня. Мне стало тепло и легко, все невзгоды унеслись куда-то. Это была необыкновенная исповедь...

Когда после вечернего чая и благословения отца Николая мы с Т.П. уходили от него, я рассказала ей о его словах и моей тревоге. Постарались прогнать дурные мысли, так как на душе было уже спокойно и мирно. Словно батюшка снял с нас какой-то груз. Казалось, что с ним никогда не произойдет ничего худого!

Но все оказалось не так... Предчувствие потери и безысходности меня не обмануло. Отец Николай был для нас как преподобный Серафим Саровский: «Солнышко наше», – звали мы его между собой. Он излучал тепло любви к людям, освещал всех своим лучезарным светом, освящая им тех, кто был способен это принять.

Благодарю Господа за чудо, которое выпало нам – быть духовными чадами отца Николая, находиться рядом и в радости и в горе.

С батюшкой меня познакомила Т.П. в 1986 году. Проблемы со здоровьем привели меня в храм. Мой путь к Богу был долгим, но при встречах с отцом Николаем как в храме, так и у него дома, радость познания Бога каждый раз умножалась, все слова священника западали в сердце. Мы были знакомы с его мамой Анастасией и сестрой Шурой. От них никогда не уйдешь без угощения и доброго слова. Отец Николай крестил моих детей и внука, венчал и нас с мужем, и младшего сына. Вся наша семья была его духовными чадами. Он знал каждого, и для каждого всегда умел найти нужные слова, наставить, утешить. То, что он

говорил нам и нашим детям о любви к Богу, о любви друг к другу, о вере, сейчас вспоминается с особым чувством.

После смерти отца Николая у нас словно земля ушла из-под ног. Нам трудно жить и дышать без него, без его слов: «Мои девчонки пришли, храни их Господь!» Конечно, нам очень плохо без отца Николая, хотя умом понимаем, что это святой человек, и такова воля Божия!

Отец Николай знал, что скоро уйдет от нас на небеса. Он любил и помнил всех. Очень многим оставил небольшие подарочки. Нам с Т.П. приготовил по шелковому платочку – это чудо-покров для нас от всех бед. Он все предвидел...

Не хватает слов любви и благодарности, которыми можно было бы описать признательность нашему Господу за чудо быть духовными чадами нашего дорогого и любимого батюшки отца Николая.

2001

ПОДПИСАНО:
ПРИХОЖАНКА ЛИДА

«Все заботы и печали
куда-то исчезали,
забывались недуги»

Прошел год, как отец Николай ушел от нас в мир иной. За каждой литургией Церковь поминает своего пастыря. Его чтут и помнят все, кому хоть раз довелось обратиться к нему за советом, с просьбой о молитве, просто побыть рядом. Его любили все, в последний день пребывания его тела на земле каждый хотел попрощаться со своим духовным наставником. Нескончаемым потоком шли люди в последний раз поклониться тому, кто положил за них свою душу. Каждый шел со скорбью в сердце. А он ничем не добивался такого отношения к себе, просто жил. И теперь, вспоминая отца Николая, думая о нем, думаешь о Церкви с ее литургией, другими Таинствами, богослужениями, прекрасным пением. Это и было жизнью отца Николая. Он весь был в Церкви, а Церковь в нем. Он согревал душу каждого, кто к нему обращался.

Вспоминается, как однажды закончилась литургия, отец Николай с крестом вышел на амвон. Народу много, но все подходят спокойно, по порядку. Батюшка с каким-то особым благоговением дает прикладываться ко кре-

сту, благословляет. Каждому находит доброе слово: он чувствует, в каком наставлении нуждается стоящий перед ним человек. Вот подошла женщина вся в слезах: дома непорядок. Отец Николай внимательно слушает, а потом кладет руку ей на плечо: «Матушка, давайте вместе помолимся, чтобы Господь услышал». Спокойно крестится, поднимает взор к Небу. Молится. На какое-то время оставлены окружающие его люди. Он как бы «взял» скорбь этой женщины, и «несет» ее слезы к Богу, и молит. Сейчас он не здесь. Но вот снова обращается к женщине, утешает. Та успокаивается, слезы исчезают. Она очень поверила в его молитву, на ее сердце стало легче. Это только один пример.

Особенно батюшка благоговел к детям. Когда к нему приносили младенца, он так бережно наклонялся над ним, и такая светлая улыбка озаряла его лицо, что казалось, что он беседует с ангелом. Детям постарше осторожно давал наставления: слушайте папу, маму, учил молиться простой детской молитвой.

Отец Николай никогда не советовал от себя, а приводил слова Священного Писания: «..как апостол Павел сказал...» или «...помните, в Святом Евангелии сказано...»

От него исходила такая благодать, что приложившись ко кресту, не хотелось уходить домой. Все заботы и печали куда-то исчезали, забывались недуги, хотелось долго быть в храме, исправляться.

Не знаю, как сложилась бы моя дальнейшая судьба, но так уж случилось, что на первую свою исповедь я попала к отцу Николаю. Боялась тогда идти, не знала, что буду говорить, не имела ни малейшего представления о покаянии. А он все понял, воодушевил. Помню, тогда шла из храма, как на крыльях летела. Это был 1974 год.

Впоследствии в своих взглядах, поступках опиралась на взгляды и беседы протоиерея Николая, как на надежную поддержку и постепенно входила в церковную жизнь. Наверное, каждый из прихожан Преображенского собора, где всю свою священническую жизнь служил отец Николай, мог бы сказать, что его пример всегда будет в сердцах людей, как светильник твердой веры, доброты, благочестия, бескорыстной любви друг к другу.

2001

ПОДПИСАНО: ЧАДО ТАТЬЯНА

«Все проблемы
очень быстро разрешались
по его молитвам»

Дорогой отец Николай! Сколько добрых слов утешения, сколько любви дарил он нам, своим чадам, таким разным и таким грешным!

Батюшку я помню с тех пор, как он только пришел служить в Преображенский собор. Сколько раз бывало, что я, несмирная девчонка, находясь в печали, горести, пряталась где-нибудь в уголке храма. А батюшка меня находил, давал наставления или просто беседовал, и после этого радость жизни возвращалась.

В 1988 году у меня родился сын Иван. Когда ребенку исполнилось полгода, он отказался от молока. Врачи рекомендовали кормить его мясным пюре, но от этого мальчик еще сильнее заболел. В больницу я его не отдавала. В соборе молилась у икон Пресвятой Богородицы «Нечаянная Радость» и «Боголюбская». И вот ко мне подходит отец Николай и говорит: «Ну что ты плачешь? Твой Ванюшка решил попроститься. Эти маленькие дети такие мудрые, а говорить-то он еще не умеет, вот ничего тебе и не сказал. Пост сейчас, родная ты моя

девчонка. Возьми просфору, размочи в святой воде, покорми Ваню, он и поправится». Пришла домой, Ваня дышит тяжело, голову от меня отвернул. Все сделала как батюшка сказал, из марлицы кулечек с размоченную просфорою, а сын не повернул головы. Подвесила я кулечек над его головою, заплакала и ушла, а через пятнадцать минут слышу: малыш мой весело так гулит. Подбегаю к нему, а Ванюшка всю просфору уже высосал, играет пустым кулечком, радуется, смеется... Это ли не чудо?

С тех пор с любой бедой я сразу к батюшке, и все проблемы очень быстро разрешались по его молитвам. После родов у меня были последствия, диагноз кистома. В 1993 году обострение, предложили операцию. Отказалась. Со страшными болями пришла в собор на службу к батюшке Николаю. После литургии иду ко кресту. А он меня благословил и положил крест именно на тот бок, где была боль, а я ему еще и сказать ничего не успела... Он глаза поднял ввысь, стал молиться, какой-то неземной весь... Из храма вышла — бок три раза как иглой остро и больно кольнуло, после чего боль отошла навсегда. Через семь лет, когда меня проверяли, врач задал вопрос, какие были болезни. Сказала, что кистома в 1993 году. А врач не поверил — уже 2000 год, говорит, Вас за это время уже на свете не было бы. Вот какую силу имела батюшкина молитва.

1999 год. Мой маленький сын Ваня решил посвятить свою жизнь Господу еще в три го-

да, сказав, что станет священником, чтобы лечить наши больные души. Решение ребенок не изменил, сейчас ему уже 12 лет. Я мать, знаю как тяжела стезя священника, и однажды сказала сыну: если священником, то как отец Николай Винокуров. Иван сказал, что батюшка для него пример доброты и истинной веры. Но на следующий день мой ребенок заболевает. Острая боль, скорая, госпитализация в областную больницу. Несколько снимков показали три новообразования в области живота, очень крупные, они и вызывают острую боль. Ваню будут обследовать и, вероятно, оперировать.

В отчаянии бегу в собор, а батюшка сам в больнице, не служит, я через его сестру передаю, что Ванюшка очень болен, прошу молитв за него. На следующий день застаю своего ребенка веселым. Он мне сообщает: «Мама, а у меня болезни нет. Не печалься, ничего не подтвердилось». Врач в недоумении, так и не смогла мне ничего объяснить. При следующей встрече с отцом Николаем, батюшка мне вдруг сказал: «Таня, ты мать, каждое твое слово, сказанное сыну, Господом услышано. Зачем ты сказала, чтобы Ваня был похож на меня? Я такой весь больной. Ванюшке пришлось из-за этого немного пострадать. Больше так не делай. Каким будет Ваня – Господь Сам управит».

Несчастье, которое случилось с батюшкой, потрясло всю нашу семью. 8 марта 2001 года

в 7 утра мне приснился удивительный сон. Вижу областную больницу, трехэтажный корпус. На пригорке стоит женщина в фуфайке с палочкой в руке, а я ищу отца Николая; где он находится, мне никто не говорит. А эта женщина просит меня взять лист бумаги и записать имена. Понимаю, что это записка о здравии. Первым называет: отец Николай. А далее перечисляет: «Макарий, Анастасия, архимандрит Никодим, и меня, Анну, туда же запиши». Называет еще много имен. Записала, спрашиваю: «Матушка, а как я могу писать живых и усопших в одну записочку, ведь отец Николай и ты живы, а архимандрит Никодим и мама с папой отца Николая умерли». Матушка улыбнулась так, как умел улыбаться только отец Николай и сказала: «Пиши, все живы. Найди его, он сейчас всех вспомнил и молится. Запомни: Святая Троица». Матушка в фуфаечке пропала, а на том пригорке, где она стояла, лежит белая пшеничная булочка. Взяла ее в руки, а она превратилась в просфору. Проснулась, разбудила сына и мы отправились в больницу, где нас, как мне было сказано во сне, ждет батюшка. Написала я по памяти записку, разделив ее на две части — о здравии и о упокоении. Но храм святителя Николая в этот день был закрыт, и записочки мы с Ваней оставили под дверью.

Время 9.40. Я по памяти, как видела во сне, нахожу третий корпус больницы, вспомнив о Святой Троице, но двери закрыты: посещение

с 10.00. Вдруг слышим стук в окно на третьем этаже. Видим очертания высокой женщины, которая показывает нам, – идите вот сюда, при этом от окна шел очень яркий свет. В списках фамилии батюшки не было, но гардеробщица нас пропустила. А батюшка лежал в палате интенсивной терапии, у него врачи в это время отключили аппаратуру. Тогда я поняла, что его больше нет с нами.

Врач был удивлен, как мы прошли в отделение, разговаривал строго, так как я еще и ребенка с собой взяла. Сказал, что все сведения о батюшке мы узнаем в епархии. Придя в храм, мы узнали, что отец Николай умер.

25 июня 2001 года. Вижу сон, будто я хожу по кладбищу и ищу могилу своего прадеда Ивана. Зову его: «Дедушка Иван!» Вошла в церковь, в ней на столе стоял тяжелый гроб. Не рассмотрела, кто в нем, но почему-то подумала, что это мой прадед Иван. Левая рука как бы высохла, и такая маленькая, как детская, и по ней струйки масляные текут. А когда я подняла глаза, чтобы посмотреть на лицо усопшего, вижу – это наш батюшка Николай. Вдруг он в гробе делает три движения, чтобы подняться, и встает. Глаза его вознесены к небу, а сам такой молодой! Потом с такой любовью посмотрел на меня и улыбнулся, только батюшка умел так блаженно улыбаться, как новорожденный ребенок. Батюшка благословил меня, положил руку на голову, и у меня по лбу потекла струйка масла, я увидела, что

у отца Николая волосы все мокрые, как после дождя, и струйками течет масло, я подумала, что это миро. А батюшка вошел в открытые Царские врата в алтарь, он стал вдруг высокого роста, на нем было бордовое бархатное облачение, по бокам его были два мальчика, иподиаконы, лет по двенадцать. Все они были в свете. И потом все трое ушли в алтарь, и такие шли свет, радость и тепло...

2001

БЕЗ УКАЗАНИЯ АВТОРСТВА

«Я впервые увидела,
что такое есть смирение в человеке»

«Смирение не видит себя смиренным. Напротив, оно видит в себе множество гордости. Смиренный предает себя всецело воле Божией.

Как гордыня есть недуг нашего духа, грех ума, так и смирение есть благое и блаженное состояние духа...»

Святитель
Игнатий (Брянчанинов)

Отец Николай — совершенно удивительный человек. Я впервые увидела, что такое есть смирение в человеке. Вот одно из таких воспоминаний.

В начале 90-х годов в институте, где я работала, повесили объявление, что в ИГЭУ пройдет встреча преподавателей всех вузов со священником отцом Николаем Винокуровым. Нас, преподавателей, собралось не очень много. Вошел отец Николай. Поздоровался с нами, оглядел всех и тихо сказал: «Вы профессора, доценты... Вряд ли я смогу вам рассказать что-то интересное, неизвестное для вас». Это было так искренне!

Говорит: «Я не знаю, что вам и сказать-то... Может, вы будете говорить, а я что-то добавлю?» Чуть ли не с меня началось... Я не помню,

какой вопрос задала. В памяти осталось, что мой вопрос (очень неквалифицированный) скорее был «наивным броском» ко спасению того, кто, в отличие от меня, все знал.

Я не понимала ни в богословии, ни в молитве. Тогда ведь не было никакой литературы. А отец Николай так меня тронул своим смирением, что наивно захотелось как-то помочь начать разговор.

А он очень просто ответил: «Это я расскажу вам», – и стал рассказывать. Внутри сжалось сердце. Какое же это было смирение! Он даже не подал виду, что наш уровень примитивный, вопрос неграмотный, что все хлопают глазами и спросить ничего не могут, потому что никто ничего не знает о вере.

Отец Николай начал говорить, – и так интересно! Мы немножечко даже осмелели и уже просили его рассказать еще и еще, хоть что-нибудь, чтобы нас хоть как-то приподнять в этих знаниях. Общение с отцом Николаем к великой радости продолжилось.

Я стала ходить к нему на исповедь, он крестил мужа и нас венчал. Я часто звонила отцу Николаю, его можно было спросить обо всем... Он всегда говорил: «Звоните когда угодно! Хоть ночью, хоть утром – в любое время». Такая вот удивительная простота и доступность...

Это было неоценимо.

А вот воспоминание одной матери, которая молитвами отца Николая вырвала свою православную 30-ти летнюю дочь из секты. Мать рассказала, что ее дочь, без родительского со-

гласия, уехала в Москву в тоталитарную секту. А до этого она ходила в храм, исповедовалась у отца Николая. Что делать? Кто может помочь несчастной матери? И она ринулась к отцу Николаю в собор. Он служил литургию. А она встала у самого алтаря. Она очень плакала. Отец Николай заметил её и после причащения подошел. «Батюшка, дочь уехала в секту!»

Отец Николай попросил подождать, зашел в алтарь и тут же стремительно вышел. Он был очень взволнованный, народа – полный храм. Он повернулся к народу: «Встаньте все на колени!» Все встали на колени! Он поднял глаза к небу, потом обратился к народу: «Вот православная девушка ушла в тоталитарную секту. Давайте мы помолимся, чтобы Господь ее остановил». Он молился вслух. И все плакали. Дочь из секты ушла через три месяца, как сказал отец Николай. Тогда, после службы и общей молитвы, он подошел к матери и произнес: «Она уйдет из секты, не беспокойся». Об этом случае говорили долго: «Ноу надо же! Что за человек отец Николай! Всю церковь на колени поставил!»

Вспоминается еще и такой случай. Когда отец Николай лежал в больнице после инсульта, лечащий врач после обследования головы сказал, что нужна операция. Батюшка говорит категорично: «Нет». А тот спрашивает: «Ну вот, допустим, аппендицит Вы бы позволили вырезать?» – «Все что угодно. А голова – Богу!»

«...И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ»

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
НА КОТОРЫЕ АВТОРОВ ВДОХНОВИЛ
ОТЕЦ НИКОЛАЙ

Выдержки из книги:

Федотов А.А. Свет во тьме.

Исторические повести. Иваново, 2010.

(Прообразом отца Александра послужили
некоторые события из жизни протоиерея
Николая Винокурова)

...Душу Александра, ожидавшего приема у митрополита, наполнял внутренний трепет. Родился Саша в одном из сел Петровской области. Он с детства мечтал стать священником, но такой мечте в советском обществе сложно было стать реальностью. В школе с него срывали нательный крестик, публично позорили. Когда пришла пора окончания школы, он попытался поступить в семинарию, но тут же пришла повестка из военкомата. На два года его отправили служить в стройбат – «королевские колониальные войска» – как позднее, уже после перестройки, шутил отец Александр между своими. В армии один солдат лю-

то его возненавидел, стремился всячески уни-
зить. А Александр никогда не отвечал злом на
зло, даже когда появилась такая возможность.
И ожесточенное сердце дрогнуло. Солдат при-
мирился с Александром и признался, что даже
строил планы, как его безнаказанно убить, а
сейчас не понимает, что же им двигало. Жест-
кое давление оказывал один офицер, требовав-
ший, чтобы Александр отрекся от Бога. По его
науськиванию «деды» не раз жестоко избива-
ли «попа». Но Александр остался непреклонен
и здесь, храня свою веру.

После армии он подал документы в Ду-
ховную семинарию в Загорске. Но уполномо-
ченный не хотел, чтобы мечта юноши осу-
ществилась и соответствующие рекоменда-
ции были выданы семинарскому начальству.
Александр «не прошел по конкурсу». И тог-
да он в отчаянии приехал в петровский со-
бор, стал там горячо молиться перед иконой
Божией Матери «Всех скорбящих Радость».
На юношу обратил внимание архимандрит, а
тогда еще игумен Анатолий. Он узнал в чем
дело, и решил помочь, но действовать нуж-
но было очень осторожно и дипломатично.
Вместе с Александром он поехал в Загорск,
к инспектору Духовных академии и семина-
рии архимандриту Модесту. Они попали на
прием, где отец Анатолий попросил молодого
человека выйти, а затем объяснил, что давно
знает Александра как не вполне душевно здо-
рового человека, склонного к религиозному

фанатизму. «Если мы не возьмем его под свой жесткий контроль, то он может стать сектантом, а это хуже и для нас, и для государства, и для общества», – заключил он.

Архимандрит Модест задумался, затем позвонил уполномоченному по Московской области. Тот оказался на месте. Инспектор передал ему сведения, полученные от «его информатора из Петровской области, мнению которого можно доверять». Уполномоченный был в хорошем расположении духа: ему только что дали премию в размере месячного оклада. «Ну, раз такой дурак, то лучше и правда держать его под контролем. Берите его, а отчислите того, о ком мы неделю назад говорили, сомневались». Так решилась судьба Александра.

Учеба в семинарии была непростым делом: тяжелые условия жизни, неосмысленная зубрежка наизусть огромных текстов на церковно-славянском языке, а затем, в академии, еще и на греческом и латыни. Но после «королевских колониальных войск» Александру казалось, что он попал в рай. Учебу в Духовных семинарии и академии он считал лучшим временем в своей жизни.

* * *

...Но вот годы учебы закончились. Александр защитил незамысловатую диссертацию на степень кандидата богословия, которая даже и называлась-то тогда «курсовой рабо-

той». За время учебы он зарекомендовал себя как спокойный, ответственный человек, всегда готовый помочь другому, беспрекословно слушавшийся начальство. Все чувствовали, что Александр глубоко верующий, но ничего показного, тем более «религиозного фанатизма», в нем не было. Поэтому ему предложили остаться для преподавательской работы. Но он отказался, так как душа его стремилась к реальному священническому служению. Поскольку рекомендацию Александр получил из Петровской епархии, то в распоряжение ее правящего архиерея он и был направлен. Архимандрит Анатолий все восемь лет обучения переписывался со своим подопечным. Узнав, что скоро он прибудет в епархию, архимандрит, как всегда дипломатичный, обратился к Козлевицу.

Того сложно было в чем-то убедить, но отец Анатолий и у него нашел нужную струнку. Козлевич был магистр богословия, всех остальных священнослужителей епархии называл не иначе, как «неучи», «недоумки», «тупицы» и «кретины». А Александр был уже кандидатом богословия. С одной стороны, не ровня епархиальному секретарю, а с другой, — явно не тупица. «Отец Петр, вы подумайте, зачем его образование в деревне?» — завел разговор соборный настоятель. «Верно, это тебе, неучу, там место, — сразу ответил тот. — Только уполномоченный у нас больно добренький». И благодаря помощи архимандрита Анатолия судьба

Александра второй раз была решена. Уполномоченный, по рекомендации протоиерея Петра Козлевича, дал разрешение на его рукоположение для служения в качестве священника петровского собора. И вот сейчас Александр вместе со своим покровителем ждал приема у митрополита. После договоренности уполномоченного с Козлевичем встреча была формальностью, но молодой кандидат богословия считал формальностью не ее, а все эти закулисные договоренности, о которых ему вкратце рассказал архимандрит Анатолий. Тот видел переживания своего духовного сына и постарался разрядить атмосферу.

– Ну, Саша, надеюсь, ты не передумал принять сан безбрачным? Ведь назад дороги не будет.

– Вы же знаете, что это мое искреннее решение. Я не смогу разрываться между Церковью и семьей, мне на это просто здоровья не хватит.

– Тебе повезло, что наш уполномоченный такой спокойный человек, а отец Петр как-то не обратил внимания на то, что ты не женат. Ведь целибат – это почти тот же монах, а монахов они ненавидят больше, чем семейных священников. На тех есть дополнительные рычаги давления – через жену, детей.

– Тем более. Да и не было как-то у меня никогда подруги.

– Если к твоим-то годам не женился, то и не надо. Помню, я поступил в семинарию в Лавре

после ее открытия. Со мной вместе поступил такой Вася, лет на десять старше меня, сейчас ему, наверное, уже больше шестидесяти. Так вот вся семинария над ним смеялась, когда он начинал расписывать, какая у него должна быть жена. Обязательно чтобы блондинка, глаза голубые, талия тонкая, черты лица красивые. Чтобы она и петь умела, и готовить, и хозяйство вести, чтобы любила его без памяти, во всем его слушалась... Чего-то он еще выдумывал, сейчас всего и не припомнить. Так вот, закончил он семинарию, в академию поступил. Местные девчонки ему не нравились, вот он везде и ездил в поисках своей мечты. Приезжал, помню, и в Петрово. Я тогда еще только-только стал священником, тоже целибатом, как и ты, и так же, как ты, сразу был определен в собор. Меня всегда влекло к принятию монашеского пострига, но целибату стать монахом легче, чем просто мирскому человеку, ведь он все равно уже «пропащий». Так вот Василий, а ему уже лет тридцать пять было, приехал и ко мне: может, здесь есть такая девушка, какую он ищет. А тогда, какое-то время после войны, власти сквозь пальцы на нас смотрели. Ходили в собор несколько девчонок. Я им предложил: познакомьтесь, может, выйдете замуж за будущего батюшку. Ну, а они, в принципе, все этого хотели. Познакомил их. Вася, хоть и сидеть уже начал, но еще красивый тогда был. Сначала понравился, но как только начал описывать, какой

должна быть его избранница... Петровские девчонки – фабричные, простые, они его так на смех подняли, что он в тот же день уехал и больше со мной не разговаривал с тех пор. Но вот когда я ездил тебя встречать в академию, пока ждал, смотрю, в коридоре идет какой-то старичок с палочкой. Пригляделся, а это и есть Вася. Поздоровался. Теперь, конечно, уже Василий Иванович, доцент Московской Духовной академии. Спрашиваю: «Ну как, Василий Иванович, у вас жизнь? Конечно же, вы семейный человек, ведь вы всегда к этому так стремились». Представляешь, что он ответил? «Нет, – говорит, – так все в поиске». Даже магистерскую диссертацию не смог написать, все у него блондинка с голубыми глазами греческие буквы собой заслоняла. И ведь что обидно: талантливый человек, а такому пошлому и пустому мечтанию посвятил свою жизнь.

– Но вы же знаете, что у меня нет таких мыслей.

– Знаю, потому и рассказываю, что бывает с теми, у кого они есть, чтобы не жалел о том, чего не знаешь.

Их разговор прервал протоиерей Петр Козлевич.

– Заходите к Владыке, – резко сказал он. – Сейчас он вас благословит, поговорит минут пять, а потом пойдем оформлять документы. А ты, – обратился он к отцу Анатолию, – можешь идти. Как все оформим, ставленник к тебе в собор сам подойдет. А лишний раз боль-

ного архиерея отвлекать нечего твоими пустыми разговорами.

Архимандрит Анатолий внутренне напрягся, как это каждый раз бывало при разговорах с Козлевичем. Когда-то это, наверное, может прорваться. Но сейчас он смиренно встал и молча вышел из здания епархиального управления.

– А ты чего глазами хлопаешь? – набросился секретарь и на Александра. – Пошли скорее, будто у меня кроме тебя и дел нет!

К неудовольствию Козлевича, архиерей проговорил с Александром почти час. Ничего конкретного, потому что тут же сидел и секретарь. Просто лишний раз напоминал о пастырской ответственности, цитировал по памяти слова апостола Павла по этому вопросу. Протоиерей Петр аж побагровел от всех этих разговоров, но на митрополита он кричать все же не смел: чувствовал свою вину перед ним. И лишь в конце сказал, что состояние здоровья должно ему позволить совершить рукоположение в сан диакона в ближайшее воскресенье, а в сан священника в следующее.

* * *

Молодой отец Александр как-то сразу смог расположить к себе всех в соборе – и верующих, и неверующих. Для каждого он находил простые, бесхитростные, понятные, нужные именно этому человеку слова. В этом он был похож на митрополита Исаию и архимандрита

Анатолия. Но в отличие от них он был еще молод и имел больше сил для служения Церкви. А служение Церкви для него состояло, в первую очередь, из поддержки крещеных людей, которым нужно помочь выбраться из пучины греховных пристрастий и обрести свое подлинное назначение в этой жизни. Даже членам церковного совета он понравился, про него говорили, что таким был отец Анатолий в молодости.

Деятельность отца Александра сразу вызвала большое неудовольствие городской комиссии. Однако, молодой священник, много битый жизнью, был очень осторожен, не давая повода обвинить его в каком-либо нарушении советского законодательства о культах. Он сумел найти общий язык и с соборным духовенством. Правда, протоиерей Петр и протодиакон Юрий его невзлюбили, потому что полковник Петров поручил каждому из них проработать отца Александра на предмет его сотрудничества с органами, и ни одному из них это не удалось. Молодой священник как-то ловко сумел уйти от остро поставленного предложения, сделав вид, что совсем ничего не понимает, и переведя разговор на духовные темы. Поэтому оба старых хитреца оказались обмануты и отступились. «Он, видимо, не совсем умный, — сказал Козлевич полковнику Петрову. — У него в голове, по-моему, одно спасение души, молитвы и всякое тому подобное. Но на фанатика он вроде не похож,

человек послушный, безвредный. Однако в нашем деле толка от него не будет». Полковник доверял мнению епархиального секретаря, поэтому даже встречаться с отцом Александром не стал. А вот уполномоченный встретился, и для него молодой священник стал еще одним живым примером того, что в Церкви есть очень хорошие люди, которых не было в его советском окружении. Иванов как-то сразу почувствовал, что отец Александр – это человек, которому можно доверять. Под разными предложениями он несколько раз вызывал его к себе. Бывшему вузовскому преподавателю философии, несомненно более образованному и эрудированному, были интересны ответы, которые давал на вопросы о религии молодой богослов – ответы не книжные, нетривиальные и глубоко искренние, зарождавшие в душе Евгения Алексеевича сомнения в истинности догматического атеизма.

* * *

Небольшое здание Петровского епархиального управления в этот светлый мартовский день 1991 года было битком набито посетителями, как и всегда в последнее время. Через десять минут должен был начаться прием управляющим Петровской епархией архиепископом Анатолием. Секретарь епархиального управления протоиерей Александр вышел из своего крохотного кабинета и начал опрашивать пришедших, какие у них вопросы,

не может ли он сам решить их, чтобы не отвлекать Владыку. Добрый и мягкий человек, отец Александр в качестве администратора был явно не на своем месте. С каждым он пытался говорить по-хорошему, но в данном случае это только вредило. Видя его доброту, каждый наглец тут же пытался использовать ее для того, чтобы безнаказанно безобразничать, а в случае чего прибежать к тому же отцу Александру, чтобы искать у него защиты от заслуженного наказания.

Времена стремительно менялись; епархиальный архиерей и его близкий друг и верный помощник стали людьми, с мнением которых считались. Поэтому нередко ходатайства оказывались действенными. В благодарность благодетельствованные открыто поносили секретаря епархиального управления за его «глупость» и доверчивость. А он, как будто ничто не могло его заставить изменить отношение к людям, не обращал на это внимания. Вот и сейчас он, видя, что по серьезному делу пришли один или два из пятнадцати желавших встретиться с архиереем, все же безропотно кивнул каждому, утверждавшему, что у него исключительно важный вопрос. Предшественник отца Александра на этом посту протоиерей Петр Козлевич, приди они при нем, половину сдал бы в милицию или психушку, а повод бы нашел, даже не смутился бы ветром перемен в стране. Правда, почти половина пришедших (как раз те, которые не привлек-

ли бы подозрительного внимания Козлевича) сразу же согласились сначала поговорить с протоиереем, что существенно могло разгрузить управляющего епархией.

* * *

Секретарь епархиального управления вспомнил недавний 1988 год. Тогда после торжеств, посвященных 1000-летию Крещения Руси, в Петровской области был организован круглый стол, посвященный этой дате. Вел его главный редактор главной областной партийной газеты Иван Федорович Мозенцев, участвовали председатель областного совета по атеистической пропаганде при Петровском обкоме КПСС Леонид Васильевич Грязнов, уполномоченный Совета по делам религий по Петровской области Евгений Алексеевич Иванов. Пригласили архиепископа Анатолия, но он послал отца Александра: «Сходи, ты поученее». Первый вопрос Мозенцев задал Грязнову:

– Почему снова жива религия? Каково ваше мнение на сей счет?

– Наиболее общая причина, разъясняющая существование религии в нашем обществе, – наследование массовым обыденным сознанием религии как представления, обычаев, чувств от предшествующего общества, – громогласно начал вещать главный атеист области. – Нельзя сбросить со счетов влияние стихийных факторов природы – землетрясения, наводнения, смерчи и прочее – все это трактуется как

наказание за грехи. Сохраняются различия между городом и деревней, отсюда более высокий процент верующих в сельской местности. Уровень демократизации также влияет на религиозные настроения. В период застоя, например, многие искали в религии иллюзорное утешение от несправедливости, неверия в свои силы. Ну и, наконец, угроза ядерной войны. Религия ведь обещает бессмертие, а кому же не хочется уцелеть во время ядерной катастрофы?

– Что в таком случае может противопоставить религии атеизм?

– Атеизм призывает не тратить жизнь на иллюзии, на подготовку к «будущей» жизни, а жить полнокровно здесь, на земле.

– Леонид Васильевич, а стоит ли сегодня опасаться религии? Ведь, в принципе, истинно верующих среди молодежи нет. Верят в гадания, приметы, сны, черную магию, следуя моде, идут венчаться в церковь, под нажимом родных крестят детей. Может быть, действительно, как считают многие, со временем религия отомрет сама?

– Если бы... Церковь – это достаточно мощный и отлаженный механизм, работа которого направлена на то, чтобы постоянно пополнять ряды верующих, в том числе и молодежью. Это же их жизнь, их хлеб! Не будет этого пополнения – не будет у Церкви и перспектив. Так что о пассивном созерцании не может быть и речи: тут или-или...

И, кстати, индифферентная масса тех, кто верит как бы «понарошку», в приметы, гадания, обряды и прочее, представляет для Церкви самый благодатный материал. У этих людей нет позиции, нет твердых мировоззренческих установок и, следовательно, их легко склонить к вере, так как они легко идут на идеологические уступки.

– Действительно, – кивнул Мозенцев, – вот у меня здесь лежит статистическая справка. По данным анкетного опроса научно-исследовательской группы Петровского обкома ВЛКСМ, на основной вопрос анкеты – об отношении к религии и атеизму – большая часть учащейся (78%) и работающей (71%) молодежи дала ответ «Безразлично». Большинство учащейся молодежи не считает себя атеистами, способными обосновать свое неверие (около 81%) и только 25% работающей молодежи ведут атеистическую пропаганду. У подавляющего большинства опрошенных выявлено отсутствие атеистических принципов и убеждений. На вопрос о полезности религии часть опрошенных отметила ее положительную роль в сохранении национальных традиций и обычаев (24%). Ни один из опрошенных не отметил отсутствия полезности религии. В вещи сны, судьбу, гадание и т.п. верят более 22% и иногда верят около 70% опрошенных, – тут главный редактор обратился к отцу Александру: – Вопросы морального становления, нравственных исканий молодых людей приобретают все

большую остроту и значение. Что думаете вы о проблеме «молодежь и религия», «молодежь и Церковь»?

– Почему молодежь обращается к вере? Вопрос и сложный, и простой одновременно, – после Грязнова голос священника звучал как-то очень контрастно спокойно и умиротворяюще. – Убедить можно рассудок человека, его разум. Но он в конце скажет: «Да, вы очень хорошо все объяснили, но я не верю, что Бог есть». Дар веры нельзя внушить, его можно лишь обрести. И дело не в слабости или силе атеистической работы. Божественная благодать действует всячески на умы, но добровольно и свободно. Если у человека не будет пережитая личная встреча с духовным миром и он не почувствует высшую помощь, защиту, успокоение в трудный час – он никогда не встанет за Церковь и за религию. Люди, в том числе и молодые, – существа материально-духовные. Их обращение к вере часто связано с недостатком духовного начала в земной жизни. Иногда они и сами не объяснят, зачем пришли в храм. Но – идут, идут на зов духа...

Известно, что совесть – неподкупный судья. Кем бы ты ни был, какую бы должность ни занимал, она всегда мучает за дурной поступок. У молодых людей, особенно у студентов, существует мнение, будто наука противоречит религии. Сложилось оно потому, что молодежь зачастую не знает как следует ни религии, ни науки. А полужнания приводят к предубеж-

дениям. И нет парадокса, когда порой в поисках истины человек, воспитанный на атеистической литературе, обращается к вере. Случается и иной – противоположный перелом мировоззрения – от Бога к атеизму. По моим наблюдениям, число молодых прихожан почти двадцать лет остается на одном уровне. Их, в общем-то, немного. Одни посещают храм постоянно, другие – когда возникает потребность исполнить религиозные запросы.

– Что вы можете сказать о Тысячелетии Крещения Руси?

– Думаю, что это эпохальный церковный праздник, который имеет значение и гражданское, и государственное для нашей страны. Ведь именно христианство стало той почвой, на которой развивались наша культура и государственность...

Тут слово взял до того молчавший уполномоченный Совета по делам религий по Петровской области Евгений Алексеевич Иванов.

– Прежде всего, о самом тысячелетии принятия христианства на Руси. Да, это большой церковный праздник, но не гражданский, как утверждает протоиерей Александр, и тем более не государственный. Здесь мой оппонент выдал желаемое за действительное.

– Евгений Алексеевич, священник затронул важную для нас тему «молодежь и религия». Он объясняет основную причину обращения молодых людей к вере недостатком духовного начала в земной жизни. Ваше мнение?

— Когда заводится разговор о том, что молодежь нынче якобы обращается к вере, нужно, прежде всего, определить масштабы этого явления. Если аргументировать не эмоциями и разрозненными наблюдениями, то надо признать, что наша молодежь, в массе своей, нерелигиозная. Как человек, который это отслеживает, могу сказать, что доля верующих среди молодежи невелика и в последние десятилетия стабилизировалась. Данные одного из массовых социологических опросов показали, что в возрастных группах до 20 лет, 20-29, 30-39 лет доля верующих составляет 3% и еще 3% колеблющихся.

...Таких круглых столов и встреч были потом уже десятки. Сначала отец Александр робел перед атеистическими чиновниками, но потом понял, что и они — такие же люди, каждого в той или иной мере заботят вопросы жизни и смерти, смысла жизни, вечных ценностей. И, в сущности, как он тогда еще понял и что не стало очевидным для всех и сейчас, у них общий враг — мракобесие и псевдодуховность, размывающие границы добра и зла, чарующие людей кажущейся сладостью вседозволенности. Но тот 1988 год действительно стал переломным в положении Православия в Советском Союзе, что наглядно доказал проведенный в том же году Поместный Собор.

* * *

Крестильня Богоявленского кафедрального собора города Петрово была заполнена наро-

дом. Сегодня пришли креститься семьдесят три человека; большинство – принесенные родителями и крестными младенцы, очень много подростков, но были и взрослые люди. До начала Таинства оставалось десять минут. Пока помогавшая во время крещения старушка расставляла всех пришедших таким образом, как ей казалось правильным, настоятель собора отец Александр пытался использовать это время, чтобы кратко переговорить с некоторыми из них. Священника интересовало, что побуждало совсем юных парней и девушек прийти креститься.

В большинстве случаев настояли бабушки (редко дедушки), иногда и родители. Гонения на религию прекратились, и многие стремились воспользоваться представившейся возможностью безнаказанного исполнения религиозной обрядности. Некоторые молодые люди пришли, потому что большинство их одноклассников уже были крещены, а им не хотелось выделяться. Одна девочка пришла, потому что бабушка ей сказала, что, если она крестится, то бабушка купит ей золотую цепочку с крестиком... Но были, правда их было немного, и пришедшие осознанно. Один молодой человек решил креститься после того, как прочитал полсотни атеистических книг. А другой мальчик вдруг утром почувствовал, что именно сегодня его должны крестить, и пришел в храм...

Протоиерей Александр только радостно улыбался или, наоборот, вздыхал иногда, но

он никого не оттолкнул, а каждому пришедшему старался показать, что здесь ему рады. «Если человек пришел, чтобы над ним было совершено Таинство Крещения, то, значит, Сам Господь незримо привел его. Наше дело – крестить, постараться воспользоваться этим моментом, чтобы заронить в душу человека хотя бы небольшое желание еще раз прийти в церковь. А после крещения человек, родившийся в этом Таинстве для вечной блаженной жизни, получит благодатную помощь Божию для того, чтобы изменить свою жизнь. Воспользуется крестившийся этим даром или нет – мы не знаем. Но на нас не будет греха, что мы заслонили кому-то путь ко Христу», – говорил отец Александр тем священникам, которые считали, что не стоит крестить всех подряд, что нужна обязательная предварительная катехизация. «Религиозное просвещение – хорошая вещь, – возражал он им. – Но сейчас у нас нет для этого возможности. Разве, когда святой равноапостольный князь Владимир крестил Русь, у него была возможность обучения основам православного вероучения всех крестившихся? Разве совсем в недавние годы мы проводили катехизацию детей, которых верующие бабушки приносили креститься тайком от родителей-атеистов? Нужно церковному и общественному сознанию еще дорасти до обязательной катехизации перед крещением и, опять же, только взрослых. Но нужно пытаться поговорить с каждым человеком,

пришедшим в храм, не нужно жалеть времени на людей, надо, чтобы церковь они ощущали своим домом». Однако сам отец Александр в какой-то мере катехизацию проводил, потому что перед каждым Таинством Крещения он рассказывал о его значении, а в конце – о Таинствах Исповеди и Причащения, призывал крестившихся молиться и ходить в храм.

А сегодня он крестил и трех взрослых людей, которые пришли к Таинству очень осознанно, несколько раз встречались и беседовали с ним, а перед самым крещением пожелали исповедаться. «Исповедь перед крещением особенная, – объяснил им отец Александр. – Она охватывает всю жизнь и совершается, в отличие от обычной, не ради отпущения грехов, потому что все грехи человеку прощаются в самом Таинстве Крещения, но более для напоминания о том, какие именно грехи прощены, каких надо опасаться в первую очередь, на борьбу с какими страстями надо направить свои силы. Эта исповедь как урок: ведь часто люди даже не знают, в чем и как нужно каяться».

* * *

Хотя крестить отцу Александру помогал еще один священник, крещение продолжалось почти два часа. Все устали, но протоиерей все же обратился к пришедшим с кратким словом. Он сказал им и о том, что в жизни каждого человека бывают тяжелые, скорбные

моменты, когда сам он ничего не может сделать с внешними обстоятельствами. Но человек в мире не один — с нами Господь, нужно лишь обратиться к Нему с молитвой о помощи.

А потом еще около двух часов он, перебарывая усталость, беседовал с теми, кто решил задержаться и задать священнику какие-то вопросы. Для каждого он старался найти не только добрые слова, но и что-то подарить. Это были, казалось бы, символические вещи — открытка с изображением иконы, листок с молитвой. Но почти каждому человеку, с которым говорил протоиерей Александр, встреча запоминалась как что-то светлое, помогающее жить.

Жизнь в стране стремительно менялась. Уверенность в завтрашнем дне, к которой большинство населения привыкло за так называемые годы застоя, исчезала перед лицом наступавшего дикого капитализма. В сердцах многих людей поселялся страх перед жизнью. И отец Александр каждому старался донести благую весть, что не нужно ничего бояться, что Господь любит каждого человека, что во Христе Бог воплотился, претерпел распятие, крестную смерть и воскрес, чтобы спасти всех людей от проклятия, греха и смерти. Нужно только постоянно обращаться к Нему с молитвой, стараться жить по Его заповедям, участвовать в церковных молитве и Таинствах. Слова священника шли от сердца и передавали его личный опыт духовной жизни, поэтому никто не оставался равнодушным. После

встреч с отцом Александром многие начинали воспринимать церковь как островок спасения среди бурного житейского моря, постепенно начинали жить так, как он учил их словами и своим примером, иногда полностью изменяя свою жизнь.

Выйдя из крестильни, настоятель собора зашел в свой небольшой кабинет, который с недавних пор делил с отцом Ильей, – новым старостой собора. Возможность сделать церковными старостами священнослужителей и заменить ими неверующих ставленников исполкомов появилась уже после Поместного Собора 1988 года, принявшего новый Устав об управлении Русской Православной Церковью. Но в Петровской епархии им стали пользоваться только в 1991 году, после перемены государственного законодательства о религии.

Протоиерей Илья был крепким хозяйственным мужчиной лет тридцати пяти. В его руках спорилась любая работа. В священном сане он служил уже больше десяти лет. За последние два года восстановил небольшую церковь, возвращенную верующим в одном из райцентров Петровской области. Архиепископ Анатолий высоко ценил этого священника и при первой возможности назначил его старостой кафедрального собора. Отец Илья, пользуясь новыми возможностями, быстро произвел замены в «двадцатке» и церковном совете; вся хозяйственная жизнь собора стала строиться исключительно так, как ему это виделось. Архиерей

и настоятель не только не противились начинаниям этого напористого и жесткого администратора, но во всем его поддерживали. Нужно сказать, что новый соборный староста работать любил. Невозможно было увидеть его без дела, при этом не чуждался он и сам штукатурить, красить, чинить электропроводку, систему отопления, что получалось у него блестяще. Вот и сейчас староста был занят тем, что, сменив рясу на рабочий халат, заменял в кабинете перегоревшую электрическую розетку. Увидев настоятеля, он сразу бросил свое занятие. Священники поприветствовали друг друга.

– Все-то вы в делах, отец Илья, трудитесь, как муравей, – улыбнулся отец Александр.

– Каждому свой труд. Вы ведь тоже здесь с самого утра, и все с народом. А мне это, честно сказать, хуже дается. Я больше люблю покрасить, поштукатурить...

– У вас ведь тоже постоянное общение с людьми. Ведь любой ремонт или реставрация в соборе проходят через вас. А вот еще новую крестильню решили построить.

– Ну, это совсем другое общение. Здесь все понятно: выполнил работу – получи деньги, плохо выполнил – переделай, не выполнил – пошел вон. А ведь к священникам приходят люди со своей подчас очень большой болью. Они ждут помощи. А я не всегда знаю, что им сказать.

– Вы знаете, митрополит Сурожский Антоний в одной из своих проповедей сказал, что

самый главный человек в нашей жизни — это тот, с которым мы общаемся в данный момент. Нужно всегда молиться, чтобы Господь вразумил дать правильный ответ каждому пришедшему, и нужные слова непременно найдутся.

— А как мне быть с теми, с кем приходится общаться по хозяйственной работе? Ведь этих «самых главных людей в жизни» я сколько раз ловил за руку на браке, приписках и прямом воровстве церковного имущества? Или на все закрывать глаза?

— Нет, конечно, вы правильно делаете, что избавляетесь от тех, кто пытается использовать работу в церкви как средство незаконного обогащения. И ваша жесткость, с которой вы эти проблемы решаете, вполне уместна. Но я за вас всегда переживаю и молюсь, потому что сложно священнику бесконтрольно распоряжаться всеми средствами храма.

—То есть вы хотите сказать, что я сам буду вором? — напрягся отец Илья.

— Ну что вы, конечно же нет. Просто мне очень запомнилось выступление владыки Хризостома на Поместном Соборе 1988 года. Он рассказывал, как в годы послевоенного церковного возрождения было много злоупотреблений со стороны священнослужителей в распоряжении церковным имуществом. И благом называл то, что в 1961 году нас отстранили от распоряжения хозяйственной жизнью приходов.

— Но вы ведь знаете, что я ничем не пользуюсь сверх того, что мне положено? — горячился отец Илья.

— Конечно, знаю. Знаю вас как кристально честного человека, поэтому вдвойне переживаю за вас. Вот вы сейчас сказали «сверх того, что положено». А ведь сейчас столько благодетелей, со всеми отношения приходится поддерживать вам. И многие из них очень непростые — у них особняки, иностранные автомобили, счета в банках. А ведь некоторые — моложе вас, и не имеют ваших талантов. И у вас может возникнуть тайная обида в сердце: а я чем хуже? Вы мне сами говорили, что бывают случаи, когда деньги дают большие и «просто так», без всяких документов, то есть вы сами должны решать, что именно вам положено.

— Но вы же знаете, что я все направляю на церковь! — обиженно возразил отец Илья.

— Знаю и восхищаюсь вами. Но сколько мне, как секретарю епархии, приходится видеть сегодня священников, которые, пользуясь возможностями, предоставленными временем, в которое мы живем, совместили должности настоятеля и старосты и без всяких сомнений очень широко пользуются церковной кассой.

— Гнать их надо, я всегда говорил! — горячо сказал староста собора. — Теперь уполномоченных у нас нет, Владыка сам может выгнать любого прохиндея.

— Но ведь многие из них — неплохие люди, просто они не устояли перед соблазном безотчетного распоряжения деньгами. Трудно бывает человеку, когда отчитываться ему нуж-

но только перед своей совестью. Я рад, что сам единолично не распоряжаюсь никакими средствами.

– Но вы как секретарь епархии не предпринимаете ничего, чтобы этих людей выгнать из Церкви! А разве это – не грех?

– Наверное, грех. Но я ведь не способен быть ни секретарем, ни настоятелем. Я столько раз просил Владыку, чтобы он освободил меня от этих послушаний... Люблю служить, проповедовать, иногда Господь дает силы духовно поддерживать пришедших в храм людей. А вот командовать кем-то, решать, кто может служить в церкви, а кому уже не место, – на это у меня нет таланта. Наверное, пройдет совсем немного времени, и в руководстве всех епархий будут люди, которые сумеют отслеживать все не хуже уполномоченных. Но это будут другие люди... А вам, дорогой отец Илья, я очень доверяю. Вижу ваши старания придать благолепие собору. Думаю, что вы были бы намного более уместны в качестве его настоятеля, чем я.

– Ну, что вы... – смутился священник, который был польщен такой оценкой, но не знал, как себя вести.

– Я говорил об этом с Владыкой, но он, как всегда, меня не отпустил с административной работы. А мне так хочется служить только священником! Впрочем, мы не выбираем свой крест. Когда Иона не хотел идти проповедовать покаяние в Ниневии и пытался бежать, он был доставлен туда во чреве кита...

Простите, отец Илья, если я чем-то обидел вас, я и мысли не имел, что могу сказать что-то обидное.

— Нет, все в порядке, — заверил его староста. Пристально посмотрев на отца Александра, он вдруг сказал:

— А вы сегодня хоть что-то ели?

— Как-то и забыл об этом...— растерянно сказал настоятель. — Сначала крещение, а потом все люди подходили.

— Следить нужно за вами, право слово, как ребенок! — сказал отец Илья и повел отца Александра в соборную столовую.

* * *

Выйдя из соборной столовой, отец Александр опять пошел в храм. Сегодня к нему должен был подойти Евгений Алексеевич Иванов, много лет работавший уполномоченным Совета по делам религий по Петровской области, а сейчас возглавлявший кафедру в Петровском университете. Бывший уполномоченный всю жизнь был отчаянным правдоискателем, а с годами его все более занимал вопрос смысла жизни. С протоиереем Александром он мог говорить часами. Казалось бы, священник не мог сказать ему чего-то такого, что бы он, обладающий энциклопедическими знаниями, и сам не знал. Но он чувствовал потребность в этом общении, чувствовал потребность приходить в церковь уже не по служебной необходимости, а по зову своего сердца.

У самых дверей храма отец Александр увидел заплаканную молодую женщину, которая бросилась к нему, схватила за руку и стала просить помочь ей в ее беде. «Что же у вас случилось?» – спросил священник. Она, рыдая, рассказала, что у ее мужа было коммерческое предприятие, а сейчас оно внезапно разорилось, они и двое их маленьких детей остались без средств к существованию, другой работы он найти не может. Сама она никогда не работала. Муж в отчаянии, уже неделю пьет, думает о самоубийстве, а вчера у него прозвучала мысль, что он боится оставлять ее и детей, таких неприспособленных к жизни в этом жестоком мире, и хочет сначала убить их, а потом себя, но что-то его останавливает...

Отца Александра очень впечатлила услышанная история. Он сказал женщине, чтобы она и думать не смела о плохом.

– У вас есть где пожить несколько дней с детьми? – спросил он.

Оказалось, что есть тетка, с которой она, став богатой, прервала общение, но думает, что та примет ненадолго ее и детей.

– Ну вот и хорошо, – сказал священник. – Вашему мужу нужно прийти в себя, находиться с ним вместе пока опасно. А мы давай с тобой встанем на колени перед иконой Божией Матери и помолимся, чтобы Она помогла вашей семье. Тебя как зовут?

– Настя.

– А мужа и детей?

– Борис, Люба и Лиза.

– Ну вот, давай помолимся за болящего Бориса, Анастасию и младенцев Любовь и Елисавету.

Священник с женщиной встали на колени перед иконой, он молился, а она просто плакала рядом, слушая такие непривычные слова на одновременно знакомом и непонятном языке. Когда они поднялись, лицо отца Александра было мертвенно бледным, на лбу выступила испарина.

– Мне кажется, что все у вас устроится, – сказал он. – Но нужно не забывать Бога, благодарить Его, и Господь не оставит вашу семью.

...Через несколько дней эта женщина вновь подошла к отцу Александру со слезами благодарности. Когда они молились в храме, ее муж заснул, а проснулся смирившимся со своим новым положением. Он перестал пить, за два дня пришел в себя, с ужасом вспомнил о своих желаниях. А сегодня ему предложили работу. Конечно, больших денег у них уже не будет, но на жизнь им и их детям вполне хватит. Мужчина тоже стоял немного поодаль. Чувствовалось, что ему неловко. Священник подозвал его и сказал, чтобы они всегда благодарили Бога за то, что Он спас их и детей и чтобы пришли на исповедь. Эта семья стала ходить в собор. Богатство к ним уже никогда не вернулось, трудностей хватало, но чувство безысходности и страха навсегда ушло из их жизни.

...Только проводив плачущую женщину, отец Александр увидел стоявшую в храме девочку лет двенадцати с полными боли и отчаяния сухими глазами.

– Что у тебя случилось? – превозмогая боль в голове и сердце, спросил ее священник.

Она сказала, что ее мама тяжело больна, она лежит в больнице, а сегодня врачи сказали, что нужно готовиться к худшему.

– Давай помолимся за нее, – ласково сказал отец Александр. – Ты умеешь молиться?

– Нет.

– А ты крещеная?

– Не знаю, бабушка в детстве носила меня в церковь, там поп окунал меня в какой-то жбан с водой...

– Значит, крещеная, – улыбнулся священник. – Раз бабушка тебя носила крестить, то, наверное, и маму в детстве крестили?

– Нет, это бабушка по отцу. А мамыны родители – атеисты, дедушка вообще ругает меня за то, что я крест ношу, а я не снимаю, всегда говорит, что в церковь нельзя ходить, а я все равно иногда хожу, мне здесь как-то спокойнее...

– Как тебя зовут?

– Вера.

– А маму?

– Октябрина.

– Ну, давай встанем на колени и помолимся, чтобы Господь ее исцелил, – мягко сказал отец Александр, стараясь ничем не выдать того, что имя больной его несколько смутило.

Священник читал молитвы, в сухих до того глазах девочки появились слезы и какое-то облегчение.

– А мне кажется, что мама поправится, – вдруг сказала она.

– Будем надеяться на это, – серьезно кивнул отец Александр. – А она хоть немного верит в Бога?

– Мне кажется, что да, – кивнула Вера, – только боится бабушки.

– Ну, пусть тогда, если выздоровеет, придет креститься в храм. Расскажи ей, что ты за нее молилась.

– Обязательно.

...Девочка подошла к нему радостная на другой день и сказала, что кризис в состоянии ее матери прошел, больная пошла на поправку. А еще через месяц отец Александр крестил Октябрину с именем Ольга.

...Прощавшись с Верой, настоятель собора почувствовал, что сейчас может потерять сознание. Голова его закружилась, он начал медленно оседать. В этот момент его поймали чьи-то крепкие руки. Кто-то заботливо поддерживал его, усадил на скамью у стены, подал стакан воды. Через несколько минут священник пришел в себя и увидел Иванова.

– Простите, Евгений Алексеевич, что-то мне плохо стало, – слабым голосом сказал он.

– Нет, это вы меня простите, – ответил ему профессор. – Я здесь уже час, и то, что я видел, открыло мне на многое глаза лучше, чем

сотни любых бесед. Я видел сейчас искренность вашей молитвы, вашего сопереживания людям. И это очень тронуло мое сердце. Я всю жизнь искал идеальных людей, верил в гуманизм и общечеловеческие ценности, но как-то постоянно разочаровывался. А вы и архиепископ Анатолий столько раз говорили мне, что на земле не может быть ничего идеального, что только в Боге может успокоиться душа человека. А я слушал и не слышал... Я столько раз отнимал у вас часы времени на бесплодные дискуссии о смысле жизни, о религиозном сознании, а вы за это время могли бы помочь таким вот многим отчаявшимся во всем людям. А я все искал высший смысл в каких-то земных свершениях, раздувался от гордости, что делаю вклад в науку, считал себя лучше вас оттого, что имею ученые степени...

– Но вы ведь и правда доктор наук, – слабо улыбнулся священник, – а я простой человек.

– Все эти степени не всегда отражают подлинное состояние знаний человека. Если кто-то защитит диссертацию на тему «Роль свиней в развитии индивидуального жилищного строительства (по материалам книги «Три поросенка»)», то он не будет от этого обладать подлинным знанием жизни.

– Неужели, правда, можно защитить такую диссертацию? – весело засмеялся отец Александр.

– Нет, конечно, я утрирую, но по сути, думаю, вы меня поняли. Занимаясь частными и,

думаю, малозначимыми в целом проблемами, я думал, что постигаю вселенную...

– Я очень рад, Евгений Алексеевич, что вы приблизились к обретению веры, – сказал настоятель собора.

– Да, я подошел очень близко. Возможно, что я в следующий раз приду к вам на исповедь. А сейчас давайте я отвезу вас домой, еще пара бесед – и вы на месяц попадете в больницу.

* * *

Протоиерей Александр говорил проповедь о значении праздника Преображения для жизни каждого христианина:

– Вникнем в значение Христова Преображения. Оно есть предначертание нашего преображения. Все, что мы видим в жизни Иисуса Христа, Сына Божия, относится к каждому из нас. Нелегко было Ему жить среди злых, духовно гнилых, грешных людей. За любовь платили ненавистью. За смирение – гордостью, лицемерием, злобой. За все Его добрые дела, за все, что творил и чему учил, отблагодарили терновым венцом, поруганием, Голгофой. Земля колебалась, сотрясалась от слез и стыда за неблагодарное человечество. Человек распял своего Творца. Но Он и в страдании был велик. За крестной смертью последовало Светлое Христово Воскресение. Всей Своей земной жизнью и каждым движением, взором, делом, словом Господь призывает нас к Себе, чтобы

оживить для добра, для вечной жизни. Ты не мал, человек, ты не сирота, ты не погиб! Христос – твой Спаситель, Учитель и Друг! Только спеши! Не медли протянуть Ему свою руку! Проснись от греха! Он же любит тебя! Он давно ждет каждого из нас! Путь христианина к мысленному Фавору труден, как восхождение на гору. Верующей душе не нужно объяснять, для чего нужно это восхождение, духовная сладость богообщения. «Господи! хорошо нам здесь быть» (Мф. 17: 4), – воскликнул апостол Петр. Жизнь христианина – это путь туда, где всегда так хорошо, как хорошо было на святой горе апостолам, это путь в Царство Божие.

Закончив проповедь, настоятель собора зашел в алтарь. Последние месяцы он тяжело болел, были проблемы с давлением, постоянно давало о себе знать сердце. Но отец Александр не обращал на это внимания и продолжал в прежнем режиме служить, крестить, исповедовать, разговаривать с людьми. А большую часть сил отнимали у него нелюбимые им обязанности секретаря епархиального управления и настоятеля собора. Любое действие в административной сфере давалось ему с огромным трудом.

– Ну что же, отец Александр, наверное, опять придется нам вернуться в прежнее наше состояние, – невесело сказал архиерей.

– Вы о чем?

– Помнишь, я тебе рассказывал, что Павел Анатольевич мне говорил о том, что сейчас

будет решаться, по какому пути пойдет страна? Похоже, что все решилось, и вновь все будет решать коммунистическая партия. Правда, он говорил, что храмы закрывать не будут, но откуда он знает. Да и сказать ведь можно все что угодно. После службы поговорим, а сейчас давай помолимся, чтобы Господь помиловал многострадальное Отечество наше.

Отец Александр горячо молился за литургией и весь день, и в последующие дни. Ему очень хотелось, чтобы возможности свободного исповедания веры, которые появились у людей в последние годы, сохранились. Перед глазами священника проходили сотни людей, которые обращались к нему за молитвенной и моральной поддержкой; вспоминая, он молился за каждого из них.

А 21 августа все разрешилось. Узнав, что для Церкви все решилось благополучно, протоиерей Александр, наконец, позволил себе расслабиться... и потерял сознание прямо в соборе. Вызванные врачи констатировали инсульт.

Но, несмотря на неблагоприятные прогнозы медиков, отец Александр поправился и смог вновь служить и духовно поддерживать людей. А вот от административной работы его, наконец, освободили по состоянию здоровья, чему священник был несказанно рад. И еще многим сотням людей смог он оказать так необходимую им духовную поддержку.

ГАЛИНА ПЕТРОВИЧЕВА

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

ПОЭМА

Протоиерею Николаю Винокурову
посвящаю

Шепчет над могилкой мать седая,
Кланяется в пояс то и знай:
«Господи, как он мне помогает,
Батюшка наш, отче Николай».

И солдат, склонившись над могилой,
Уронил горячую слезу:
«Батюшка, я целый, невредимый,
Я прошёл чеченскую грозу.

Ты меня напутствовал сердечно,
Исповедал, крест на грудь надел,
Я тебе молиться буду вечно,
Поминать тебя, как ты хотел».

Девушки пионы расстилают,
Поправляют, чтоб ровней легли,
Как к венцу невесту убирают
Эту пядь уже святой земли.

Люди всё подходят, замирают:
«Здесь священник свой покой нашёл»,
«Звали его просто – Николаем»,
«Был убит? Иль мирно отошёл?»

Я смотрю задумчиво-печально:
Как же не хватает нам тебя,
Тихий, скромный Бога величальник,
Всех любивший, только не себя.

Кто он? Почему такая слава?
Отчего печалится народ?
Почему старик и кроха малый
Воздают ему такой почёт?

Деревенька русская, родная,
Прозвище Гумнищи – от гумно,
Волжские просторы, даль без края –
Родина, родившая его.

Христианка – мать Анастасия
И отец Макарий, земледел,
Да сама крестьянская Россия
Мальчику готовили в удел

Честно, добросовестно трудиться,
Церковь, что в Катунках, посещать,
Чтоб на литургии помолиться,
Дяде Никодиму помогать.

А когда отца на фронт забрали,
Всей семьёй молились за него,
Дети до утра, порой, не спали,
Бога с Мати Божьей призывали
Миловать родного своего.

Но когда фашистские уроды
Били по бойцам, что было сил,
Наш Макарий – санитар из взвода
Раненых из боя выносил

Всю войну — словно по краю бритвы,
Смерть ежесекундно стерегла,
Но спасала детская молитва,
Защитила и уберегла.

Винокуровых любили, уважали:
Честно жили праведным трудом,
Беженцев и нищих привечали
В бедный, но приветливый свой дом.

Вот откуда в сердце Николая
Поселилась эта доброта,
И молитва жаркая, святая,
И души честнейшей высота.

Неслучайно с дядей в Воронцове
(Никодим уже священник был)
Юноша в бессмертном Божьем слове
Правду и сердечность находил.

В армии, в стройбате, доставалось Николаю:
«Веруешь? Не смей!» —
Ведь страна в безбожье задыхалась,
Как тут сердцем было не скорбеть?

Но когда пускали в увольнение,
Шёл он в храм, чтоб тихо постоять,
Попросить у Господа прощенья,
Помолиться за отца и мать.

А потом опять лихая битва:
Сто преград пришлось преодолеть,
Но отца Амвросия молитва
Победила вражее «Не смей!»

В семинарию он открыл дорогу,
Лавра Николая приняла,
Сердце звало посвятить жизнь Богу,
Чтоб душа воскресла, ожила.

А потом собор Преображенский,
Вот уж настоятель Николай.
Как служил он! Как святой вселенский,
Открывавший людям веру в рай.

Звал любить, сам будучи любимым
Паствой всей за Божью благодать,
Он, всегда весёлый, добрый, милый,
Призывал всех верить и прощать.

Отпевал, венчал, крестил, лелеял,
Наставлял и верных, и лжецов,
И учил, и в души правду сеял,
И спасал заядлых подлецов.

И обогревал всех одиноких,
Чтоб несчастный горе одолел, –
Но у Бога времена и сроки,
Каждому начертан свой предел.

Март. Пуржит. Минута роковая –
Словно что нечаянно забыл.
И летит машина – смерть лихая,
И уйти, бежать уж нету сил.

Горе! Горе! Плачьте, плачьте, люди!
Оборвали телефон звонки: «Будет жить?
Поднимется? Не будет?
Вырвется за смертные флажки?»

Нет, не вырвался, ушёл, оставил
Нам печаль и светлую любовь,
Чтобы знали: жизнь – игра без правил,
Но не зря святая льётся кровь.

Дождь и снег с небес летят упрямо,
Тысячи людей поют: «Прости»,
Панихида. Гроб плывёт вокруг храма,
Краток миг последнего пути.

И архиепископ белый-белый
С болью друга в Небо отпускал,
На прощальном слове вдруг несмело
Замолчал и горько зарыдал...

...Год за годом мчат, уходят в вечность,
За апрелем снова будет май,
Но живёт в нас ласковый, сердечный,
Праведный священник Николай.

Мы придём не раз к его могиле
И поклонимся ему не раз,
Нам нужны любовь его и сила,
И молитва чистая за нас.

Шепчет над могилкой мать седая,
Кланяется в пояс то и знай:
«Господи, как он мне помогает,
Батюшка наш, отче Николай».

8.07.2003 года. Ночь.

*Написано с 23.00 по 0.53 ч. на одном дыхании
по благословению Валерия Иванова
и моей любящей отца Николая души*

БЕЗ УКАЗАНИЯ АВТОРСТВА

ПОМОЛИТЕСЬ В ТИШИНЕ...

На исповедь назначен час:
Не знали, что в последний раз...
Но боль в душе мне указала,
И со слезами я сказала:

«Наш милый батюшка, прости,
Мы знаем в жизни два пути:
Один к тебе – то в храм и к Богу!
Мы долго шли не той дорогой...

Сейчас, когда понятен путь,
Не оставляй нас, не забудь;
Ведь Бог Вам нас не зря послал,
А для того, чтоб наставлял.

Мы молим Господа о том,
Чтобы подольше быть с отцом,
Который молится за нас,
Утешит и простит тотчас.

Он не ругает, не корит,
С любовью нас благословит...»
На те слова ответил он:
«Господь для нас и кров и дом;

Он знает все и все устроит,
Всех утвердит и успокоит;
И не грустите обо мне,
А помолитесь в тишине...»

2001

ТРИ ПРОПОВЕДИ ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ ВИНОКУРОВА

ПАСХА ХРИСТОВА

«Христос воскрес!» Как невыразимо радостно произносятся эти чудные слова каждым христианином. Как много приятных воспоминаний они будят, сколько дают светлых и чистых надежд, как смиряют сердца чистой радостью, а дух поднимают горе, ввысь, к Воскресшему Спасителю. Мы в этот день как бы все христиане! И невозможно кого-либо отделить от этой всеобщей пасхальной, духовной радости.

При этом великом торжестве духа вспоминаются слова христианского писателя второго века Тертуллиана: «Душа по природе своей христианка». Велика радость в Воскресении Христовом, все равно – радуется ли дитя или седовласый старец, богатый или бедный, многоученый или простец. Не умом, но сердцем, лучше – всем своим существом каждый понимает всю силу праздника Пасхи, каждый ясно видит солнце с лучами света, от него исходящими и озаряющими всю поднебесную. Что солнце для земли, то Воскресение Христово для нашей жизни. И как на закате солнца

все погружается во мрак, — вся наша жизнь омрачалась бы непроницаемой тьмой, если бы не озаряло нас солнце Светлого Христова Воскресения.

Апостол Павел говорит, что тщетна была бы вера наша, если бы Христос не воскрес! Но Христос воистину воскрес! Об этом свидетельствуют апостолы Христовы и многие другие современники этого священного события. С тех пор миллионы людей познали не только, что Бог есть, но что Христос, Сын Божий, ставший человеком ради нашего спасения, умерший на кресте позорной смертью и воскресший из мертвых, победил зло, победил грех.

Праздников Праздник, Торжество из торжеств. Воскресение Христово еще именуется Пасхой. Слово Пасха пришло к нам из Ветхого Завета и означает «прохождение мимо» или «избавление от беды». Пасху совершили сыны Израилевы, когда вышли из Египта, освободившись из египетского плена.

В христианстве этот праздник наполнен новым содержанием. Ветхозаветная пасха стала прообразом Пасхи Нового Завета. И в одном из пасхальных песнопений мы слышим слова о Пасхе Христовой: «Христос новая Пасха, Жертва живая, Агнец Божий, взявляй грехи мира».

Воскресший Христос освободил нас от рабства диавола, дал нам жизнь вечную. Пасха Господня есть переход от зла к добру. Воскресение Христово есть величайшее мировое со-

бытие, потому христиане заменили им празднование ветхозаветной субботы. Первый день недели получил новое название – воскресенье, в память славного Воскресения Господа Иисуса Христа.

Мы собираемся в торжествующей обстановке и прославляем Воскресшего Господа, ликует наша душа и веселится сердце. Пасха Христова – Христос воскрес из мертвых, смерть побеждена, нам дарована вечная жизнь. Как не радоваться? Нам открыт вход в Царство Божие, некогда утраченное нами по своей греховной воле. Посмотрите на Царские врата в храме – они всю неделю будут открыты. Все открыто, все должно быть открыто, и не должно быть никаких тайн, смущающих нас.

Пасхальная радость светится. Свет в мире, и тьме не объять его. Этот свет Воскресения Христова – единственный, который сияет над миром сквозь тьму всякого заблуждения вот уже двадцать веков. И все смущения наши впустую и напрасны. Христос воскрес с нашим человеческим телом, и мы воскреснем по образу Его Воскресения. И все пройдет, все горькое и смущающее нас, как не бывшее, и будет эта единственная радость – Воскресение Христово. Свет Воскресения Христова светит и будет светить.

Во все концы вселенной разошлись святые апостолы и огласили мир проповедью о Воскресшем Христе, призвали людей к познанию Бога и любви к Нему, к прославлению Его,

а через это — к счастью и блаженству самих уверовавших.

И до нас с вами дошла спасительная благодать Божия. Православная Церковь обретает новую силу и занимает подобающее ей место в жизни нашего общества. Хотя дух злобы и старается скрыть от нас истину Воскресения Христова, но мы очищенными сердцами предощущаем жизнь будущего века, которую дает нам Воскресший Господь, и в символе нашей веры исповедуем, чаем воскресения мертвых. И пасхальная радость, несмотря ни на что, захватывает всех нас радостью и надеждой. Только исполнение заповедей Божиих может спасти нашу землю от растления греховного и окончательной гибели. И нужно всем миром, всем вместе восстановить полуразрушенные храмы и монастыри, построить новые храмы там, где их сейчас нет, начать изучение Закона Божия. С глубокой верой нужно сейчас всем трудиться — и пастырям, и мирянам над восстановлением духовности нашего народа.

Все наши добрые дела, совершаемые во славу Божию, для спасения людей и процветания нашего Отечества, будут успешны силою Воскресшего Спасителя, если мы будем иметь любовь и мир между собой. Потому вечно дороги нам первые слова Воскресшего Христа к ученикам Его: «Мир вам». И после принесенного Христом мира возрадовались ученики Его. Будем же и мы сынами мира. Дай Бог, чтобы скорее пасхальный звон был восстанов-

лен на Руси великой, чтобы вновь она стала именоваться святой, а нам помощи, Господи, жить пасхальной радостью и делиться ею со всеми людьми, приветствуя их вечно живым пасхальным приветствием.

«ДНЕСЬ ХРИСТОС В ВИФЛЕЕМЕ РАЖДАЕТСЯ ОТ ДЕВЫ...»

Евангельское благовестие ежегодно с нестареющей, неослабевающей силой возвещает истину любви – явление в мир Бога в образе Человека. И первыми свидетелями Его пришествия в мир стали пастухи, пасущие стадо: «Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их; и убоялись страхом великим. И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям.: ибо ныне родился вам в городе Давидовом (в Вифлееме) Спаситель, Который есть Христос Господь» (Лк.2: 9-11).

Мне хочется сегодня напомнить и рассказать вам о Рождестве Христовом чистым детским языком, детским непосредственным восприятием, ибо само слово рождение, рождество, возрождение приятно нам, сродно духу человеческому. И мне бы хотелось сказать об этой великой спасительной тайне именно языком чистого дитяти.

Для детского ума и детского воображения так много привлекательного в святой повести о Рождестве Христа Спасителя! Тихая ночь над полями палестинскими, уединенный

вертеп (пещера). Ясли, вокруг которых те домашние животные, которые знакомы ребенку по первым впечатлениям памяти, в яслях повитый Младенец, и над Ним кроткая любящая Мать с задумчивым взором и с ясною улыбкою материнского счастья. Приближаются три великолепных царя, идущих за звездою к убогому вертепу, с дарами, вдали на поле пастухи посреди своего стада, внимающие радостной вести Ангела и таинственному хору Сил Небесных. Потом злодей Ирод, преследующий невинного Младенца, избиение младенцев в Вифлееме, потом путешествие Святого Семейства в Египет...

Сколько во всем этом жизни и действия, сколько интереса для ребенка и для человека вообще. «Старая и никогда не стареющая повесть». Как она привлекательна всегда для детского слуха, и как скоро сживалось с нею детское понимание! Оттого-то лишь приведешь себе на память эту простую повесть, воскресает в душе целый мир, воскресает все давно прошедшее – Детство с его обстановкою, со всеми лицами, окружавшими его, со всеми радостями его возвращается в душу, как и таинственное ожидание чуда, радости, которое всегда бывало перед праздником Рождества Христова. Что было бы с нами, если бы не было в судьбе таких минут детского восторга, и они остаются благим влиянием на всю жизнь человека. Я помню, мама обвяжет нас в морозную ночь платками, чтобы мы не обморозили

носы, и идем мы, дети, вместе со взрослыми на службу в сельский храм, слышим церковное пение: «Дева днесь Пресущественнаго раждает, и земля вертеп Неприступному приносит, Ангелы с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют, нас бо ради родися Отроча Младо, Превечный Бог».

Уже утром приходим мы из храма, разговляемся, чем Бог послал после долгого Рождественского поста. В этот день ощущалось какое-то волнение, ожидание чего-то радостного, чего-то рождественского. То не было ожидание только детских подарков – нет, больше чувалось в душе, точно завтра будет день необыкновенный, светлый, радостный, и что-то великое совершаться будет. Боже! Это ощущение детских лет живет в нас и теперь.

Этот праздник праздновался долго. За пять дней начиналось предпразднство Рождества Христова, и мы, дети, жили ожиданием праздника. Затем – семь дней попразднства, в которые совершаются особые богослужения в православных храмах, украшается рождественская елка, увенчанная звездой, которая вела восточных мудрецов к месту Рождества Христова. Дети и взрослые ходили по домам с песнопениями, прославляющими Рождество Христово. Люди с детства, через слово и добрые поступки в меру возраста усваивали религиозную истину, что Бог зовет к делам любви, добра, милосердия, примером жертвенной крестной любви показывает нам путь

духовного возрождения. Как печально бывает видеть, что человек ожесточился сердцем и с трудом идет к свету.

Вспомним с годами утраченное, забытое, искусственно отвергнутое, Богом данное знание, которое питало, просвещало сердце человеческое, вело его к гармоничной жизни духа и тела, материального и духовного, вечного.

Искренне желаю всем просветиться светом Божественной любви, светом Рождества Христова! Святая Церковь предлагает спасительные средства – молитвы, очищение в Таинстве Покаяния, чтобы ощутить вечную радость общения с Богом.

О СЯТИТЕЛЕ НИКОЛАЕ ЧУДОТВОРЦЕ

В храме или дома перед нами святой образ. Кротко взирает с него седой любвеобильный старец. Он прозревает наше сердце: поступаешь ли ты в своей жизни по голосу совести, во грехе ли ты или на пути правды...

День священной памяти святителя и чудотворца Николая Мирликийского, одного из самых чтимых на Руси святых, празднуется по православному календарю 19 декабря. Родился он в третьем веке в малоазийском городе Патарах, с юных лет возлюбил Господа и всю жизнь отдал на служение Богу и людям. Особенно много он потрудился во время своего святительского служения, проявляя себя как ревностный поборник православной веры и благочестия. Но, как говорил апостол Иаков,

вера без дел мертва, и святитель Николай во- истину был исполнен великих христианских добродетелей веры и любви. Любя Бога, ко- торый есть любовь, он зажигался жертвенной любовью к человеку. Святитель и чудотворец умиротворяет враждующих и защищает не- винно осужденных, спасает от голода, защи- щает от меча. За свою любовь и милосердие Николай Мирликийский назван верующими людьми милостивым. В этом слове – сущность его души.

Он благодетельствовал всем, кому только мог, не разбирая и не рассуждая, благоде- тельствовал просто потому, что такова была потребность его духовной природы. Сострада- тельный пастырь не оставлял без помощи и тех, кто не знал имени Христова.

Напомню лишь один случай из жития свя- тителя Николая. Узнал он, что обедневший отец склоняет своих дочерей на порочную жизнь. Чутким сердцем предвидя физическую и духовную гибель этого семейства, он тайно ночью бросил в окно их дома узелок с золотом, спасая бедняков от греха и позора.

Но главной целью благотворительности свя- тителя было душевное спасение тех, кому он делал благо. Чисто евангельская христиан- ская любовь переполняла все его существо и искала выхода в делах милосердия. И свой тайный дар он приносит, памятуя слова Хри- ста: «Пусть левая рука твоя не знает, что дела- ет правая» (Мф. 6: 3).

Слово Божие – Святое Евангелие – нас всех призывает к делам милосердия: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5: 7). Примером в делах милосердия нам может служить святитель Николай. Он учит, что много доброго можно сделать нуждающимся материально, и еще больше милосердия можно оказать нуждающимся духовно: утешить добрым словом печальника, посетить больного, вселить в него надежду, что он не забыт, и что для Бога дорога каждая душа; обратить заблудшего на путь покаяния, простить обиды брату своему, помолиться за ближних и умерших.

Милость и молитва, по слову апостола, покрывает множество грехов и избавляет от вечной гибели души. Россияне, испытывая на себе милостивое деятельное заступничество святителя Николая чудотворца, воздвигли множество храмов – памятников его добродетелям. Написано множество икон этого служителя Божия и учителя милосердия. Народный испытанный молитвенный опыт обращается к святителю Николаю быть спутником во время путешествий на суше и на море, во время бедствий и горестей. Трудно поименовать всю широту и безбрежность его любви, помогающей всем просящим молитв и заступничества перед Богом во всех обстоятельствах бурного житейского моря. О нем точнее всего говорят слова церковного песнопения: «Положил еси душу твою о людех твоих и спасл еси неповинныя от смерти. Сего ради освятился еси, яко великий таинник Божия благодати».

СОДЕРЖАНИЕ

В.В.Иванов. От редакторов-составителей	3
А.А.Федотов. В память вечную будет праведник.....	7
Протоиерей Николай Винокуров. Официальный некролог	14

«НАРОД ЕГО ВСЕГДА ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ»

СЛОВО АРХИПАСТЫРЯ

Архиепископ Амвросий (Щуров).....	22
Митрополит Астраханский и Камызякский Никон.....	26
Архиепископ Элистинский и Калмыцкий Юстиниан	33
Епископ Городецкий и Ветлужский Августин.....	44

«БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК»

ВОСПОМИНАНИЯ РОДНЫХ

Схимонахиня Досифея (Винокурова), сестра протоиерея Николая.....	50
Байнова Надежда Юрьевна, племянница протоиерея Николая Винокурова	54

«...ЭТО БЫЛ ВЕЛИКИЙ ПАСТЫРЬ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ»

ВОСПОМИНАНИЯ СВЯЩЕННИКОВ

Архимандрит Никандр (Шамов)	58
Архимандрит Амвросий (Юрасов)	61
Архимандрит Никифор (Микула).....	67
Игумен Агафангел (Гагуа)	69

Игумен Хрисанф (Лебедев)	71
Игумен Агафон (Чесноков)	77
Игумен Родион (Шинджикашвили)	80
Схиигумен Вонифатий (Дыков)	84
Протоиерей Виктор Гаврилов	87
Протоиерей Владимир Кучерявый	91
Протоиерей Мефодий Финкевич	94
Протоиерей Александр Соловьев	97
Протоиерей Андрей Ефанов	104

«К ОТЦУ НИКОЛАЮ КАК МАГНИТОМ ПРИТЯГИВАЛО ЛЮДЕЙ»

ВОСПОМИНАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ,
РАБОТНИКОВ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Кузьмичев Александр Станиславович	107
Михайлов Генрих Александрович	110
Богородский Евгений Александрович	118
Кашаев Владимир Евгеньевич	124
Усманов Сергей Михайлович	127
Океанский Вячеслав Петрович	133
Язева Елена Викторовна	137
Белова Татьяна Павловна	147
Каморкина Луиза Петровна	151
Ермилов Юрий Иннокентьевич	154
Морозова Наталия Сергеевна	186
Полосина Татьяна Геннадьевна	189
Перская Елизавета Леонидовна	194
Субботина Алевтина Николаевна	201
Петровичева Галина Ивановна	207
Вшивцев Александр Аркадьевич	215

«...ЕГО СЛУЖЕНИЕ ОТЛИЧАЛОСЬ ПРОНИКНОВЕННОСТЬЮ»

ВОСПОМИНАНИЯ МОНАШЕСТВУЮЩИХ И ПРИХОЖАН

Монахиня Екатерина (Нелюбина)	220
Монахиня Анна (Нелюбина)	223

Инокния Фотиния (Маркова).....	227
Мусина Екатерина Даниловна	232
Медиокритская Тамара Николаевна	235
Миловидова Маргарита Александровна	239

«...ДЛЯ БОГА ДОРОГА КАЖДАЯ ДУША»

АНОНИМНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ.....	242
-----------------------------	-----

«...И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ»

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НА КОТОРЫЕ
АВТОРОВ ВДОХНОВИЛ ОТЕЦ НИКОЛАЙ

Выдержки из книги: Федотов А.А.	
Свет во тьме. Исторические повести.	
Иваново, 2010	264
Галина Петровичева. Человек Божий.	
Поэма. Протоирею Николаю Винокурову	
посвящаю.....	299
Без указания авторства. Помолитесь	
в тишине.....	304

ТРИ ПРОПОВЕДИ ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ ВИНОКУРОВА

Пасха Христова	305
«Днесь Христос в Вифлееме рождается	
от Девы...»	309
О святителе Николае чудотворце	312

ОБРАЗ ВЕРНЫМ

Памяти
протоиерея Николая Винокурова
К 50-летию священнической хиротонии

Редакторы-составители:

Депутат Государственной Думы ФС РФ **В.В.Иванов**;
доктор исторических наук **А.А.Федотов**.

В книге использованы фотографии из личных архивов архиепископа Амвросия (Щурова), архиепископа Элистинского и Калмыцкого Юстиниана, игумена Агафангела (Гагуа), архимандрита Никандра (Шамова), игумена Хрисанфа (Лебедева), протоиерея Александра Соловьева, А.А.Федотова, Т.М.Французовой.

Значительная часть фотографий, размещенных в книге, была в разные годы сделана Г.И.Петровичевой, А.А.Вшивцевым.

Отпечатано ОАО "Информатика"
Тираж 300 экз.



**Издание подготовлено при поддержке
благотворительного Фонда Святителя
Николая Чудотворца**

www.nascha.ru

Дорогие читатели!

Благотворительный Фонд Святителя Николая Чудотворца действует уже свыше 15 лет. Только за первые десять лет своей работы выполнил 880 соглашений о благотворительной помощи по 615 проектам на территории 50 субъектов Российской Федерации и 37 проектам за рубежом. Фонд участвовал в строительстве и восстановлении свыше 100 монастырей и храмов, воздвижении 26 памятников святым покровителям России и видным общественным деятелям, бесплатно распространил свыше миллиона единиц печатной продукции, организовал десятки паломнических поездок по России и за рубеж, множество благотворительных концертов с участием известных на всю страну исполнителей. Организовывалась помощь детским садам, общеобразовательным и шахматным школам, центрам детского творчества, православным семинариям и миссионерским центрам. Фонд Святителя Николая Чудотворца оказывал благотвори-

тельную помощь военным летчикам, морякам, пограничникам и десантникам.

Естественно, что такая деятельность не могла пройти незамеченной; силы тьмы не любят тех, кто идет за Христом Спасителем. Поэтому Фонд столкнулся со множеством сложностей, нападок со стороны самых разных людей, причем некоторые из них ранее сами принимали помощь Фонда. Но, несмотря на все трудности и испытания, наша работа продолжается во славу Бога молитвенным представлением святителя Николая Чудотворца.

Мы просим и вас о молитвенной поддержке, которая необходима нам для преодоления возникающих на пути развития Фонда преград и реализации новых проектов, а также о молитвах за наших ушедших в путь всей земли родственников и дорогих нашему сердцу людей, духовное единство с которыми мы ощущаем в Церкви Христовой, в которой соединяются ныне живущие с теми, кто перешагнул порог вечности.

Просим ваших молитв:

О здравии: иеромонаха Михаила, Андрея, Александра, Александры, Александры, Николая с сослуживцами.

О упокоении: Евфросинии со сродниками, Юрия со сродниками, Иоанна со сродниками, Надежды, Бориса, Татианы.

И вас да сохранит
и благословит Господь!